

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2022. Т. 67, № 3

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2022. Т. 67, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Помощник Президента Республики Беларусь по вопросам финансово-кредитной системы, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Д. К. Безнюк** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- М. В. Мясникович** – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
- П. Г. Никитенко** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. В. Саверченко** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр “Наука” Российской академии наук», Москва, Россия
- Г. Генчель** – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- С. Ю. Глазьев** – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- Е. К. Голаховска** – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
- А. Е. Дайнеко** – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- С. Л. Кандыбович** – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белоруссов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
- Е. Миронович** – Белостокский университет, Белосток, Польша
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
- П. П. Толочко** – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
- Чжан Юйянь** – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
- Янг Хионг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67, № 3.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 06.07.2022. Выход в свет 27.07.2022. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 86 экз. Заказ 128.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,66 руб., ведомственная подписка – 29,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2022

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2022, vol. 67, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

Valery I. Belsky – Assistant to the President of the Republic of Belarus on the Financial and Credit System, Minsk, Belarus
(*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Dmitry K. Beznyuk – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gursky – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentsthe**l – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2022, vol. 67, no. 3.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 06.07.2022. Published on 27.07.2022. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 86 copies. Order 128.
Number price: individual subscription – BYN 12.66, departmental subscription – BYN 29.74.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2022

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Смоляков Д. А. Академические субъекты в контексте интернационализации высшего образования: социально-философский аспект..... 263

Балич Н. Л. Религиозная идентичность жителей Беларуси в зависимости от типа населенного пункта и конфессиональной принадлежности 270

ГІСТОРЫЯ

Трубчык П. А. Праблема станаўлення і дзейнасці манархічных арганізацый на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. у публікацыях дарэвалюцыйнага перыяду 281

МОВАЗНАЎСТВА

Третьякова Ю. Р. Об уровнях формально-семантической абстракции словообразовательных цепей эмоциональных глаголов в русском языке 289

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Гудей-Каштальян В. Г. Музыкально-театральный симфонизм..... 301

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Мікуліч М. У. Забытыя старонкі літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі..... 309

ПРАВА

Киселёва Т. М. Электронный муниципалитет в Республике Беларусь: сущность, состояние и перспективы развития..... 320

ЭКАНОМІКА

Неверов А. В., Бахед Х. А. Формирование концептуальных основ построения стоимостного учета эко-системных услуг лесов 332

РЭЦЭНЗІІ

Данилов А. Н., Водопьянов П. А. Человек перед лицом будущего: новые вызовы и риски 341

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Smaliakou D. A.** Academic subjects in the context of internationalisation of higher education: socio-philosophical aspect 263
Balich N. L. Religious identity of population of Belarus depending on a type of locality and confessional affiliation 270

HISTORY

- Trubchik P. A.** The problem of the formation and activity of monarchical organizations on the territory of Belarus in the early twentieth century in publications of the pre-revolutionary period 281

LINGUISTICS

- Tretsiakova Y. R.** About the formal-semantic abstraction levels of derivational chains of emotive verbs in the Russian language 289

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

- Guday-Kashtalyan V. G.** Musical and theatrical symphony 301

LITERARY SCIENCE

- Mikulich M. U.** Forgotten pages in the literary history of Western Belarus 309

LAW

- Kisialiova T. M.** Electronic municipality in the Republic of Belarus: essence, state and development prospects.... 320

ECONOMICS

- Neverov A. V., Bahedh H. A.** Formation of the conceptual foundations for the construction of cost accounting of forest ecosystem services 332

REVIEWS

- Danilov A. N., Vodopyanov P. A.** A man against the future: new challenges and risks 341

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167:378(437.6)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-263-269>

Поступила в редакцию 06.04.2022
Received 06.04.2022

Д. А. Смоляков

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета, Чжэньцзян, Китай*

**АКАДЕМИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Интернационализация высшего образования реализуется в различных национальных условиях, понимание которых может пролить свет на интеграционную функцию этого явления. Выделив первичные и вторичные заинтересованные стороны, проанализировав режимы функционирования высшего образования, можно определить возможности для сопряжения и взаимодействия академических учреждений из разных стран мира. Рассмотрев систему принятия решений в конкретных национальных условиях и учреждениях высшего образования, приходит понимание, как образуется взаимодействие между различными заинтересованными сторонами в международной среде, что в дальнейшем позволяет институционализировать каналы международной коммуникации и расширения сотрудничества.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, заинтересованные стороны, режимы функционирования высшего образования

Для цитирования: Смоляков, Д. А. Академические субъекты в контексте интернационализации высшего образования: социально-философский аспект / Д. А. Смоляков // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 263–269. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-263-269>

Dzmitry A. Smaliakou

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Belarusian-Chinese Research Center for Philosophy and Culture of Lingnan Normal University, Zhanjiang, China*

**ACADEMIC SUBJECTS IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONALISATION OF HIGHER EDUCATION:
SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Abstract. The internationalisation of higher education is being implemented in various national conditions, the understanding of which can shed light on the integration function of this phenomenon. Identifying primary and secondary stakeholders, analyzing the functional regimes of higher education, it becomes possible to identify opportunities for conjugation and interaction between academic institutions around the world. By analyzing the decision-making system in specific national conditions and higher education institutions, it becomes possible to understand how could be established the interaction tracks between various stakeholders acting in various national environment, allowing to institutionalize the channels of international communication and expanding cooperation.

Keywords: internationalisation of higher education, stakeholders, functional regimes of higher education

For citation: Smaliakou D. A. Academic subjects in the context of internationalisation of higher education: socio-philosophical aspect. *Vesti Natsyyanal' nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 263–269 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-263-269>

Введение. Интернационализация высшего образования выступает одним из наиболее важных трендов современного глобального взаимодействия, усиливающего интеграционные процессы [1]. В то же время это явление реализуется в условиях взаимодействия стран с различными режимами экономики, государственного устройства и безусловно отличных систем высшего образования с точки зрения их организационного устройства. В этой связи возникает научная необходимость прояснить, как академические учреждения в частности и национальные системы высшего образования в целом устанавливают плодотворные и эффективные каналы взаимодействия, реализуют интеграционные проекты, сближая свои организационные и институциональные возможности. Представленный фокус актуален не только с точки зрения лучшего понимания процессов международного академического сотрудничества, но и с точки зрения межнационального взаимодействия и интеграционного сближения между различными национальными субъектами, обладающими отличающимися друг от друга экономическими, политическими и социальными системами.

Говоря о структуре взаимодействия академических учреждений и национальных систем высшего образования на международном пространстве, так или иначе приходится оперировать понятием «заинтересованной стороны», поскольку инициируют международное взаимодействие не учреждения и системы в целом, а конкретные субъекты, ожидающие конкретную выгоду от такого взаимодействия. Эти же субъекты выстраивают институциональную основу дальнейшего взаимодействия, обеспечивая построение каналов коммуникации, необходимых для расширения и углубления взаимодействия.

Проблема заинтересованных сторон (stakeholders) интернационализации высшего образования, определения их уровней, компетенций и сфер влияния представляет собой одну из фундаментальных задач, решение которой сможет пролить свет на сущность и внутреннюю механику интернационализации высшего образования. Это также вопрос интересов с точки зрения как внутренней, так и внешней политики, поскольку в условиях интернационализации имеет место не только контроль над адаптацией, внедрением и отсеиванием новаций, но и акцептация их донора.

Концептуальные рамки понятия «заинтересованной стороны». Погружаясь в теорию заинтересованных сторон, С. Гуэрра обращает внимание на то, что этот концепт имеет достаточно короткую историю, связанную в первую очередь с экономической теорией. Впервые появившись в 1963 г. во внутреннем меморандуме Стэнфордского научно-исследовательского института, понятие «заинтересованной стороны» подразумевало «группы, без поддержки которых организация не в состоянии существовать» [2, с. 16]. Это широкое определение маркировало, однако, важное разделение неоклассической и социально-экономической теорий, поскольку в рамках первой модели под заинтересованной стороной понимались в первую очередь держатели акций, т. е. люди, заинтересованные в прибыльности предприятия и получении дивидендов, в то время как в рамках второй модели главенствующее значение приобретал концепт «зависимости». Таким образом, фокус в понимании заинтересованной стороны смещался от прибыли к обеспечению и поддержке функционирования организации.

В научной литературе долгое время доминировали два определения заинтересованной стороны, предложенных Р. Фрименом и Д. Ридом. В рамках первого определения под заинтересованной стороной понимается «любой идентифицируемый человек или группа людей, которые могут влиять на формирование целей организации или находятся под их воздействием» [3, с. 88–106]. Второе определение уходит от концепта влияния к концепту зависимости: «...любой идентифицируемый человек или группа людей, от которых зависит дальнейшая выживаемость организации» [3, с. 91]. Таким образом, можно выделить две позиции в определении заинтересованной стороны. Первая ориентируется на цели функционирования организации, вторая апеллирует к способности дальнейшего функционирования в принципе. Заинтересованная сторона отвечает как за цели организации, так и обеспечивает ее функциональную работоспособность. Разделение между целеполаганием и обеспечением работоспособности позволяет выделить среди заинтересованных сторон наличие первичных (primary) и вторичных (secondary) субъектов. Если первичные субъекты определяют вектор развития организации, то вторичные обеспечивают ее повседневное функционирование.

С. Гуэрра выделяет четыре основополагающих атрибута заинтересованной стороны: власть, легитимность, безотлагательность и первостепенность (Power, Legitimacy, Urgency, Salience) [2, с. 18]. Атрибут «власти» понимается в том смысле, что заинтересованная сторона способна навязывать свои предпочтения и желания принудительными, нормативными или утилитарными средствами. Легитимность предполагает признанные обществом и ожидаемые образцы поведения, где желания заинтересованных сторон функционируют в рамках определенной ценностной системы и в этой связи ожидаемы и прогнозируемы. Безотлагательность атрибутирует способность привлечь незамедлительное внимание со стороны организации к своим желаниям, и здесь имеет место не столько «важность претензии», сколько сила взаимосвязи заинтересованной стороны и организации. Последний атрибут «значимость» напрямую зависит от наличия первых трех и степени их интенсивности, он определяет различие в приоритетности желаний одних заинтересованных сторон над другими [2, с. 19].

Механизмы влияния заинтересованной стороны на развитие академической организации. Применяя теорию заинтересованных сторон непосредственно к академическим учреждениям, выделяют три механизма влияния на академическую жизнь и вектор развития академической организации: избирательный, экономический и политический [4]. Под избирательным механизмом понимается способность заинтересованной стороны оказывать влияние на делегирование тех или иных полномочий тем или иным группам либо людям. Наличие формального права составляет основу такого влияния, и здесь речь идет не столько о прямом исполнении, сколько об опосредованном, через нормативное творчество и контролирующие обязанности. Таким образом, заинтересованные лица в силу их роли в академической организации через голосование могут оказывать влияние на формирование ее политики, хотя степень такого влияния во многом определяется структурой управления конкретным университетом.

Экономический механизм связан с теми заинтересованными сторонами, которые способны предоставлять или сберегать ресурсы. В этом ключе заинтересованной стороной могут выступать как внутриуниверситетские, правительственные, так и неправительственные участники, способные оказывать влияние на функционирование организации через контроль над финансовыми потоками. Используя указанный механизм, заинтересованные стороны не ограничиваются контролем над финансовыми инструментами университета или влиянием на его доноров. В высшем образовании бюджет, как правило, распределяется в соответствии с планом, принятым на заседании совета университета. Следовательно, именно члены совета, а не доноры бюджета будут распоряжаться финансами. В то же время источники финансовых поступлений также могут влиять на их использование и распределение посредством секвестра или задержки выделяемых средств. Не следует исключать из этого перечня и студентов-платников, которые могут отказаться от учебы в конкретном университете и перейти в другой.

Политический механизм заключается в способности заинтересованной стороны оказывать влияние через артикуляцию своей позиции, а также путем требования согласования действий. В числе сторон, оказывающих такое влияние, можно отметить правительство, политическую власть, а также другие страны, политика которых может воздействовать на университетскую деятельность.

Режимы влияния заинтересованной стороны. Рассмотрев механизмы воздействия заинтересованной стороны, важно отметить, что, как правило, в конкретных условиях речь идет не об одном из возможных, но о наборе доступных для использования той или иной заинтересованной стороной механизмов. Конкретный набор механизмов обусловлен режимом функционирования как национальной системы высшего образования, так и конкретного университета. В зависимости от условий академического функционирования К. Бйорквист выделяет четыре режима обеспечения влияния заинтересованных сторон в сфере высшего образования.

Первый из них – экспертный режим (The Expert Regime), где университет понимается как преимущественно автономная организация, в которой безоговорочно доминирует университетское академическое сообщество, в то время как влияние университетской бюрократии, государства, спонсоров и студентов лимитировано. В представленных условиях академическое сообщество избирает коллегиальные органы управления из числа выдающихся профессоров, тем самым

обеспечивается исключительное качество университетского образования. Основным интересом студентов выступает развитие собственных знаний, а роль государства сводится к обеспечению автономности образовательного учреждения [5].

В описанных условиях университет выступает самоуправляемым сообществом, где преобладает роль академической свободы. Управление происходит, с одной стороны, коллегиально – выборными органами, с другой – иерархично, так как разные уровни управления формируются из различных по влиянию и достижениям представителей преподавательского сообщества. Внешний контроль, хоть и весьма ограничен университетской автономией, однако, опосредованно представлен через государственное или спонсорское финансирование. В то же время такое воздействие попадает в сито фильтров университетских регламентов и планов расходования средств, традиций и ценностей, которые сформированы тем же академическим сообществом. Главенствующим атрибутом заинтересованной стороны при таком режиме считается легитимность.

Второй режим – режим обеспечения (The Welfare Regime) – формируется при таких обстоятельствах, когда университет выступает инструментом реализации политики внешней заинтересованной стороны. В этом случае университет исполняет роль государственного учреждения, встроенного в целостную систему государственного управления. Университет функционирует как важный инструмент проведения государственной политики, а его эффективность оценивается с точки зрения его вклада в экономическую и социальную систему государства.

В этих условиях государственное влияние уже не ограничивается сферой планирования. Университетские советы уступают лидерство государственному законодательству и директивам исполнительной власти, университетская администрация назначается профильными министерствами, а политические цели главенствуют над иными критериями полезности учреждения. Влияние и преподавателей, и студентов сводится к обеспечению тех форматов деятельности и приобретению тех компетенций, которые требуются государству. При таком режиме именно правительство ставит цели перед высшим образованием, а система государственного управления несет ответственность за их достижение.

Третий режим – режим переговоров (The Bargaining Regime) – предполагает широко развитую представительную демократию внутри университетской иерархии. При этом режиме монопольное право выдающейся профессуры на управление образовательным учреждением ограничено многослойностью органов университетского управления, где представлена не только администрация, но также преподаватели и студенты. В этих условиях заинтересованные стороны имеют приблизительно одинаковые возможности для влияния на университетскую деятельность и ее планирование. В этой связи администрация, технические работники, профессура, рядовые преподаватели и студенты вступают в переговоры, чтобы прийти к некоему консенсусу. Влияние реализуется через институт лоббирования, который в условиях многочисленности заинтересованных сторон способствует решению или продвижению тех или иных вопросов даже без согласования действий с высшим руководством учреждения [6].

Четвертый режим – коммерческий (The Entrepreneurial Regime) – основывается на приоритетах коммерциализации университетской деятельности. При таком режиме университет предоставляет на конкурентной основе набор образовательных и исследовательских услуг, а его деятельность ведется на пересечении влияния государственного и частного сектора, привлекая новые инвестиции и технологии как у себя дома, так и за рубежом. В этих условиях главенствующими целями университетской деятельности являются эффективность, гибкость и клиентоориентированность, а конкурентоспособность и выживаемость университета становятся базовыми условиями обеспечения его автономности.

Государство, студенты и предприятия при таком режиме рассматриваются потребителями университетских услуг. Законодательство и система выдачи грантов уравнивают влияние различных университетов в стране, тем самым предоставляя им возможность для свободного маневрирования. Несмотря на то что университет при таком режиме работы больше походит на коммерческое предприятие, нежели общественный институт, ключевые заинтересованные стороны сохраняют свой авторитет и влияние: частный сектор и студенты – через инвестирование

и оплату услуг, государство – через контроль, администрация и преподаватели – через обеспечение конкурентоспособности и финансовой независимости учреждения.

Альтернативой описанному подходу выступает теория, разработанная П. Альтбахом и Дж. Найт, в рамках которой заинтересованные группы локализируются в трех секторах: государственном (government), образовательном (education) и частном (private) [7, с. 21]. Рассматривая данную теорию, можно говорить о направляющем векторе, исходящем из государственного сектора и преломляющемся под воздействием образовательного и частного. В то же время представленный выше взгляд на различия разнообразных режимов функционирования заинтересованных групп в условиях университетской реальности предлагает более сложную картину взаимодействия.

В этой картине имеет место не множество взаимодействующих между собой национальных субъектов, но совокупность режимов реализации требований различных заинтересованных сторон. Эти стороны могут быть наделены властью как политическими институтами государства, так и коллегиальными органами университетского управления. Одни группы воздействуют силой политической необходимости, другие – посредством финансирования и контроля над расходованием денежных средств. Для одних заинтересованных сторон важна легитимность, для других – безотлагательность воздействия.

В рамках интернационализации ситуация существенно усложняется, так как в одном пространстве встречаются интересы неравнозначных и неравновесных групп, представляющих различные страны мира. В одних университетах главенствующее значение может иметь исполнительная власть государства, в других – выдающаяся профессура, в третьих – многочисленные группы лоббирования, в четвертых – студенты и их родители, в пятых – корпорации и частные инвесторы, в шестых – все группы вместе взятые и т. д. В этих условиях интересы частного сектора одной страны могут сопрягаться с государственными интересами другой. Цели студентов и преподавателей одного партнера могут коррелировать с планами администрации другого.

Заинтересованные стороны в структуре интернационализации высшего образования. Исходя из проведенного анализа необходимо признать, что в академической организации действуют различные заинтересованные стороны, обладающие разным статусом и возможностями в структуре академической жизни учреждения образования. В этой связи субъекты интернационализации действуют в соответствии с конкретным режимом функционирования образовательного учреждения, пытаясь удовлетворить интересы, которые могут вступать в противоречия с интересами других групп этой же организации.

Таким образом, совпадение интересов заинтересованных сторон представляется нетривиальной задачей для функционирования того или иного университета. В рамках интернационализации интересы и требования этих разностатусных заинтересованных сторон встречаются в едином пространстве взаимодействия, что свидетельствует не о единстве целей интернационализации, но о единстве получаемой от нее выгоды. Вопрос выгоды – это не только достижение желаний и целей запускающих ее заинтересованных сторон, но и способность преодолеть сопротивление внутри академических учреждений.

При таком понимании интернационализации высшего образования разделение заинтересованных сторон на первичные и вторичные, хотя и остается важным теоретическим вопросом, однако теряет основополагающее значение. Наиболее важным становится сама интенция к международному взаимодействию, т. е. внедрению того, что в академической среде называют международным измерением. Эта интенция может продвигаться как первичными, так и вторичными заинтересованными сторонами, если такие субъекты оказываются достаточно настойчивыми для институционализации каналов международного взаимодействия.

В этом смысле действительным субъектом интернационализации становится система высшего образования сама по себе, в то время как режимы функционирования высшего образования выступают в качестве символической надстройки. Целесообразно разделить системы высшего образования по форме реализации решений на три типа: вертикальные, смешанные и горизонтальные. Такая типология учитывает как разделение заинтересованных сторон на первичные и вторичные, так и рассмотренные ранее режимы функционирования высшего образования.

Система высшего образования вертикальной формы предусматривает жесткое нисхождение решений сверху вниз. В этой системе конкретный субъект производства решений (государственный орган, университетская администрация или попечительский совет) не имеет принципиального значения, так как система жестко иерархизирована, а потому на нижестоящих уровнях решение находится в том неизменном виде, что и на вышестоящих. В этом смысле интернационализация административно мотивирована, она запускается и поддерживается путем реализации распоряжений.

Смешанная система высшего образования предусматривает как вертикальную форму проведения решений, так и дискуссию в горизонтальной плоскости. В этом случае решения, спущенные сверху, реализуются в сочетании с внутригрупповой дискуссией на всех уровнях. Администрация и государственные ведомства указывают лишь направление движения, в то время как само это движение реализуется таким образом, как это понимают исполнители. В этой системе администрация представляется уже не только узкими составами администрации (ректорат) или государственным органом управления, но в более широком смысле, так как деканы, заведующие кафедрами и т. д. во взаимодействии с преподавателями и, в меньшей степени, студентами определяют как вектор, так и актуальный набор приоритетов процесса интернационализации.

Горизонтальная система высшего образования предусматривает наивысший уровень автономии как самой университетской администрации, так и всех структурных единиц учреждения высшего образования. Важно то, что студенты и преподаватели выступают наиболее значимым источником развития университетской политики. При такой организации вторичные и первичные заинтересованные стороны сливаются на уровне внутриуниверситетской дискуссии. Большинство решений осуществляется снизу вверх, наполняя администрацию как повесткой дня, так и направлениями для активизации работы.

Представленная типология систем высшего образования первоначально учитывает в себе дихотомию на первичные и вторичные заинтересованные стороны, а также улавливает плавность их взаимодействия в рамках интернационализации. В условиях проведения международной интеграции и совершенствования качества высшего образования главенствует способность проводить изменения в жизнь, а потому сама система высшего образования становится как субъектом, так и объектом изменений. При таком состоянии международного сотрудничества «режим высшего образования» имеет важное символическое значение, однако функционально оказывает малое влияние на сущность и структуру взаимодействия. То, что действительно имеет значение, – это система исполнения решений, т. е. та механика, за счет которой обеспечиваются в конкретной системе высшего образования процессы международной интеграции и совершенствования качества высшего образования.

Выводы. Таким образом, любая система высшего образования обладает многослойной системой взаимодействия различных заинтересованных сторон. Интернационализация высшего образования выступает эффективным инструментом совпадения интересов, поскольку позволяет реализовывать взаимодействие на поливариантной основе, сопрягая интенции и возможности академических субъектов, действующих в различных режимах функционирования высшего образования. Такие режимы являются прямым отображением политического устройства государства, в то время как интернационализация высшего образования представляет платформу для сопряжения этих режимов, предоставляя возможности и инструменты для развития международной интеграции.

Список использованных источников

1. Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы / Д. А. Смоляков. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 223 с.
2. Guerra, S. T. The influence of foreign stakeholders on the internationalization strategy of a born global in the health sector [Electronic resource] : dissertation / S. T. Guerra ; Lisbon School of Business a. Economics. – Lisbon, 2018. – Mode of access: <https://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/25284/1/Dissertation%20Sofia%20Telles%20Guerra%20%28PDF%29.pdf>. – Date of access: 10.12.2019.
3. Freeman, R. E. Stockholders and stakeholders: a new perspective on corporate governance / R. E. Freeman, D. L. Reed // California Management Rev. – 1983. – Vol. 25, № 3. – P. 88–106. <https://doi.org/10.2307/41165018>

4. Bjørkquist, C. Stakeholder regimes in higher education: old ideas in new bottles? / C. Bjørkquist ; Karlstad Univ. Studies. – Münster ; New York ; München ; Berlin : Waxmann, 2011. – 233 p.
5. Olsen, J. P. The institutional dynamics of the (European) University [Electronic resource] : working paper, no. 15 / J. P. Olsen ; Centre for Europ. Studies, Univ. of Oslo. – [Oslo : s. n.], 2005. – Mode of access: https://www.sv.uio.no/arena/english/research/publications/arena-working-papers/2001-2010/2005/wp05_15.pdf. – Date of access: 02.03.2020.
6. Peters, B. G. Institutional theory in political science: the new institutionalism / B. G. Peters. – London : Pinter, 1999. – 183 p.
7. Altbach, P. G. The internationalization of higher education: motivations and realities / P. G. Altbach, J. Knight // J. of Studies in Intern. Education. – 2007. – Vol. 11, № 3/4. – P. 290–305. <https://doi.org/10.1177/1028315307303542>

References

1. Smaliakou D. *Internationalisation of higher education: theory, practice, prospects*. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 2020. 223 p. (in Russian).
2. Guerra S. T. *The influence of foreign stakeholders on the internationalization strategy of a born global in the health sector*. Lisbon, 2018. Available at: <https://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/25284/1/Dissertation%20Sofia%20Telles%20Guerra%20%28PDF%29.pdf> (accessed 20.03.2022).
3. Freeman R. E., Reed D. L. Stockholders and stakeholders: a new perspective on corporate governance. *California Management Review*, 1983, vol. 25, no. 3, pp. 88–106. <https://doi.org/10.2307/41165018>
4. Bjørkquist C. *Stakeholder regimes in higher education: old ideas in new bottles?* Münster, New York, München, Berlin, Waxmann, 2011. 233 p.
5. Olsen J. P. *The institutional dynamics of the (European) University*. [Oslo], 2005. Available at: https://www.sv.uio.no/arena/english/research/publications/arena-working-papers/2001-2010/2005/wp05_15.pdf (accessed 22.03.2022).
6. Peters B. G. *Institutional theory in political science: the new institutionalism*. London, Pinter, 1999. 183 p.
7. Altbach P. G., Knight J. The internationalization of higher education: motivations and realities. *Journal of Studies in International Education*, 2007, vol. 11, no. 3/4, pp. 290–305. <https://doi.org/10.1177/1028315307303542>

Информация об авторе

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: d.smaliakou@live.com. <https://orcid.org/0000-0002-9676-9628>

Information about the author

Dzmitry A. Smaliakou – Ph. D. (Philos.), Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: d.smaliakou@live.com. <https://orcid.org/0000-0002-9676-9628>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.74 (476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-270-280>

Поступила в редакцию 19.04.2022
Received 19.04.2022

Н. Л. Балич

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Аннотация. Представлен анализ религиозной идентичности в зависимости от типа населенного пункта, региона, конфессиональной принадлежности, возраста респондентов. Учитываются общемировые тенденции глобализации, которые влияют на идентификационные процессы, секуляризацию, урбанизацию, религиозное многообразие в крупных городах, приводят к формированию особого типа городской культуры, характеризующейся одновременным упадком и ростом религиозного сознания, размыванием границ религиозного и нерелигиозного образа жизни горожан. На основе данных мониторинга, проведенного в 2021 г. Институтом социологии НАН Беларуси, проводится сравнительный анализ конфессиональной, вероисповедной структуры различных групп населения, выявляется уровень доверия основным христианским церквям. Сделан вывод о специфике собственного пути развития белорусского общества, который характеризуется широкими возможностями мировоззренческого и идентификационного выбора в крупных городах, где определенная часть жителей считают себя свободными от религиозных влияний.

Ключевые слова: религиозная идентичность, населенный пункт, регион, конфессиональная принадлежность, глобализация, урбанизация, секуляризация

Для цитирования: Балич, Н. Л. Религиозная идентичность жителей Беларуси в зависимости от типа населенного пункта и конфессиональной принадлежности / Н. Л. Балич // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 270–280 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-270-280>

Natallia L. Balich

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RELIGIOUS IDENTITY OF POPULATION OF BELARUS DEPENDING ON A TYPE OF LOCALITY AND CONFESSIONAL AFFILIATION

Abstract. The article presents an analysis of religious identity depending on the type of locality, region, confessional affiliation, age of respondents. Global trends are taken into account, which affects identification processes, secularization, urbanization, religious diversity in large cities, and leads to the formation of a special type of urban culture, characterized by the simultaneous decline and growth of religious consciousness, blurring the boundaries of the religious and non-religious way of life of citizens. Based on the data of a sociological survey conducted in 2021 by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, a comparative analysis of the confessional, religious structure of various population groups has been carried out, the level of trust in the main Christian churches has been revealed. The conclusion has been made about the specifics of the own way of development of the Belarusian society, which is characterized by wide opportunities for worldview and identification choice in large cities, where a certain part of the inhabitants consider themselves free from religious influences.

Keywords: religious identity, locality, region, confessional affiliation, globalization, urbanization, secularization

For citation: Balich N. L. Religious identity of population of Belarus depending on a type of locality and confessional affiliation. *Vestsi Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 270–280 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-270-280>

Введение. Религиозная идентичность и различные формы ее проявления – одно из наиболее важных социокультурных явлений современного общества наряду с расширением городского пространства. Города выступают территорией мировоззренческого, идентификационного, в том числе религиозного, выбора индивидов, который становится все более разнообразным под влиянием информационных, инновационных, сетевизационных, цифровизационных, технологических процессов, а также глобализации. Городское пространство формирует социальные, экономические, культурные, коммуникационные ценности и мотивы поведения людей в обществе. Многие исследователи рассматривают урбанизацию как цивилизационный процесс, характеризующийся

сменой места жительства и значимыми переменами в жизнедеятельности индивида и общества в целом. Эти изменения затрагивают также сферу религии.

Основная часть. В социальных науках различные аспекты глобализации и ее влияние на религиозную сферу общества рассматриваются через следующие категории: урбанизация, секуляризация, модернизация, индустриализация и др.

В социологии религии секуляризация является важнейшим понятием для характеристики современных религиозных процессов и вместе с тем одним из самых дискуссионных, начиная с трактовки самого понятия и заканчивая пересмотром методологических ориентиров исследователей. В классических западных социологических теориях секуляризация описывается как эмансипация общества от влияния религии с объяснением разных причин и последствий такого явления (М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Белла, Д. Мартин, Т. Лукман, Б. Уилсон, Ю. Хабермас, Д. Бонхёффер и др.). Альтернативные концепции секулярной теории урбанизации воплощены в трудах американского теолога Х. Кокса, немецкого социолога Г. Зиммеля, критические – в работах австрийского социолога и теолога П. Бергера, американского социолога Р. Старка и др.

Термин «секуляризация» в социологию религии одним из первых ввел М. Вебер (использовал его в ряде работ в значениях «расколдовывание мира», «десакрализация», «жизненный материализм») в качестве понятийной категории и важнейшей стратегии развития западного общества, раскрывая в том числе суть противоречий между восприятием аскетического и материального образа жизни протестантов и католиков в контексте секуляризации [1]. Ученый предвидел неизбежное разочарование вследствие рационализации западного мира, которое приведет к вытеснению магических составляющих из мышления и образа жизни людей.

Систематизация семантических научных схем, посредством которых осуществляется трансляция темы секуляризации, представлена следующим образом: исторический (историко-генетический), структуралистский, субстанциональный, лингвистический подходы [2].

Теория секуляризации нашла сторонников и не избежала критики со стороны как западных, так и отечественных, а также российских исследователей. Разочарование в мировой науке в популярных теориях секуляризации на фоне нового исследовательского интереса, признания ценностей отдельных конфессий начинает проявляться к концу 1990-х гг., когда «констатация упадка религий по мере социально-экономического прогресса сменяется поисками объяснения, почему обещанного повсеместного упадка не происходит» [3, с. 126].

Критика секуляризации Р. Старка основывается на противоречиях данного явления с эмпирической реальностью. Крупницей достоверности могут служить имеющиеся контрасты между сегодняшним моментом и ушедшей эпохой веры. Последнюю он считает скорее ностальгией, поскольку отсутствие религиозного участия было распространенным явлением даже в Средневековье. В христианском мире Р. Старк не видит религиозных изменений, которые бы соответствовали тезису о секуляризации. Оценку доктрины секуляризации, возникающей как ответ на модернизацию, ученый распространяет на нехристианские общества, доказывая, что магические народные религии в странах Азии не претерпели никакого упадка [4].

П. Бергер, напротив, подвергал сомнению явление секуляризации в эпоху модерна (концепции Ф. Ницше, К. Маркса, З. Фрейда), отмечая всплеск религиозной веры в XXI в. во многих странах мира. Прогресс науки и сопутствующая ей рациональность не вытеснили предрассудки и иррациональность религии. Поэтому постулат М. Вебера о том, что рациональное научное мышление уничтожит «волшебный сад» досовременных мировоззрений, П. Бергер считал ошибкой. Он был не согласен и с мнением Э. Дюркгейма, рассматривающего секулярность в качестве прогресса. Ошибки классиков социологии П. Бергер видел в смешении понятий, так как современность не всегда секуляризирует. При этом модерн порождает множественность убеждений, мировоззрений и религиозный плюрализм в рамках одного общества, что противоречит религиозной традиции. Этот вызов, по его мнению, теоретики секуляризации не учли [5].

Анализируя доктрины секуляризации, важно принимать во внимание тот факт, что ее разработчики являлись представителями западной науки, а европоцентризм был характерной чертой европейского гуманитарного знания конца XIX – первой половины XX в. и нередко подвергался обоснованной критике. Р. Коллинз, в частности, писал: «История социальных структур не так

разнообразна, как предполагали авторы, помещавшие Запад в центр своего повествования, в том числе и Макс Вебер» [6, с. 510].

Критическое рассмотрение европоцентризма актуально и для отечественной науки, оно обусловлено прежде всего уникальностью собственного современного этапа в развитии религиозности Беларуси и других постсоветских государств, для которых «факт неумирания религии наслаивается на факт существования секулярного общества» [2, с. 101].

В рамках нашего исследования научный интерес представляет альтернативная концепция американского теолога Х. Кокса, обосновывающая влияние урбанизации на развитие религиозности в современном обществе в духе христианского осмысления секуляризации. В известной работе «Мирской град: Секуляризация и урбанизация в геологическом аспекте» Х. Кокс проводил параллели между библейской традицией и секуляризацией, теологически истолковывая данное явление в контексте сюжета Евангелия в истории. Он считал развитие секуляризации закономерностью, которая вынуждает человека «говорить о Боге мирским языком и найти нерелигиозную интерпретацию библейских понятий» [7, с. 23].

В христианстве Х. Кокс видел особый тип городской культуры, исходя из универсальности и открытости данной религии, а в современном мегаполисе (технолисе) – социальный облик нового секулярного мира. К важнейшим характеристикам мегаполиса он относил анонимность и подвижность, которые, несмотря на критику с религиозных и нерелигиозных позиций, помогают индивиду выжить в условиях городской среды. К основным тезисам Х. Кокса в защиту городской жизни можно отнести следующие:

- 1) город – лишь декорация, а не объект критики;
- 2) теологически городская анонимность противопоставляется Евангелию (свободе для принятия самостоятельных решений) и Закону (привязке к некритически воспринимаемым обычаям);
- 3) городская анонимность наряду с недостатками имеет ряд преимуществ и несет индивиду скорее освобождение от огромного числа людей, чем опасность, в том числе оберегает человека от вторжения в его частную жизнь, которую от вынужден отделять от публичной;
- 4) урбанизация освобождает человека, предлагая широкий спектр возможностей для выбора связей, коммуникаций, досуга, но вместе с тем требует от городского жителя изменить модели поведения, поскольку выбор всегда предполагает исключения;
- 5) замкнутость, безразличие, скепсис являются средством самозащиты горожан от личностных притязаний и ожиданий других людей. Вторичность, безличность, кратковременность большинства контактов обусловлена необходимостью поддержки немногих дружеских связей.

Х. Кокс избегал критики коммуникативных и социальных качеств людей, сформированных под влиянием городской среды. Не превозносил он также открытость и коммуникабельность сельских жителей, поскольку «городская анонимность вовсе не обязательно бесчеловечна. А за деревенской общительностью может скрываться опасная враждебность» [7]. Не отрицая наличия проблемы одиночества жителей мегаполиса, Х. Кокс подчеркивал, что ее нельзя решить, принося горожан к тем отношениям, которые посягают на их частную жизнь и ограничивают возможности ответственного совместного сосуществования.

Теологические взгляды Х. Кокса во многом отражают уклад жизни светской урбанистической Америки, а его «мировоззрение определяют два лейтмотива – прагматизм, наиболее отчетливо выраженный Джоном Ф. Кеннеди, и профанность, которую Х. Кокс связывал с мировоззренческой позицией Альбера Камю, называя его классическим “христианским атеистом”» [8, с. 75–76]. Сущность теологического видения секуляризации Х. Кокса заключается в попытке нерелигиозной интерпретации библейских понятий и обосновании своего видения развития христианской церкви в секулярном обществе. Диалог теологов с прагматиками и профанами на понятном им языке может решить различные социальные проблемы с позиции христианской этики и морали в безбожном мире мегаполиса.

Важно отметить, что концепция Х. Кокса жизнеспособна и не утратила своей актуальности в настоящее время. Однако применительно к белорусским реалиям в ситуации сосуществования групп с разным религиозным мировоззрением и высокой значимостью религии в жизни большинства белорусов вопрос относительно секуляризации белорусского общества не так однозначен.

чен. Соответственно, методологически исследование желательно начинать не с аналитического конструирования идеального культурного типа (модели) религиозности, а с изучения текущей религиозной и культурной ситуации белорусского общества, учитывая культурные, социальные, политические преобразования, происходившие на постсоветском пространстве. Для этого обратимся к данным социологического исследования.

Методика исследования. Опрос был проведен Институтом социологии НАН Беларуси в рамках республиканского мониторинга в декабре 2021 г. В исследовании приняли участие разные социально-демографические группы, проживающие в городских и сельских населенных пунктах республики, в возрасте от 16 до 93 лет (выборочная совокупность 1516 человек, доверительный интервал $\pm 2,52\%$). При проведении опроса применялась случайная многоступенчатая территориальная выборка с контролем квот на последнем этапе по трем признакам: пол, возраст, образование.

Для анализа были выбраны населенные пункты по типу зональной принадлежности: Минск; областной центр; крупный город с численностью населения 50–250 тыс. чел.; районный центр с численностью населения 10–50 тыс. чел.; малый город с численностью населения менее 10 тыс. чел. и поселок городского типа; сельский населенный пункт.

Целью исследования являлось изучение особенностей религиозной идентичности населения Беларуси в зависимости от типа населенного пункта, региона, конфессиональной принадлежности, возраста.

Описание данных опроса. На основе сравнительного анализа данных прежде всего была выявлена структура конфессиональной принадлежности респондентов в зависимости от типа населенного пункта. Результаты опроса показали, что большинство респондентов (данные по республике) идентифицируют себя с определенной конфессией. Лидирующую позицию по численности во всех регионах занимают православные (более 75%), доля католиков – около 10%, лиц с отсутствующей конфессиональной идентичностью – 12% опрошенных. Подавляющее большинство православных проживают в районных центрах (более 82%) и крупных городах (более 79%), католиков – в малых городах и поселках городского типа (около 20% опрошенных).

Очевидно, что урбанизация и широкое пространство мировоззренческого и идентификационного выбора становятся характерными чертами современных мегаполисов. Их религиозное разнообразие в условиях глобализации, с одной стороны, увеличивается, а с другой – создает возможности для эффективного использования производственной, социальной инфраструктуры, переключая внимание индивидов на достижение нерелигиозных целей, исходя из городского ритма и образа жизни (карьерный рост, увеличение заработка, расширение деловых связей и т. п.). В таких условиях определенная часть жителей городов считают себя свободными от религиозного выбора. Неслучайно Г. Зиммель видел город центром индивидуальной и социальной свободы, возникающей в результате всемирного процесса расширения территории и роста потребности в личной свободе под влиянием присущего всем крупным городам космополитизма [9, с. 9]. Это подтверждают данные опроса, согласно которому более 20% жителей г. Минска и около 13% населения областных центров – лица с отсутствующей конфессиональной идентичностью (табл. 1).

Современные белорусские регионы имеют свою конфессиональную специфику, представленную в национальном и религиозном многообразии, которая зависит как от внутренних (национального и конфессионального самоопределения респондентов), так и внешних факторов (географическое положение, территориальное соседство, структура и численность культовых зданий, религиозных общин и др.).

Согласно ответам респондентов, большая доля православных проживает в Могилевском (90,5%) и Брестском (84,5%) регионах, католиков – в Гродненском (20,1%), Минском (17,9%) и Витебском (16,3%) регионах. Об отсутствии конфессиональной идентичности, за исключением жителей г. Минска, предсказуемо сообщили 21,4% опрошенных из Гомельской области (Гомель является одним из самых крупных областных центров республики) (табл. 2).

Приведенные эмпирические и статистические данные позволяют сделать вывод, что Брестская область – один из уникальных регионов, где наиболее плотно представлены действующие религиозные организации. Согласно статистике уполномоченного по делам религий и национальностей, в данном регионе сосредоточено больше православных религиозных общин –

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о конфессиональной принадлежности в зависимости от типа населенного пункта, %

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question about confessional affiliation depending on the type of settlement, %

Вариант ответа	Минск	Областной центр	Крупный город	Районный центр	Малый город и поселок городского типа	Сельский населенный пункт	Итого
Православие	67,0	75,0	79,4	82,3	66,7	76,6	75,1
Католицизм	9,8	9,8	5,9	9,8	19,7	10,5	9,8
Протестантизм	0,3	–	1,1	0,6	1,1	–	0,4
Старообрядчество	0,3	–	–	–	1,1	0,5	0,2
Ислам	–	–	0,3	–	–	–	0,1
Иудаизм	–	0,3	–	0,5	–	–	0,1
Буддизм	–	0,4	–	–	–	–	0,1
Другое	1,0	–	–	0,3	–	–	0,2
Ни к какой религии, конфессии себя не отношу	20,1	12,8	9,6	6,5	9,1	10,2	12,0
Нет ответа	1,6	1,7	3,7	–	2,3	2,2	2,0

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о конфессиональной принадлежности в зависимости от региона, %

Table 2. Distribution of respondents' answers to the question about confessional affiliation depending on the region, %

Вариант ответа	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область	Минская область	Минск
Православие	84,5	75,9	73,8	73,5	90,5	66,2	67,0
Католицизм	2,5	16,3	1,5	20,1	2,3	17,9	9,8
Протестантизм	0,4	0,5	–	–	–	1,3	0,3
Старообрядчество	–	1,4	–	–	–	–	0,3
Буддизм	–	–	–	–	0,7	–	–
Ислам	0,4	–	–	–	–	–	–
Иудаизм	–	–	0,4	–	–	0,4	–
Другое	–	–	–	0,3	–	–	1,0
Ни к какой религии, конфессии себя не отношу	11,6	5,3	21,4	6,1	3,8	9,0	20,1
Нет ответа	0,5	0,6	2,9	–	2,7	5,1	1,6

Таблица 3. Количество действующих культовых зданий религиозных общин в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2022 г.

Table 3. Operating religious buildings of religious communities in the Republic of Belarus as of January 1, 2022

Церковь	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область	Минская область	Минск
Православная	44	247	266	272	151	355	46
Римско-католическая	67	95	16	231	12	83	12
Греко-католическая	1	2	–	–	1	1	–

390 (в Минской – 388, Витебской – 301, Гомельской – 243, Гродненской – 215, Могилевской – 139, г. Минске – 50). При этом действующих культовых зданий в Брестской области меньше (всего 44), чем в других регионах. Например, в Могилевской области, где 90,5 % опрошенных идентифицируют себя с православием, численность культовых зданий почти в 3,5 раза больше, чем в Брестской области (табл. 3).

В регионах республики, где жители отождествляют себя с католиками (в Гродненской, Минской, Витебской областях), действует большее количество культовых зданий (табл. 3) и религиозных общин римско-католической церкви (по сравнению с другими областями): в Гродненской –

176 (греко-католической – 2), Минской – 98 (греко-католической – 1), Витебской – 94 (греко-католической – 4), Брестской – 66 (греко-католической – 3), Могилевской – 24 (греко-католической – 1), Гомельской – 21 (греко-католической – 1), г. Минске – 21 (греко-католической – 4). Необходимо отметить деятельность польских национально-культурных общественных объединений, сосредоточенных преимущественно в Гродненской (35 объединений) и Минской (19 объединений) областях [10].

Количество религиозных общин, организаций и культовых зданий в населенных пунктах в определенной степени зависит от личных и организационных качеств священнослужителей, их взаимодействия с местными властями. Следует учитывать также наличие спонсоров, инициативных групп среди местного населения, а также отношение к религии представителей местной власти. Соответственно, статистические данные о конфессиональной специфике региона в определенной степени отражают также уровень и эффективность взаимодействия представителей церкви с местным сообществом (количество общин и культовых зданий в регионах не всегда коррелирует с численной разницей между населенными пунктами и количеством населения в областях республики).

Среди населения многих стран мира религиозная и национальная идентичности тесно переплетены. На этом основании одним из маркеров религиозной идентичности исследователи нередко считают этническое происхождение во взаимосвязи с религиозной традицией, воплощенной в культуре того или иного народа. Однако данные, полученные в ходе опроса, указывают на неточность таких суждений. Это особенно заметно на примере католиков, среди которых присутствуют белорусы, поляки, русские, украинцы, представители других национальностей. В структуре православных традиционно представлены белорусы, русские, украинцы (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о национальной идентичности православных и католиков, %

Table 4. Distribution of respondents' answers to the question about the national identity of Orthodox and Catholics, %

Вариант ответа	Православные	Католики
Белорус	85,1	64,2
Русский	11,7	4,8
Поляк	0,1	28,7
Украинец	2,0	1,1
Другое	0,2	1,3
Затрудняюсь ответить	0,3	–
Нет ответа	0,6	–

Подобное расхождение отмечают также российские социологи на основе данных, полученных исследовательской группой «ЦИРКОН». Согласно результатам опроса, к православным причисляют себя 60 % русских, но более трети из них не связывают себя с православной традицией [11, с. 169]. Таким образом, конфессиональное самоопределение респондентов не всегда соотносится с устоявшимися представлениями в обществе о религии как неотъемлемой части национальной идентичности.

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в значительной степени зависит от типа населенного пункта. Зонирование республики на столицу, областной центр, крупный город, районный центр, малый город и сельский населенный пункт показало большую сосредоточенность групп верующего и меньшую – неверующего населения в территориальных зонах, исключая столицу и областные центры республики. Подтверждается тезис, заявленный выше, о снижении значимости конфессиональной самоидентификации, а также религиозной веры для жителей более крупных населенных пунктов (например, столицы, где неверующими и склоняющимися к неверию назвали себя треть респондентов) и областных центров (где таковыми назвали себя четверть опрошенных). Вместе с тем во всех территориальных зонах отмечается меньшее количество неверующих, чем верующих. Следует также обратить внимание на тот факт, что неверующих во всех зонах оказалось больше, чем лиц с отсутствующей

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в зависимости от типа населенного пункта, %
Table 5. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you consider yourself a believer?" depending on a type of settlement, %

Вариант ответа	Минск	Областной центр	Крупный город	Районный центр	Малый город и поселок городского типа	Сельский населенный пункт	Итого
Да, скорее да	62,7	61,7	77,5	83,1	73,0	75,6	71,6
Скорее нет, нет	31,4	24,9	16,8	11,1	11,8	15,1	19,7
Затрудняюсь ответить	5,6	12,5	5,3	5,2	10,4	8,8	7,9
Нет ответа	0,4	0,9	0,4	0,6	4,8	0,5	0,8

конфессиональной идентичностью, что свидетельствует о значимости принадлежности к культурной традиции для определенной части респондентов, идентифицирующих себя с исторически традиционными конфессиями – православием и католичеством (табл. 5).

В результате исследования выявлена такая характеристика жителей столицы и областных центров, как более низкий уровень доверия церкви по сравнению с жителями других населенных пунктов. Население г. Минска демонстрирует наиболее низкие показатели доверия и высокие – недоверия основным христианским церквям. При этом среди жителей столицы и областных центров большее количество тех, кто доверяет, чем не доверяет православной церкви. В отношении католической и протестантской церквей, наоборот, больше тех, кто не доверяет, чем доверяет соответствующим конфессиям (табл. 6).

Анализируя показатели доверия церкви, нельзя не учитывать разное соотношение православных, католиков и протестантов в структуре общества: православных наблюдается значительно большая численность, чем католиков, протестантов – меньшее количество. Вполне ожидаемо, когда «своим» доверяют больше, чем иноверцам, что, несомненно, оказывает влияние на выбор конфессиональной предпочтительности. Невысокая популярность протестантских конфессий объясняется их более поздним появлением на белорусских землях (в отличие от православия и католичества), а также меньшей численностью последователей.

На уровень доверия и недоверия церкви могут оказывать влияние и другие факторы: опыт взаимодействия, взаимные ожидания, стереотипные представления, уровень знаний особенностей вероучений данных конфессий. Последний фактор особенно важен для формирования личного объективного восприятия представителей иной веры, поскольку люди склонны больше доверять тем, кого лучше знают. Можно предположить, что по мере увеличения знакомства с учениями разных конфессий недоверие к их представителям будет снижаться, а доверие расти.

Наиболее высокое доверие православной, католической, протестантской церквям (и низкое недоверие) выразили жители районных центров. Именно в данной группе присутствует наибольшее количество верующих (табл. 6). Жители столицы и областных центров охотнее выражают категорическое мнение относительно недоверия всем христианским церквям, подтверждая гипотезу Х. Кокса о выборе коммуникаций жителей более крупных городов через необходимость исключений из своего круга общения. Население малых городов и сельских территорий чаще выбирают деликатный вариант: «затрудняюсь ответить». Таким образом, с уменьшением масштабов населенного пункта происходит смещение отрицательных оценок в сторону неопределенных оценочных суждений относительно доверия тем или иным конфессиям (табл. 6).

Анализ ответов респондентов в зависимости от конфессиональной принадлежности показал, что католики имеют более выраженное религиозное самоопределение, чем православные. Обстоятельный анализ ответов свидетельствует о том, что убежденных верующих среди католиков – больше (64 %), чем среди православных (42,9 %), а склоняющихся к неверию – меньшее количество (5,4 % – католики, 10,9 % – православные). В группе католиков также нет неверующих и присутствует меньшая численность респондентов, затруднившихся дать ответ на вопрос о своем отношении к религиозной вере.

Подобная ситуация, когда приверженцев конкретных вероучений оказывается больше, чем верующих, подтверждается многочисленными социологическими опросами. В качестве причин

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы доверяете христианской церкви?» в зависимости от типа населенного пункта, %

Table 6. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you trust the Christian church?" depending on the type of settlement, %

Вариант ответа	Минск	Областной центр	Крупный город	Районный центр	Малый город и поселок городского типа	Сельский населенный пункт	Итого
<i>Православная церковь</i>							
Да	34,8	49,1	39,9	64,7	52,9	47,1	46,4
Нет	27,6	18,3	18,4	9,9	15,3	13,8	17,7
Затрудняюсь ответить	37,6	32,6	41,7	25,3	31,8	39,1	35,9
<i>Католическая церковь</i>							
Да	22,4	23,5	24,9	24,1	30,9	22,6	23,8
Нет	32,5	26,3	21,1	10,3	15,5	17,7	21,7
Затрудняюсь ответить	45,1	50,2	54,0	65,6	53,6	59,7	54,5
<i>Протестантская церковь</i>							
Да	8,4	9,4	10,9	9,4	14,3	11,5	10,4
Нет	40,3	37,8	29,4	14,3	23,8	20,3	28,4
Затрудняюсь ответить	51,3	52,8	59,7	76,4	61,9	68,2	61,2

выдвигаются тезисы об иллюзорности религиозного возрождения, сращивании понятий «верующий» и «религиозный» в сознании индивидов в контексте убежденности, что верующий должен участвовать в богослужебной практике, выполнять предписания церкви в повседневной жизни [12, с. 129–130]. Однако количественную разницу между конфессионально определенными и верующими можно объяснить не только иллюзорностью религиозного возрождения, но и наличием перспективной, своего рода резервной группы, которая со временем может быть обращена в веру и религиозную жизнь в рамках своей конфессии. Тем более, что среди православных численность неверующих невелика – 1,5 %, затруднившихся ответить – 6,2 % от количества опрошенных.

Исследователи отмечают рост нерелигиозного разнообразия (многообразия вер и нерелигий) и формирование новых типов нерелигиозного сознания, нерелигиозной идентичности как явления, характерного для разных стран мира [13]. В некоторой степени такие тенденции имеют место и в нашей республике. Согласно опросу, только меньше половины респондентов с отсутствующей конфессиональной идентичностью назвали себя неверующими. Остальную долю составляют верующие (1,0 %) и скорее верующие (1,6 %) без опоры на конкретную религию, склоняющиеся к неверию (28,9 %), затруднившиеся ответить (21,2 %). Это позволяет условно отнести последних к лицам с ситуативным, неустойчивым религиозным мировоззрением, которые составляют часть резервной группы и также могут быть обращены в религию, но затруднительно предположить, к какой именно конфессии (табл. 7).

Поколенческий сопоставительный анализ православных и католиков показал, что представители старших возрастных групп имеют более твердо выраженную мировоззренческую позицию.

Таблица 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в зависимости от конфессиональной принадлежности, %

Table 7. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you consider yourself a believer?" depending on religious affiliation, %

Вариант ответа	Православные	Католики	Отсутствующая конфессиональная самоидентификация
Да	42,9	64,0	1,0
Скорее да	38,5	28,6	1,6
Скорее нет	10,9	5,4	28,9
Нет	1,5	–	47,3
Затрудняюсь ответить	6,2	2,0	21,2

Среди них присутствует большая численность тех, кто считает себя верующими, меньшее количество тех, кто затруднился ответить на поставленный вопрос об отношении к своей религии.

Среди лиц с неустойчивым религиозным мировоззрением в обеих группах (склоняющихся к вере, затруднившихся ответить), а также неверующих и склоняющихся к неверию (православных) наблюдается большее количество молодежи до 25 лет. С увеличением возраста численность неверующих и затруднившихся ответить в группах православных и католиков снижается.

Католики в младшей и старшей возрастной группах отвергают для себя возможность полного или частичного неверия. Однако в возрастной группе 25–44 года доля скорее неверующих католиков (16,6 %) выше, чем среди православных (9,4 %). В целом можно констатировать, что каждое следующее поколение православных и католиков является более религиозным (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в зависимости от конфессиональной принадлежности и возраста, %

Table 8. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you consider yourself a believer?" depending on religious affiliation and age, %

Вариант ответа	Возраст респондентов									
	до 25 лет		25–44 года		45–64 года		65 лет и старше		итого	
	православные	католики	православные	католики	православные	католики	православные	католики	православные	католики
Да	17,1	44,1	42,5	51,0	44,3	70,3	59,2	85,3	42,9	64,0
Скорее да	42,1	46,4	40,1	30,1	39,5	28,1	31,2	14,7	38,5	28,6
Скорее нет	23,7	–	9,4	16,6	9,7	1,5	7,0	–	10,9	5,4
Нет	7,0	–	1,2	–	0,4	–	0,5	–	1,5	–
Затрудняюсь ответить	10,2	9,5	6,8	2,3	6,2	–	2,2	–	6,2	2,0

В условиях урбанизации и с учетом общих тенденций возрастания религиозного и нерелигиозного разнообразия необходимо обратить внимание на наличие проблем теоретического и практического характера, связанных с необходимостью совершенствования существующих методов исследования новых феноменов в секулярном обществе на основе обобщения эмпирических данных об объекте веры, выраженности религиозных чувств, степени включенности в религиозные практики, глубины набожности и других показателей.

Выводы.

1. Урбанизация под влиянием общемировых тенденций глобализации способствует расширению религиозного многообразия крупных городов, приводит к формированию особого типа городской культуры, характеризующейся одновременным упадком и ростом религиозного сознания, размыванием границ религиозного и нерелигиозного образа жизни горожан. Противоречивость городской культуры заключается, с одной стороны, в автономности индивида, с другой – в тесной связи со специфичной социокультурной средой. Применительно к белорусским реалиям в ситуации сосуществования групп населения с разным религиозным мировоззрением и высокой значимостью религии в жизни большинства белорусов вопрос относительно секуляризации белорусского общества остается открытым и требует дальнейших исследований.

2. Особенности конфессиональной структуры и религиозности белорусского общества обусловлены спецификой собственного исторического пути развития и характеризуются широкими возможностями мировоззренческого и идентификационного выбора в крупных городах, где определенная часть жителей считают себя свободными от религиозного выбора (каждый пятый житель столицы и почти каждый восьмой в областных центрах – лица с отсутствующей конфессиональной идентичностью). Большинство представителей верующего населения сосредоточено в территориальных зонах, исключая столицу и областные центры республики. Количество неверующих, но причисляющих себя к определенной конфессии, выше, чем доля лиц с отсутствующей конфессиональной идентичностью, что свидетельствует о значимости принадлежности к культурной традиции для определенной части респондентов.

3. Большинство респондентов идентифицируют себя с определенной конфессией – это преимущественно православные и католики. Конфессиональное самоопределение респондентов не всегда соотносится с устоявшимися представлениями в обществе о религии как неотъемлемой части национальной идентичности (среди католиков присутствуют белорусы, поляки, русские, украинцы). Большинство православных респондентов сосредоточено в районных центрах и крупных городах, католиков – в малых городах и поселках городского типа. Доля православных выше в Могилевском и Брестском, католиков – в Гродненском, Минском, Витебском регионах. Большее количество респондентов с отсутствующей конфессиональной идентичностью проживает в Гомельской области, причем Гомель является самым крупным областным центром республики.

4. Население столицы и областных центров меньше доверяет основным христианским церквям в отличие от жителей районных центров, где присутствует большее количество верующих. При этом православной церкви больше доверяют представители всех территориальных групп. Жители столицы и областных центров чаще выражают свое недоверие через отрицательный ответ. Население мелких городов и сельских территорий склонно избегать категоричных оценок, выбирая деликатный вариант: «затрудняюсь ответить». Можно предположить, что по мере знакомства с учениями разных конфессий недоверие к их представителям будет снижаться, а доверие увеличиваться.

5. Каждое следующее поколение православных и католиков является более религиозным. Католики имеют более выраженное религиозное самоопределение. Среди них присутствует большее количество убежденных верующих, меньшее – склоняющихся к неверию, затруднившихся ответить, отсутствуют неверующие. Среди православных участников опроса доля неверующих невелика – 1,5 %. Количественные показатели верующих в обеих группах превышают численность респондентов, склоняющихся как к вере, так и к неверию. Представители старших возрастных групп имеют более уверенную мировоззренческую позицию, среди них присутствует большее количество тех, кто считает себя верующим, меньшее – затруднившихся ответить на вопрос о религиозной самоидентификации. Среди лиц с неустойчивым религиозным мировоззрением, а также неверующих большее количество молодежи до 25 лет. С увеличением возраста численность неверующих и затруднившихся с ответом респондентов снижается. Респонденты с отсутствующей конфессиональной идентичностью, а также неопределившиеся с религиозным мировоззрением (скорее неверующие, затруднившиеся ответить) могут рассматриваться в качестве перспективной резервной группы, которая со временем может быть обращена в личную веру и посвящена в религиозную жизнь в рамках своей конфессии.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер ; пер. с нем. М. Левиной. – М. : АСТ, 2021. – 350 с.
2. Безнюк, Д. К. Секуляризация: опыт систематизации подходов изучения / Д. К. Безнюк // Социология. – 2009. – № 3. – С. 98–104.
3. Сардарян, Г. Н. Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма / Г. Т. Сардарян, Т. А. Алексеева // Полит. Полит. исслед. – 2020. – № 4. – С. 124–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.09>
4. Stark, R. Secularization, R. I. P. / R. Stark // Sociology of Religion. – 1999. – Vol. 60, № 3. – P. 249–273. <https://doi.org/10.2307/3711936>
5. Бергер, П. Фальсифицированная секуляризация / П. Бергер // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 8–20.
6. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз ; пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. – 1284 с.
7. Кокс, Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / Х. Кокс ; пер. с англ. О. Боровой, К. Гуровского ; под общ. ред. и с примеч. О. Боровой. – М. : Вост. лит., 1995. – 261 с.
8. Боков, Г. Е. Философское наследие Фридриха Ницше и теология «Смерти бога» / Г. Е. Боков // Филос. журн. – 2015. – Т. 8, № 1. – С. 67–87.
9. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – С. 23–34.
10. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2022 г.) [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <http://www.belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvaryu-2019-g>. – Дата доступа: 06.04.2022.

11. Задорин, И. В. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями / И. В. Задорин, А. П. Хомякова // *Полития: анализ, хроника, прогноз*. – 2019. – № 3 (94). – С. 161–184. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184>
12. Казьмина, О. Е. Православная религиозность в современной России: историческая проблема соотношения религиозной идентичности и религиозной практики / О. Е. Казьмина // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России*. – 2007. – № 1. – С. 129–135.
13. Руткевич, Е. Д. (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека / Е. Д. Руткевич // *Вестн. Ин-та социологии*. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 54–78. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.737>

References

1. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Moscow, AST Publ., 2021. 350 p. (in Russian).
2. Bezeniuk D. K. Secularisation: experience of systematization of the approaches to study. *Sociologiya* [Sociology], 2009, no. 3, pp. 98–104 (in Russian).
3. Sardaryan G. T., Alekseyeva T. A. Secularization and religiousness in the optics of constructivism. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 4, pp. 124–138 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.09>
4. Stark R. Secularization, R. I. P. *Sociology of Religion*, 1999, vol. 60, no. 3, pp. 249–273. <https://doi.org/10.2307/3711936>
5. Berger P. Secularization falsified. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2012, no. 2 (30), pp. 8–20 (in Russian).
6. Kollins R. *The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1284 p. (in Russian).
7. Cox H. *The secular city: secularization and urbanization in theological perspective*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995. 261 p. (in Russian).
8. Bokov G. E. Nietzsche's philosophical legacy and death of god theology. *Philosophskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 67–87 (in Russian).
9. Simmel G. The metropolis and mental life. *Metropolis*. London, 1995, pp. 30–45. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23708-1_4
10. Religious communities in the Republic of Belarus (as of January 1, 2022). *Commissioner for Religious Affairs and Nationalities*. Available at: <http://www.belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g> (accessed 06.03.2022) (in Russian).
11. Zadorin I. V., Khomyakova A. P. Religious self-identification of respondents in mass surveys: what is behind declared religiosity? *Politiya: analiz, khronika, prognoz = Politeia*, 2019, no. 3 (94), pp. 161–184 (in Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184>
12. Kazmina O. E. Orthodox religiosity in contemporary Russia: historical problem of correlation of religious identity and religious practice. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = RUDN Journal of Russian History*, 2007, no. 1, pp. 129–135 (in Russian).
13. Rutkevich E. D. (Non)religious diversity and correlation of religious, spiritual and secular in the consciousness of modern man. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 54–78 (in Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.737>

Информация об авторе

Балич Наталья Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом региональной социологии. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: n.balich@mail.ru

Information about the author

Natallia L. Balich – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Department of regional sociology. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Republic of Belarus). E-mail: n.balich@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК [329.21(476)(091):930.2] «19»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-281-288>

Паступіў у рэдакцыю 07.04.2022
Received 07.04.2022

П. А. Трубчык

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ПРАБЛЕМА СТАНАЎЛЕННЯ І ДЗЕЙНАСЦІ МАНАРХІЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ ХХ ст. У ПУБЛІКАЦЫЯХ ДАРЭВАЛЮЦЫЙНАГА ПЕРЫЯДУ

Анотацыя. Дается анализ дореволюционной историографии монархического движения как части политической истории Беларуси начала ХХ в. Первыми исследователям, насколько это позволяла действительность, удалось собрать и в некоторой степени систематизировать обширный фактический материал о политических организациях правого направления. В то же время анализ работ идеологов и лидеров политических партий дает основание полагать, что в своей основе они имели пропагандистский характер и в первую очередь были направлены на борьбу с политическими противниками.

Ключевые слова: белорусские земли, политические партии, монархическое движение, историография, дореволюционный период, Государственная дума

Для цитирования: Трубчык, П. А. Праблема станаўлення і дзейнасці манархічных арганізацый на тэрыторыі Беларусі ў пачатку ХХ ст. у публікацыях дарэвалюцыйнага перыяду / П. А. Трубчык // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 281–288. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-281-288>

Pavel A. Trubchik

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE PROBLEM OF THE FORMATION AND ACTIVITY OF MONARCHICAL ORGANIZATIONS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY IN PUBLICATIONS OF THE PRE- REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. The article analyzes the pre-revolutionary historiography of the monarchist movement as part of the political history of Belarus in the early twentieth century. The early researchers managed to collect and systematize extensive factual material about right-wing political organizations. At the same time, the analysis of the works of ideologists and leaders of political parties gives reason to believe that they were propagandistic and primarily aimed at fighting their political opponents.

Keywords: Belarusian lands, political parties, monarchist movement, historiography, pre-revolutionary period, the State Duma

For citation: Trubchik P. A. The problem of the formation and activity of monarchical organizations on the territory of Belarus in the early twentieth century in publications of the pre-revolutionary period. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 281–288 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-281-288>

Уводзіны. Адным з найбольш уплывовых кірункаў у грамадска-палітычным жыцці на беларускіх землях у пачатку ХХ ст. з'яўляўся манархічны рух. Праблема яго зараджэння, арганізацыйнага станаўлення і практычнай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў адзначаны перыяд па розных прычынах працяглы час заставалася за межамі ўсебаковага спецыяльнага навуковага вывучэння. Лічылася, што ў Беларусі ў разглядаемы перыяд арганізацыйна аформленага манархічнага руху не існавала. Аднак даследаванні апошніх гадоў сведчаць, што беларускія губерні па ўзроўні кан-

цэнтрацыі манархічных плыняў, якія ўзніклі тут у якасці самастойных аддзелаў ці пададдзелаў агульнарасійскіх партый і саюзаў, нават пераўзыходзілі некаторыя губерні ў цэнтры Расіі [1].

Вышэйадзначаная акалічнасць вымушае звярнуцца да гістарыяграфічнага аналізу агульнарасійскіх публікацый, якія маюць непасрэднае дачыненне да прапануемай тэмы навуковага даследавання.

Асноўная частка. Дарэвалюцыйная гістарыяграфія манархічнага руху прадстаўлена ў асноўным публіцыстычнымі працамі ідэолагаў розных палітычных плыняў і характарызувалася даволі шырокім спектрам ацэнак праграмных патрабаванняў, стратэгіі і тактыкі.

Першыя спробы вывучэння сутнасці манархічнага руху належаць прадстаўнікам ліберальных і сацыялістычных партый, якія знаходзіліся ў апазіцыі да царскага ўрада. Сярод першых грунтоўных даследаванняў на той час былі працы члена ЦК Канстытуцыйна-дэмакратычнай партыі У. П. Обнінскага, выдадзеныя ў 1906–1913 гг. у Расіі і за мяжой. Асноўную ўвагу аўтар сканцэнтраван на выкрыцці пагромнай тактыкі крайне правых партый, іх уплыву на мясцовую ўладу і ўрад, а таксама раскрыў шляхі, формы і метады ўзаемадзеяння структур улады з манархічнымі арганізацыямі ў ходзе барацьбы з рэвалюцыйна-дэмакратычным рухам [2, с. 268, 276]. Аднак даследчык не разглядаў прычыны з'яўлення чорных сотняў, іх сацыяльны склад. Разам з тым, прааналізаваўшы лісты былога дырэктара Дэпартаменту паліцыі А. А. Лапухіна, адрасаваныя П. А. Сталыпіну, матэрыялы крываваых падзей у Мінску, Гомелі і Беластоку, У. П. Обнінскі прыйшоў да высновы аб значнай ролі царскага ўрада, Дэпартаменту паліцыі ў арганізацыі пагромаў у канцы 1905 – пачатку 1906 г. [3, с. 123, 125, 275]. У цэлым, галоўная ўвага ў працах У. П. Обнінскага была сканцэнтравана амаль выключна на адным аспекце – датычнасці (або магчымай датычнасці) правых партый і іх прадстаўнікоў да арганізацыі пагромаў, якія адбыліся ў 1905 г. Асвятленне ім іншых пытанняў таксама адбывалася ў адзначаным кантэксце. Так, характарызуючы сацыяльны склад манархічных партый і арганізацый, ён пісаў, што гэта была ў асноўным «некультурная маса, рукаводзімая авантюрыстамі і палітычнымі убійцамі» [2, с. 272]. Відавочна, для аўтара на першы план выступала дзейная палітычная барацьба, якая ў многім прадвызначыла эмацыянальнае ўспрыманне падзей, відавочцам якіх ён з'яўляўся.

Сярод прац ліберальных аўтараў заслугоўвае ўвагі кніга «Кровавая политика и Белостокский погром». Яе аўтар узгадваецца ў прадмове як «корреспондент одной венской и русской газеты г-н Г...ский» [4, с. 2]. На прыкладзе крываваых падзей у Беластоку ён разглядае агульныя праблемы контррэвалюцыі ў Расійскай імперыі ў пачатку XX ст. Як і У. П. Обнінскі, аўтар робіць вывад аб датычнасці Дэпартаменту паліцыі і Міністэрства ўнутраных спраў да сацыяльных сутыкненняў у канцы 1905 – пачатку 1906 г. і схіляецца да высновы, што менавіта яны накіравалі на гэтыя крываваыя дзеянні чорную сотню.

Для некаторых прац ліберальнага кірунку была характэрна абсалютызацыя залежнасці крайне правых ад царскага ўрада і вярхоў рэакцыйнага дваранства. З'яўленне чарнасоценных групавак і масавых арганізацый разглядаецца ў гэтых даследаваннях як вынік мэтанакіраванай дзейнасці вярхоў самадзяржаўнага рэжыму. Лідар кадэцкай партыі П. М. Мілюкоў расцэньваў з'яўленне крайне правых «погромно-террористических группировок» як спробу рэакцыйных колаў бюракратыі і дваранства пры дапамозе прамога подкупу «темной мещанской массы» знішчыць зараджэнне рускага канстытуцыяналізму [5].

Адзначаная вышэй праблематыка ў асвятленні манархічнага руху ў пачатку XX ст. часткова прысутнічала ў працах А. А. Лукашэвіча, М. Д. Наскова, І. В. Лучыцкага [6–8]. Прадмет даследавання аўтараў быў даволі абмежаваны: І. В. Лучыцкі пісаў аб пагромах, А. А. Лукашэвіч і М. Д. Наскоў – аб правых саюзах. Адначасова імі прадпрымаліся спробы даць класіфікацыю правых партый у структуры расійскай палітычнай сістэмы. Класіфікацыя мела павярхоўны характар. А. А. Лукашэвіч узяў за аснову сацыяльны склад партый і арганізацый. «Саюз рускага народа», «Саюз 17 кастрычніка» і Гандлёва-прамысловая партыя былі аб'яднаны толькі па той прычыне, што ў сваіх шэрагах, на думку аўтара, яны згуртавалі «господствующий класс». М. Д. Наскоў у якасці асноўнага крытэрыю кансалідацыі манархічных сіл вызначыў аднаўленне парадкаў, якія існавалі ў Расіі да 17 кастрычніка 1905 г. Характэрнай асаблівасцю яго даследавання, у адрозненне

ад вышэйпералічаных прац, было тое, што правыя партыі ён не звязваў з дзейнасцю ўрада, а разглядаў як самастойныя арганізацыі.

Характарызуючы публікацыі прадстаўнікоў ліберальнага кірунку, неабходна адзначыць, што ў цэлым у іх знайшлі адлюстраванне агульныя рысы арганізацыі манархічнага руху ў Расіі на пачатковым этапе яго станаўлення. Разам з тым неабходна ўлічваць, што ствараліся гэтыя працы ў перыяд актыўнага ідэалагічнага і практычнага супрацьстаяння паміж рознымі лагерамі. Па гэтай прычыне было немагчыма пазбегнуць аднабаковасці ў асвятленні дзейнасці манархічных партый. Аўтары пакінулі за рамкамі сваіх даследаванняў такія важныя пытанні, як прычыны і мэты арганізацыйна-структурнага афармлення правых партый, узаемаадносіны кіраўніцтва цэнтральных арганізацый з мясцовымі, сацыяльны склад і шэраг іншых.

Спробы навуковага даследавання манархічнага руху ў Расіі былі зроблены ў дакастрычніцкі перыяд меншавіцкімі тэарэтыкамі Ю. В. Мартавым (Ю. В. Цэдэрбаум), У. Мечам (У. Д. Мачынскі), У. Лявіцкім (У. В. Цэдэрбаум), Я. Маеўскім (У. А. Гутоўскі) і Д. Кальцовым (Б. А. Гінзбург).

У кнізе «Политические партии в России», якая выйшла ў выглядзе другога выдання ў 1917 г. (першае з'явілася ў 1906 г.), Ю. В. Мартаў, засноўваючыся на праграмных дакументах і перадвыбарчых заявах, адным з першых прапанаваў сваю класіфікацыю амаль усіх буйнейшых палітычных партый, якія дзейнічалі і на тэрыторыі Беларусі. У прыватнасці, ён вылучыў чатыры групы партый: рэакцыйна-кансерватыўныя, умерана-кансерватыўныя, ліберальна-дэмакратычныя і рэвалюцыйныя [9, с. 5]. Праваманархічным партыям аўтар прысвяціў асобны раздзел «Правые реакционно-консервативные партии», дзе даецца адно з першых іх азначэнняў. У прыватнасці, Ю. В. Мартаў падкрэсліваў, што «консервативные (или правые) партии стоят за сохранение господствующих порядков ... сплошь и рядом добиваются восстановления уже давно исчезнувших учреждений». Такім чынам, на яго думку, правыя з'яўляюцца «...реакционерами (людьми, добивающимися попятного движения истории)» [9, с. 5]. У цэлым погляды Л. Мартава на манархічныя партыі амаль ідэнтычныя з высновамі У. І. Леніна, паколькі ён прымяніў для вызначэння тыпаў партый фактычна той жа «ленинский» класавы падыход. Разам з тым, пазбегнуўшы ў сваёй кнізе прамалінейных, рэакцыйных ацэнак, аўтар змог выявіць і прааналізаваць уплыў грамадскіх класаў на ідэалогію партый, іх праграмы і палітычную дзейнасць.

Праца У. Меча і па сённяшні дзень не страчвае свайго значэння [10]. Аўтар упершыню ў гісторыі вывучэння манархічных партый зрабіў спробу разгледзець працэс іх фарміравання, пагромна-тэарэтычныя метады барацьбы з рэвалюцыйным рухам, удзел у выбарах у Дзяржаўную думу; выявіць даныя аб колькасці манархічных саюзаў; вызначыць іх сацыяльны склад, а таксама даць тлумачэнне, чаму той ці іншы слой грамадства апынуўся на баку контррэвалюцыі. У прыватнасці, ён вылучыў слаі грамадства, якія былі зацікаўлены ў захаванні існуючага ладу. Аналізуючы сацыяльную базу і рухаючыя сілы рэакцыі, аўтар бачыў масавую апору манархічных арганізацый у дробнай гарадской буржуазіі і патрыярхальнай сялянскай масе. На думку аўтара, гэтыя слаі насельніцтва падтрымлівалі крайне правых з прычыны недастатковага ўсведамлення сваіх сацыяльных інтарэсаў, па палітычнай традыцыі, захаванай разам з адсталым тыпам гаспадарання. У. Меч прасачыў уцягванне розных сіл рэакцыі ў контррэвалюцыйны рух у перыяд з 1881 па лістапад 1906 г., аднак у цэлым яго разважанні маюць аглядны характар, даючы толькі агульную карціну, якая патрабуе ўдакладненняў і дапаўненняў.

Праграмныя палажэнні партый манархічнага кірунку разгледзеў вядомы рускі публіцыст, супрацоўнік часопіса «Вестник Европы» Л. З. Слоніўскі. Аўтар адзначыў унутраную супярэчлівасць праграмных патрабаванняў крайне правых арганізацый, неадпаведнасць праграмных дэкларацый іх практычнай дзейнасці [11].

Асобнае месца ў гістарыяграфіі правых партый дакастрычніцкага перыяду займаюць працы меншавіцкіх даследчыкаў, якія ўвайшлі ў шматтомны зборнік артыкулаў і нарысаў «Общественное движение в России в начале XX-го века», які выдаваўся пад рэдакцыяй меншавіцкіх ідэолагаў Л. Мартава, П. Маслава і А. Патрэсава з 1909 па 1914 г. Найбольшую значнасць для гістарыяграфіі манархічнага руху ў Расійскай імперыі і на беларускіх землях у пачатку XX ст. уяўляе падрабязнае даследаванне У. Лявіцкага «Правые партии», якое ўвайшло цэлым раздзелам у пяты вы-

пуск трэцяга тома адзначанага зборніка [12]. Аўтарам упершыню была зроблена спроба перыядызацыі гісторыі манархічнага руху ў гады Першай расійскай рэвалюцыі. Паклаўшы ў аснову палітычныя падзеі, ён вылучыў тры перыяды: 1) ад зараджэння першых арганізацый («Рускі сход», Руская манархічная партыя, «Саюз рускіх людзей») да выдання Маніфеста 17 кастрычніка 1905 г.; 2) ад 17 кастрычніка 1905 г. да вясны 1906 г. – афармленне «Саюза рускага народа» і з’яўленне асноўнай часткі мясцовых арганізацый; 3) перыяд дзейнасці I і II Дзяржаўных дум – з вясны 1906 па ліпень 1907 г. [12, с. 356–370, 376–389, 404, 444–469]. Засноўваючыся на працы У. Меча, У. Лявіцкі дапоўніў сацыяльную характарыстыку манархічных арганізацый. Ён адзначыў, што ў склад манархічных саюзаў уваходзілі прадстаўнікі рабочых і сялян. Нягледзячы на палемічнасць ацэнак некаторых бакоў манархічнага руху, аўтар даволі абгрунтавана зрабіў выснову, што ён «не был движением, исключительно инсценированным правительством в интересах самозащиты. Наши партии правого лагеря, при всей их зависимости от правительства, не были простым придатком к нему; они представляли различные группы и категории общества, охваченные страхом перед революцией и прибегли к ее методу борьбы – организации своих сил» [12, с. 347–348].

У Лявіцкі досыць падрабязна спыніўся на праграмных устаноўках такіх арганізацый, як «Рускі сход», Руская манархічная партыя, «Саюз рускіх людзей», надаўшы найбольшую ўвагу «Саюзу рускага народа». Аўтар падкрэсліў, што, нягледзячы на разыходжанні па некаторых пытаннях (напрыклад, стаўленне да Дзяржаўнай думы), гэтыя арганізацыі па асноўных кірунках сваёй дзейнасці былі адзіныя і мелі на мэце галоўнае – падаўленне рэвалюцыі і захаванне манархічнага ладу.

У гэтай жа працы ўпершыню ў дакастрычніцкай гістарыяграфіі манархічнага руху змяшчаюцца звесткі пра наяўнасць аддзелаў правых партый у беларускіх губернях у пачатку ХХ ст. У ліку першых арганізацый манархічнага кірунку аўтар узгадвае пра існаванне з 1904 г. аддзела «Рускага сходу», а з канца 1905 г. – «Русского вече» ў Вільні [12, с. 358–359]. Тут жа ўзгадваецца пра ўдзел у красавіку 1906 г. дэлегацый Віленскага аддзела «Рускага сходу» і Гомельскага аддзела ўсерасійскай партыі патрыётаў у рабоце першага Усерасійскага з’езда «Саюза рускіх людзей» у Маскве [12, с. 385].

Перыядам найбольшай актыўнасці манархічных арганізацый У. Лявіцкі лічыў 1906 г., звязваючы гэта з утварэннем «Саюза рускага народа» і выхадам яго за межы сталічных цэнтраў. Сярод губернскіх аддзелаў «Саюза рускага народа» ён называе і беларускія: Віцебскі, Магілёўскі і Мінскі. Акрамя таго, прыводзяцца Аршанскі, Гомельскі, Дзвінскі, Бабруйскі, Пінскі і Рэжыцкі павятовыя аддзелы [12, с. 405]. Па сведчанні аўтара, маскоўскі «Саюз рускіх людзей» у адрозненне ад «Саюза рускага народа» меў невялікую колькасць губернскіх аддзелаў, адзін з якіх быў створаны ў Магілёве [12, с. 406]. Разам з прыведзенымі вышэй звесткамі ў нарысе змешчаны фактычны матэрыял пра пагромы ў Гомелі ў студзені 1906 г., а ў чэрвені – у Беластоку (уваходзіў тады ў склад Гродзенскай губерні як павятовы горад), а таксама аб утварэнні і дзейнасці перадвыбарчых камітэтаў правых партый па падрыхтоўцы да выбараў і ў працэсе выбарчай кампаніі ў II Дзяржаўную думу ў гарадах Дзвінску, Магілёве і Мінску [12, с. 431–433]. Такім чынам, прыведзеныя У. Лявіцкім звесткі былі фактычна першымі і адзінымі данымі ў дакастрычніцкай гістарыяграфіі аб наяўнасці, тэрытарыяльным размяшчэнні і практычнай дзейнасці арганізацый манархічнага кірунку на беларускіх землях у гады Першай расійскай рэвалюцыі.

У другім томе вышэйадзначанага зборніка былі змешчаны публікацыі Я. Маеўскага (У. А. Гуткоўскі) і Д. Кальцова (Б. А. Гінзбург). Я. Маеўскі ў нарысе «Общая картина движения», нараўне з інфармацыяй пра дзейнасць розных сацыяльна-палітычных сіл напярэдадні і ў ходзе рэвалюцыі 1905–1907 гг., асабліваю ўвагу надаў падзеям восені 1905 г. і прапанаваў сваю класіфікацыю паграмаў з удзелам чарнасоценных арганізацый у працэсе ўсерасійскай палітычнай забастоўкі. Па сутнасці, яго прапановы можна разглядаць як адну з першых спроб сістэматызацыі контррэвалюцыйных дзеянняў манархічных сіл Расійскай імперыі ў пачатку ХХ ст. [13].

Артыкул Д. Кальцова «Рабочие в 1905–1907 гг.» змяшчае адметныя даныя пра ўдзел рабочага класа не толькі ў рэвалюцыйна-дэмакратычным, але і ў чарнасоценным руху [14].

Асаблівае месца сярод прадстаўнікоў партый рэвалюцыйна-дэмакратычнага лагера займаюць публікацыі лідара бальшавікоў У. І. Леніна. З сакавіка 1903 па лістапад 1905 г. У. І. Ленін знаходзіўся ў эміграцыі ў Жэневе, таму яго першыя ацэнкі перадрэвалюцыйных падзей і пачатку рэвалюцыі засноўваліся на звестках, атрыманых у асноўным з заходніх газет і часопісаў, якія не заўсёды аб'ектыўна асвятлялі і інтэрпрэтавалі расійскую рэальнасць. Акрамя таго, асноўную ўвагу У. І. Ленін надаваў палеміцы з лідарамі расійскага лібералізму і, відавочна, пакуль не ўспрымаў на дадзеным этапе манархічны рух у якасці сур'ёзнага праціўніка для расійскай сацыял-дэмакратыі ў барацьбе за ўладу, тым больш, што той яшчэ толькі арганізацыйна афармляўся ў самастойную палітычную сілу. Менавіта па гэтай прычыне ён дае даволі спрошчаныя ацэнкі яго ўнутранаму стану, сацыяльнай базы, ідэалогіі і практычнай дзейнасці, уплыву на масы [15].

Пасля падзей восені 1905 г., выбарчай кампаніі ў I Дзяржаўную думу і яе роспуску пазіцыя У. І. Леніна ў дачыненні да манархічнага руху ў Расіі становіцца больш рэальнай і ўзважанай. У верасні 1906 г. друкуецца яго артыкул «Опыт классификации русских политических партий», у якім асноўным крытэрыем вызначэння характару і палітычнай прыналежнасці дзеючых партый і саюзаў, іх тыпалагізацыі быў адназначна акрэслены ў якасці адзіна навуковага класавы падыход. Ён вылучае «...пять основных типов политических партий...», ставячы на першае месца чарнасоценцаў. Аднак у канцы артыкула адзначае, што «черносотенцы образуют последний тип наших политических партий» і выступаюць за захаванне самадзяржаўя [16]. Класавы падыход у вызначэнні сутнасці палітычных партый, у тым ліку і партый манархічнага кірунку, пастаянна ўзгадваецца ў яго працах дакастрычніцкага перыяду [17–20].

Пры ацэнцы ўкладу У. І. Леніна ў гістарыяграфію манархічнага руху пачатку ХХ ст. варта адзначыць, што яго тэрміналогія, класіфікацыя палітычных партый, характарыстыка сацыяльна-класавай сутнасці правых манархічных арганізацый, іх праграмных палажэнняў і ідэалагічных устаноў прадвызначылі ў далейшым выключна негатыўныя ацэнкі савецкімі даследчыкамі дзейнасці палітычных партый манархічнага кірунку, у тым ліку і на беларускіх землях.

З ленінскімі ацэнкамі партый манархічнага кірунку ў многім супадаюць і погляды іншых прадстаўнікоў бальшавіцкай ідэалогіі, сярод якіх асаблівай увагі заслугоўваюць меркаванні В. В. Вароўскага. У 1907 г. ён апублікаваў артыкул «Социал-демократия и буржуазные партии», дзе звярнуў увагу на працэсы палітычнага самавызначэння дваранства і справядліва адзначаў, што канчатковае афармленне манархічных утварэнняў у палітычныя партыі, у адрозненне ад іншых, адбылося толькі ў канцы 1905 г., дасягнуўшы сваёй актыўнасці ў перыяд работы I Дзяржаўнай думы. Аўтар падкрэсліваў, што арганізацыйнай асновай аб'яднання правакансерватыўных сіл сталі дваранскія сходзі. Разам з тым ён адзначаў, што прадстаўнікамі дваранскага саслоўя сацыяльны склад манархічнага руху не вычэрпваецца, што ў склад правых партый уваходзілі разначынцы, частка мяшчанства, купецтва, заможнае і бяднейшае сялянства і нават рабочыя. Яго вывад (у адрозненне ад пазіцыі У. І. Леніна) апраўданы ў тым, што ўзнікненне манархічных, правых партый стала своеасаблівым адказам, рэакцыяй прыхільнікаў традыцыйных форм арганізацыі грамадства на рост рэвалюцыйнасці мас і з'яўленне апазіцыйных самадзяржаўя палітычных партый радыкалаў і лібералаў [21, с. 110–116].

Пэўныя захаваны да навуковага даследавання правых арганізацый прысутнічаюць у працах вядучых ідэолагаў самога манархічнага руху. Сярод іх неабходна асобна вылучыць чатырохтомнае выданне Л. А. Ціхамірава (займаў пасаду члена савета Галоўнага ўпраўлення па справах друку) «Монархическая государственность», над якім ён працаваў з 1903 па 1906 г. На думку аўтара, манархія як вярхоўная ўлада валодае шэрагам пераваг у параўнанні з іншымі формамі дзяржаўнасці: яна забяспечвае аптымальнае адзінства ўлады як залог яе сілы і моцы; стаіць над прыватнымі інтарэсамі і з'яўляецца найбольш справядлівым суддзёй у сацыяльных канфліктах; валодае высокім кіраўніцкім патэнцыялам (адзінства галін улады, высокая выканаўчая дысцыпліна і г. д.), што забяспечвае магчымасць сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў. Манархія, падкрэслівае Л. А. Ціхаміраў, уласціва высокая ступень асабістай адказнасці, яна здольная прыцягваць да ўдзелу ў дзяржаўных справах усе лепшыя сацыяльныя сілы краіны. Рэцэпт жыццяздольнасці манархія, на яго думку, заключаецца ў спалучэнні самадзяржаўнай вярхоўнай улады, якая грун-

туецца на даверы народа, сінтэзаванай кіраўніцкай сістэме, заснаванай на канвергенцыі манархічнага, дэмакратычнага і арыстакратычнага пачаткаў [22, с. 35–42, 47–58, 76, 92–93]. Шматлікія з гэтых тэарэтычных аргументаў вядомага публіцыста пра перавагі царскага самадзяржаўя былі ўспрыняты лідарамі манархічнага руху ў Расійскай імперыі як неаспрэчныя ісціны і ляглі ў аснову іх ідэалагічных поглядаў.

Да гэтай жа групы публікацый належаць працы кіраўнікоў манархічных партый і саюзаў. Найбольшую цікавасць уяўляе артыкул заснавальніка і лідара Рускай манархічнай партыі У. А. Грынгмута (з’яўляўся яе галоўным рэдактарам), які быў надрукаваны ў 1906 г. у газеце «Московские ведомости», а затым неаднаразова перавыдадзены ў выглядзе брашуры «Руководство черносотенца-монархиста». У ім аўтар зрабіў спробу класіфікаваць палітычныя партыі, якія выступалі супраць захавання самадзяржаўнага ладу. Да іх ён адносіў канстытуцыяналістаў, дэмакратаў, сацыялістаў, рэвалюцыянераў і анархістаў [23]. У брашуры былі выкладзены галоўныя ідэалагічныя пастулаты правых сіл. Па сутнасці, яна стала настольнай кнігай для кожнага ўдзельніка манархічнага руху.

Сярод іншых прац лідараў правых партый неабходна адзначыць кнігу заснавальніка (разам з мастаком А. А. Майкавым) і старшыні «Саюза рускага народа» А. І. Дубровіна «Куда временщики ведут Саюз Русского Народа». У ёй лідар манархістаў надаваў асноўную ўвагу палеміцы з апанентамі (мірнаабнаўленцамі) па важнейшых пытаннях стратэгіі і тактыкі партыі, абвінавачваючы іх у адмове ад традыцыйных пачаткаў рускага манархічнага руху [24].

У кантэксце адзначанай літаратуры заслугоўвае ўвагі зборнік манархіста, дэпутата Дзяржаўнай думы III і IV скліканняў, старшыні галоўнага савета «Саюза рускага народа» (з 1910 г.) М. Я. Маркава (Маркаў II) «Войны темных сил. Статьи. 1921–1937» [25]. Праца была апублікавана ў 1928 і 1930 гг. у Парыжы. У Расіі ў поўным аб’ёме яна выдадзена ў 2002 г. Аўтар аналізуе прычыны пагромаў у 1905 г. і прыходзіць да высновы, што яны былі непасрэдным вынікам рэвалюцыі, адказам патрыятычнай часткі насельніцтва на тэрор і экспрапрыяцыі з боку леварадыкальных, экстрэмісцкіх сіл, якія імкнуліся звергнуць існуючы лад, рэалізаваць такім чынам ідэю заходніх сацыялістаў і міжнароднага сіянізму [25, с. 138–139]. Аналізуючы дзейнасць сваёй партыі і яе ролю ў захаванні традыцыйнага асноў рускага грамадства ў гады рэвалюцыйных падзей, М. Я. Маркаў асабліва падкрэсліваў, што «...Союз русского народа в первые годы своего существования сыграл большую историческую роль и помог государственной власти, которая была ослаблена борьбой с темной силой, победить революцию 1905–1907 гг. ...Одновременно быстро пошла на спад волна террора и грабежей, которая заливала Россию кровью и бедствиями» [25, с. 145–146]. Таксама ўяўляе цікавасць яго артыкул «Ответ монархиста», які быў напісаны падчас знаходжання М. Я. Маркава ў эміграцыі і змешчаны ў вышэйназваным выданні. У дыскусіі з апанентам з парыжскай газеты «Последние новости» Борухам Мірскім ён адзначаў, што «история не знает республиканской России, а знает только Россию-монархию ...И вот эту живую, единственно бывшую в реальности Россию мы, монархисты, любим, ей мы преданы, по ней скучаем. Нам скажут, что мы все же ошибаемся, но ведь эту «ошибку» на протяжении целой тысячи лет совершал весь русский народ. Или, может быть, само существование России надо считать ошибкой» [25, с. 370, 372]. З пункта гледжання сучасных гістарычных рэалій можна не пагаджацца з вышэйадзначанай пазіцыяй вядомага рускага манархіста, але яго вернасць сваім ідэалам з улікам рэалій таго часу, безумоўна, заслугоўвае ўвагі.

Высновы. Такім чынам, неабходна адзначыць, што дарэвалюцыйная гістарыяграфія адрозніваецца залішняй палітызаванасцю і публіцыстычнасцю. Аналіз прац ідэолагаў і лідараў манархічнага руху дае падставу лічыць, што ў сваёй аснове яны мелі прапагандысцкі характар. Тым не менш у іх прысутнічаюць першыя ацэнкі падзей пачатку XX ст., змяшчаецца даволі грунтоўны фактычны матэрыял, які дазваляе разглядаць іх як гістарычныя крыніцы, што ўяўляюць пэўную гістарыяграфічную каштоўнасць.

Што тычыцца прац аўтараў, якія належалі да сацыялістычнага і ліберальнага лагераў, то яны, хоць і маюць пэўную гістарыяграфічную цікавасць, усё ж былі скіраваны на барацьбу са сваімі палітычнымі праціўнікамі і па гэтай прычыне аказаліся далёкімі ад навуковай аб’ектыўнасці. Ім уласцівы апісальны характар, палемічная вастрыня і катэгарычнасць ацэнак. Як правіла, га-

лоўныя пытанні дзейнасці манархічных партый на беларускіх землях толькі абазначаны і падаюцца ў аднабаковым парадку, што з цягам часу лягло ў аснову традыцыйных выкрывальніцкіх адносін да асвятлення стратэгіі і тактыкі прыхільнікаў самадзяржаўя. Да іх недахопаў варта таксама аднесці адсутнасць навукова-даведачнага апарату, што не дазваляе вызначыць кола і дакладнасць крыніц, якімі карысталіся аўтары. Тым не менш першым даследчыкам, наколькі гэта дазваляла рэчаіснасць, удалося сабраць і ў некаторай ступені сістэматызаваць шырокі фактычны матэрыял аб палітычных арганізацыях правага кірунку і закласці фундамент для далейшага ўсебаковага навуковага даследавання гісторыі манархічнага руху ў пачатку ХХ ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кирьянов, Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений / Ю. И. Кирьянов // Отеч. история. – 1999. – № 5. – С. 29–43.
2. Обнинский, В. П. Новый строй : [в 2 ч.] / В. П. Обнинский. – М. : Тип. Рус. Т-ва печат. и изд. дела, 1909. – Ч. 1 : Манифесты 17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г. – 361 с.
3. Обнинский, В. П. Последний самодержец: очерк жизни и царствования императора в России Николая II / В. П. Обнинский ; под ред. С. С. Волка. – М. : Республика, 1992. – 287 с.
4. Г...ский, В. Кровавая политика и Белостокский погром / [В. Г...ский (кор. одной вен. и рус. газет)]. – [М.] : Рус. свобод. изд-во, 1906. – 143 с.
5. Милуков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : [в 2 т.] / П. Н. Милуков ; [сост. М. Г. Вандалковская]. – М. : Современник, 1990. – 2 т.
6. Лукашевич, А. А. Наши враги: сравнительный очерк правых партий / А. А. Лукашевич. – СПб. : Товарищ, 1906. – 31 с.
7. Носков, Н. Д. Охранительные и реакционные партии в России : очерк / Н. Д. Носков ; под ред. И. И. Иванюкова. – 2-е изд. – СПб. : Тип. С. М. Проппера, 1906. – 64 с. – (Политическая библиотека «Биржевых ведомостей» ; вып. 50).
8. Речи по погромным делам : [в 2 вып.]. – Киев : Тип. С. Г. Слюсаревского, 1908. – Вып. 1 : Речи и заявления прис. пов. П. А. Андреевского, М. В. Беренштама, М. М. Винавера [и др.] / предисл. И. В. Лучицкого. – VI, 150 с.
9. Мартов, Л. Политические партии в России / Л. Мартов. – 2-е изд. – М. : Рус. печатня, 1917. – 36 с.
10. Меч, В. Силы реакции / В. Меч // Борьба общественных сил в русской революции : [в 4 вып.] / Вл. Горн, В. Меч, Череванин [псевдонимы]. – М., 1907. – Вып. 1. – С. 9–100.
11. Слонимский, Л. Наши «монархисты» и их программы / Л. Слонимский // Вестн. Европы. – 1907. – Т. 3, кн. 5. – С. 255–272.
12. Левицкий, В. Правые партии / В. Левицкий // Общественное движение в России в начале ХХ-го века : [в 4 т.] / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб., 1914. – Т. 3, кн. 5. – С. 347–469.
13. Маевский, Е. Общая картина движения / Е. Маевский // Общественное движение в России в начале ХХ-го века : [в 4 т.] / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб., 1910. – Т. 2, ч. 1. – С. 34–184.
14. Кольцов, Д. Рабочие в 1905–1907 гг. / Д. Кольцов // Общественное движение в России в начале ХХ-го века : [в 4 т.] / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб., 1910. – Т. 2, ч. 1. – С. 185–339.
15. Ленин, В. И. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина» / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1960. – Т. 9 : Июль 1904 – март 1905. – С. 331–334.
16. Ленин, В. И. Опыт классификации русских политических партий / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1960. – Т. 14 : Сентябрь 1906 – февраль 1907. – С. 21–27.
17. Ленин, В. И. Открытие второй Государственной думы / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1961. – Т. 15 : Февраль – июль 1907. – С. 19–22.
18. Ленин, В. И. Политические партии за 5 лет Третьей думы / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1961. – Т. 21 : Декабрь 1911 – июль 1912. – С. 167–172.
19. Ленин, В. И. Политические партии в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1961. – Т. 21 : Декабрь 1911 – июль 1912. – С. 275–287.
20. Ленин, В. И. О черносотенстве / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : [в 55 т.]. – Изд. 5-е. – М., 1961. – Т. 24 : Сентябрь 1913 – март 1914. – С. 18–19.
21. Воровский, В. В. Социал-демократия и буржуазные партии / В. В. Воровский // Избранные произведения о первой русской революции / В. В. Воровский. – М., 1955. – С. 104–140.
22. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М. : Облиздат : Алир, 1998. – 671 с.
23. Грингмут, В. А. Руководство черносотенца-монархиста / В. А. Грингмут. – 2-е изд. – М. : Верность, 1911. – 15 с.
24. Куда временщики ведут Союз русского народа / [сост. А. И. Дубровин]. – СПб. : Отеч. тип., 1910. – 616 с.
25. Марков, Н. Е. Войны темных сил : [статьи, 1921–1937] / Н. Е. Марков. – [Репр. изд.]. – М. : Журн. «Москва», 2002. – 521 с.

References

1. Kir'yanov Yu. I. The number and composition of the extreme right parties in Russia (1905–1917): trends and causes of change. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1999, no. 5, pp. 29–43 (in Russian).

2. Obninskii V. P. *Manifestos October 17, 1905 – July 8, 1906. Pt. 1*. Moscow, Printing house of the Russian Association of Printing and Publishing, 1909. 361 p. (in Russian).
3. Obninskii V. P., Volk S. S. (eds.). *The last autocrat: an essay on the life and reign of emperor Nicholas II in Russia*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 287 p. (in Russian).
4. G...skii V. *Bloody politics and the Bialystok pogrom*. Moscow, Russkoe svobodnoe izdatel'stvo Publ., 1906. 143 p. (in Russian).
5. Milyukov P. N., Vandalkovskaya M. G. (et al.). *Memories (1859–1917)*. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 2 vol. (in Russian).
6. Lukashovich A. A. *Our enemies: a comparative essay on the right-wing parties*. St. Petersburg, Tovarishch Publ., 1906. 31 p. (in Russian).
7. Noskov N. D., Ivanyukov I. I. (eds.). Protective and reactionary parties in Russia: an essay. *Politicheskaya biblioteka Birzhevyykh vedomostei. Vyp. 50* [Political Library of Birzhevyye Vedomosti. Iss. 50]. 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiya S. M. Proppera Publ., 1906. 64 p. (in Russian).
8. *Speeches on pogroms. Iss. 1. Speeches and statements pov. P. A. Andreevsky, M. V. Berenshtam, M. M. Vinaver and others*. Kyiv, 1908. 150 p. (in Russian).
9. Martov L. *Political parties in Russia*. 2nd ed. Moscow, Russkaya pechatnya Publ., 1917. 36 p. (in Russian).
10. Mech V. Reaction forces. *Bor'ba obshchestvennykh sil v russkoi revolyutsii. Vyp. 1*. [The struggle of social forces in the Russian revolution. Iss. 1]. Moscow, 1907, pp. 9–100 (in Russian).
11. Slonimskii L. Our «monarchists» and their programs. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1907, vol. 3, bk. 5, pp. 255–272 (in Russian).
12. Levitskii V. Right parties. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka* [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, 1914, vol. 3, bk. 5, pp. 347–469 (in Russian).
13. Maevskii E. General picture of movement. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka* [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, 1910, vol. 2, pt. 1, pp. 34–184 (in Russian).
14. Kol'tsov D. Workers in 1905–1907. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka* [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, 1910, vol. 2, pt. 1, pp. 185–339 (in Russian).
15. Lenin V. I. Preface to the brochure «Memorandum of the Director of the Police Department Lopukhin». *Polnoe sobranie sochinenii. T. 9* [Full composition of writings. Vol. 9]. 5th ed. Moscow, 1960, pp. 331–334 (in Russian).
16. Lenin V. I. The experience of classifying Russian political parties. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 14* [Full composition of writings. Vol. 14]. 5th ed. Moscow, 1960, pp. 21–27 (in Russian).
17. Lenin V. I. Opening of the second State Duma. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 15* [Full composition of writings. Vol. 15]. 5th ed. Moscow, 1961, pp. 19–22 (in Russian).
18. Lenin V. I. Political parties in 5 years of the Third Duma. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 21* [Full composition of writings. Vol. 21]. 5th ed. Moscow, 1961, pp. 167–172 (in Russian).
19. Lenin V. I. Political parties in Russia. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 21* [Full composition of writings. Vol. 21]. 5th ed. Moscow, 1961, pp. 275–287 (in Russian).
20. Lenin V. I. About the Black Hundreds. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 24* [Full composition of writings. Vol. 24]. 5th ed. Moscow, 1961, pp. 18–19 (in Russian).
21. Vorovskii V. V. Social Democracy and Bourgeois Parties. *Izbrannye proizvedeniya o pervoi russkoi revolyutsii* [Selected works about the first Russian revolution]. Moscow, 1955, pp. 104–140 (in Russian).
22. Tikhomirov L. A. *Monarchic statehood*. Moscow, Oblizdat Publ., Alir Publ., 1998. 671 p. (in Russian).
23. Gringmut V. A. *Leadership of the black hundred monarchist*. 2nd ed. Moscow, Vernost' Publ., 1911. 15 p. (in Russian).
24. Dubrovin A. I. (comp.). *Where the temporary workers are leading the Union of the Russian people*. St. Petersburg, Otechestvennaya tipografiya Publ., 1910. 616 p. (in Russian).
25. Markov N. E. *Dark Forces Wars: articles, 1921–1937*. Repr. ed. Moscow, Zhurnal “Moskva” Publ., 2002. 521 p. (in Russian).

Информация об авторе

Трубчик Павел Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trubchik.p@mail.ru

Information about the author

Pavel A. Trubchik – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: trubchik.p@mail.ru

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 81'367.625=161.1
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-289-300>

Поступила в редакцию 08.07.2021
Received 08.07.2021

Ю. Р. Третьякова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

**ОБ УРОВНЯХ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПЕЙ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В связи с тенденцией «ухода» в рамках лингвистических исследований от изучения языковых фактов как изолированных феноменов актуальным в последние десятилетия становится анализ комплексных единиц системы словообразования как составляющих частей объединений каждого последующего уровня. В качестве такой единицы выступает словообразовательная цепь, состоящая из словообразовательных пар и формирующая деривационную модель следующей ступени – словообразовательное гнездо.

В статье описана словообразовательная цепь как синтагматическая деривационная структура, организованная ступенчатым образованием каждого деривата определенным словообразовательным способом. Рассмотрено явление чересступенчатого словообразования, заключающегося в пропуске мотивирующей лексемы и свидетельствующего о неполноте деривационной цепи. Перечисляются критерии типизации и абстракции словообразовательных цепей в рамках ЛСГ глагольных эмотивов: количественные показатели, общность частеречной принадлежности членов как минимум двух словообразовательных цепей, единство словообразовательного типа. Представлена иерархия деривационных цепей по степени абстракции: конкретная, типичная, категориальная словообразовательные цепи. Внимание акцентируется на необходимости выделения еще более типизированного объединения словообразовательных цепей, основанного на равнотематическом характере словообразовательных значений, – сверхкатегориальных словообразовательных цепей. Данные структуры представляют собой инвариантную деривационную модель, типизирующую категориальные словообразовательные цепи одной ЛСГ. Отмечена необходимость выделения подобных абстрагированных словообразовательных моделей как средства упорядочения деривационной системы языка.

Ключевые слова: конкретная словообразовательная цепь, типичная словообразовательная цепь, категориальная словообразовательная цепь, сверхкатегориальная словообразовательная цепь

Для цитирования: Третьякова, Ю. Р. Об уровнях формально-семантической абстракции словообразовательных цепей эмотивных глаголов в русском языке / Ю. Р. Третьякова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 289–300 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-289-300>

Yuliya R. Tretsiakova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

**ABOUT THE FORMAL-SEMANTIC ABSTRACTION LEVELS OF DERIVATIONAL CHAINS
OF EMOTIVE VERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The relevance of the systems approach in the science of language in recent decades has led to the popularity of studying complex units of the word formation system (word-formation pairs, type, paradigm, chain, nest). The article is devoted to the description of the word-formation chain as a syntagmatic derivational structure organized by the stepped formation of each derivative in a certain word-formation way. The phenomenon of through-the-stepped word formation is described, which results in omission of a motivating lexeme and indicating the incompleteness of the derivational chain. The paper lists the criteria for typing and abstraction of word-formation chains within the LSG of emotive verbs. According to the degree of abstraction the hierarchy of derivational chains is presented: specific, typical, categorical word-formation chains. The author of the article draws attention to the need to single out an even more typified association of word-formation chains, based on the equal-thematic nature of word-formation meanings – supercategorical word-formation chains. These structures

represent an invariant derivational model typing categorical derivational chains of one LSG. The paper notes the need to highlight such abstracted word-formation models as a means of ordering the derivational system of the language.

Keywords: specific word-formation chain, typical word-formation chain, categorical word-formation chain, supercategorical word-formation chain

For citation: Tretsiakova Y. R. About the formal-semantic abstraction levels of derivational chains of emotive verbs in the Russian language. *Vestsi Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 289–300 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-289-300>

Введение. На протяжении последних десятилетий прослеживается тенденция рассмотрения языковых явлений не как отдельных фактов, а как элементов, обусловленных системой и одновременно обуславливающих эту систему. В рамках системного подхода актуально описывать комплексные единицы словообразования как составляющие части объединений каждого следующего уровня. Одной из таких комплексных единиц является словообразовательная цепь. Так, А. В. Никитевич констатирует: «И если с описанием формального строения различных типов словообразовательных цепочек было достаточно просто, о чем свидетельствует целый ряд работ, то семантические преобразования (либо непреобразования), происходящие при соединении как минимум двух словообразовательных пар, требовали более тщательных и далеко не механистических исследований» [1, с. 451]. Малоизученность данного вопроса отмечается также А. Н. Тихоновым в работе «Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования» [2].

Цель данной статьи – выделение и описание иерархии словообразовательных цепей в рамках ЛСГ глагольных эмотивов по степени абстракции от конкретных деривационных структур до максимально типизированных.

Задачи исследования – характеристика словообразовательной цепи как комплексной деривационной единицы; выявление лексического состава словообразовательных гнезд глаголов с семей 'эмотия'; определение круга словообразовательных цепей, относящихся к ЛСГ глагольных эмотивов; выделение критериев типизации и абстракции словообразовательных цепей; построение типологии словообразовательных цепей и ее описание.

В ходе исследования использовались описательно-аналитический, трансформационный методы, а также метод компонентного анализа.

Основная часть. Обратимся к определению словообразовательной цепи в лексикографической литературе. По мнению А. Н. Тихонова, «словообразовательную цепь образуют родственные слова, последовательно связанные друг с другом отношениями производности» [3, с. 124]. Таким образом, словообразовательная цепь представляет собой синтагматическую структуру – линейную модель, демонстрирующую ступенчатое образование каждого деривата определенным словообразовательным способом, притом добавление аффикса в рамках одной цепи может породить возникновение у дериватов как модификационных, так и мутационных словообразовательных значений. Степень семантического отдаления от вершины словообразовательной цепи будет расти на пути к ее периферийным компонентам в связи со словообразовательной мотивацией каждого деривата его производящим словом. Каким же образом вследствие вышеуказанного рассматривать семантические связи в рамках деривационной цепи с чересступенчатым словообразованием?

Данный тип порождения новых слов представляет собой процесс деривации, в рамках которого для производной единицы отсутствует непосредственно мотивирующая производящая. Такое отсутствие носит условный характер, поскольку деривационное соседство членов словообразовательной цепи (в данном случае пары) обуславливает и семантическую близость объектов словообразования, в связи с которой представляется достаточно сомнительным поиск непосредственно мотивирующей единицы. Обратимся к словообразовательной цепи глагола эмоционального состояния *ругать*: *ругать* – *поруживать*. «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [4] определяет дериват *поруживать* как 'ругать время от времени', выдвигая на первый план фреквентативное значение [5] словообразовательного форманта *-ива-*. Однако какой смысловой нагрузкой в данном случае будет обладать префикс *по-*? Дериват *поруживать*

в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [6] обнаруживает следующую дефиницию – ‘поругать кого, что, нанести кому поруганье’. В данном случае доминирующим словообразовательным значением становится делимитативное, носителем которого является префикс *по-*. Рассматривая пару *ругать* – *поругивать* в качестве примера чересступенчатого словообразования, представим ее полную структуру: *ругать* – *поругать* (делимитативное значение) – *поругивать* (вторичная имперфективация с оттенком многократности). Сохранение в деривате делимитативного семантического компонента и приобретение им фреквентативного демонстрирует «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: *поругивать* – ‘ругать **немного, время от времени**’ [7]. Подтверждением чересступенчатого характера словообразования в данном случае станет «наличие в языке типовых аналогов с обязательно представленным предшествующим звеном» [8, с. 60]. Приведем примеры аналогичных трехчленных словообразовательных цепей: *хвалить* – *похвалить* – *похвалять*; *ласкать* – *приласкать* – *приласкивать*; *кричать* – *прокричать* – *прокрикивать*. Пропущенные мотивирующие лексемы будут являться потенциальными – запрограммированными словообразовательной системой единицами, свидетельствующими о неполноте деривационной цепи. И. С. Улуханов отмечает: «Неполной цепочкой является в данном случае цепочка, содержащая слова, формант которых является суммой формантов слов, входящих в другую словообразовательную цепочку» [9, с. 444]. Объект исследования в настоящей статье – примеры полных словообразовательных цепей глагольных эмотивов.

Квантитативные, структурные и семантические особенности каждой конкретной словообразовательной цепи определяются принадлежностью вершины деривационной модели к определенной части речи, а внутри нее – к определенной ЛСГ [10]. Нами было проанализировано 110 словообразовательных гнезд, включающих в свою структуру глаголы с семьей ‘эмоция’: 70 – отглагольных, 26 – отсубстантивных, 14 – отадъективных словообразовательных гнезд. Количественные показатели обнаруженных комплексных деривационных структур глагольных эмотивов свидетельствуют о наибольшем потенциале глагольной лексики в области передачи состояния, становления состояния, отношения, воздействия, внешнего проявления эмоций [11]. Ввиду выбранного объекта исследования рассмотрим словообразовательные цепи, в составе которых либо наблюдается исключительно глагольная лексика, либо выявляется ее доминирование.

Каждая конкретная словообразовательная цепь отличается собственной квантитативной структурой – бинарной либо полинарной [12]. Квантитативная и частеречная одинаковость двух и более исследуемых словообразовательных моделей в совокупности с общностью словообразовательного типа обуславливает выделение типичных словообразовательных цепей (ТСЦ). Таким образом, ТСЦ – это структурно-семантический комплекс, основанный на тождественности деривационных значений и словообразовательных формантов входящих в его состав конкретных словообразовательных цепей. Однако в науке о словотворчестве принято выделять типизированную структуру более высокого уровня абстракции – категориальную словообразовательную цепь (КСЦ). В основу категоризации словообразовательных цепей положено равенство деривационных значений их звеньев, соответствующих друг другу, при абстрагировании от плана выражения этих значений (т. е. формального качества словообразовательного форманта). Из этого следует, что ТСЦ строится на основе формально-семантических характеристик элементов конкретных словообразовательных цепей (словообразовательных типов), в то время как КСЦ игнорирует формальные критерии, объединяя в собственной структуре ТСЦ, а также единичные словообразовательные цепи при условии семантического равенства словообразовательного форманта. В таблице представлены ТСЦ и КСЦ глагольной эмотивной лексики в русском языке [13–14].

Представив типологию словообразовательных цепей глагольных эмотивов, можем сделать вывод, что с увеличением звеньев деривационной цепи наблюдается увеличение количества единичных деривационных структур. В связи с этим необходимо отметить, что бинарные словообразовательные цепи тождественны словообразовательному типу – деривационной схеме наименьшего уровня абстракции, что обуславливает его повторяемость (одинаковость частеречной принадлежности членов типа, словообразовательного значения дериватов и формального выражения словообразовательного аффикса) как минимум дважды. Подобная регулярность объясняет

Типичные и категориальные словообразовательные цепи русскоязычных глаголов с семей ‘эмоция’
Typical and categorical derivational chains of Russian verbs with the seme ‘emotion’

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи	
Бинарные словообразовательные цепи			
Г _п Г (152)	I. Ингрессивное значение посредством префиксов: а) <i>за-</i> : <i>суетить – засуетить, кричать – закричать</i>	Г → Г (ингрессивное словообразовательное значение)	
	б) <i>воз-/вос-</i> : <i>люковать – возлюковать, ненавидеть – возненавидеть</i>		
	в) <i>вз-/вс-</i> : <i>лелеять – взлелеять, кричать – вскричать</i>		
	г) <i>раз-/рас-</i> : <i>маять – размаять, хвастать – расхвастать</i>	Г → Г (финитивное словообразовательное значение): <i>целовать – доцеловать</i>	
	II. Финитивное значение (<i>от-</i>): <i>страдать – отстрадать, плакать – отплакать</i>		
	III. Делимитативное значение (<i>по-</i>): <i>орать – поорать, брюзжать – побрюзжать</i>		
	IV. Пердуративное значение (<i>про-</i>): <i>маять – промаять, стонать – простонать</i>		
	V. Кумулятивное значение (<i>на-</i>): <i>любоваться – налюбоваться, глумиться – наглумиться</i>		
	VI. Сатуративное значение посредством префиксов: а) <i>за-</i> : <i>ласкать – заласкать, хвастать – захвастать</i>		Г → Г (сатуративное словообразовательное значение)
	б) <i>из-/ис-</i> : <i>бранить – избранить, млеть – изомлеть</i>		
в) <i>пере-</i> : <i>страдать – перестрадать, хвастать – перехвастать</i>			
VII. Результативное значение (<i>вы-</i>): <i>лелеять – вылелеять, страдать – выстрадать</i>	Г → Г (результативное словообразовательное значение): <i>благодарить – отблагодарить</i>		
VIII. Дистрибутивное значение (<i>пере-</i>): <i>целовать – перецеловать, любить – перелюбить</i>			
Г _с Г (10)	I. Значение однократного действия (<i>-ну-, -ану-</i>): <i>хвастать – хвастануть, реветь – ревнуть</i>	Г → Г (семельфактивное словообразовательное значение)	
	II. Значение многократного действия (<i>-ыва-/ива-, -ва-, -а-</i>): <i>хвалить – хваливать, кричать – крикивать</i>	Г → Г (фреквентативное словообразовательное значение)	
Г _{пф} Г (11)	III. Значение взаимного способа действия (<i>-ся</i>): <i>любить – любиться, обожать – обожаться</i>	Г → Г (взаимно-возвратное словообразовательное значение)	
Полинарные словообразовательные цепи Трехчленные словообразовательные цепи			
Г _п Г _с Г (13)	I. Ингрессивное значение (<i>за-</i>) → значение процессуального действия, состояния (<i>-к-</i>): <i>бранить – забранить – забранка, плакать – заплакать – заплачка</i>	Г → Г (ингрессивное значение) → С (значение процессуального состояния)	
	II. Результативное значение (<i>об-</i>) → значение процессуального действия, состояния (<i>-ни[j]-</i>): <i>млеть – обомлеть – обомление, жаловаться – обжаловать – обжалование</i>	Г → Г (результативное значение) → С (значение процессуального состояния): <i>манить – сманить – сманка</i>	
Г _{пф} Г _п Г (48)	I. Собственно-возвратное значение (<i>-ся</i>) → ингрессивное значение (<i>за-</i>): <i>хвастать – хвастаться – захвастаться, хвалить – хвалиться – захвалиться</i>	Г → Г (собственно-возвратное значение) → Г (ингрессивное значение)	
	II. Собственно-возвратное значение (<i>-ся</i>) → результативное значение (<i>до-</i>): <i>хвастать – хвастаться – дохвастаться, хвалить – хвалиться – дохвалиться</i>	Г → Г (собственно-возвратное значение) → Г (результативное значение)	
	III. Общевозвратное значение (<i>-ся</i>) → ингрессивное значение (<i>за-</i>): <i>суетить – суетиться – засуетиться, томить – томиться – затомиться</i>	Г → Г (общевозвратное значение) → Г (ингрессивное значение)	

Продолжение таблицы

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи
Г _{нф} Г _н Г (48)	IV. Общевозвратное значение (-ся) → делимитативное значение (по-): <i>суетить – суетиться – посуетиться, мучить – мучиться – помучиться</i>	Г → Г (общевозвратное значение) → Г (делимитативное значение)
	V. Общевозвратное значение (-ся) → пердуративное значение (про-): <i>суетить – суетиться – просуетиться, томить – томиться – протомиться</i>	Г → Г (общевозвратное значение) → Г (пердуративное значение)
	VI. Общевозвратное значение (-ся) → кумулятивное значение (на-): <i>суетить – суетиться – насуетиться, томить – томиться – натомиться</i>	Г → Г (общевозвратное значение) → Г (кумулятивное значение)
	VII. Взаимно-возвратное значение (-ся) → ингрессивное значение (за-): <i>целовать – целоваться – зацеловаться, ругать – ругаться – заругаться</i>	Г → Г (взаимно-возвратное значение) → Г (ингрессивное значение)
	VIII. Взаимно-возвратное значение (-ся) → делимитативное значение (по-): <i>ласкать – ласкаться – поласкаться, ссорить – ссориться – поссориться</i>	Г → Г (взаимно-возвратное значение) → Г (делимитативное значение)
	IX. Взаимно-возвратное значение (-ся) → финитивное значение (до-): <i>целовать – целоваться – доцеловаться, ссорить – ссориться – доссориться</i>	Г → Г (взаимно-возвратное значение) → Г (финитивное значение): <i>целовать – целоваться – отцеловаться</i>
	X. Взаимно-возвратное значение (-ся) → дистрибутивное значение (пере-): <i>целовать – целоваться – перецеловаться, ругать – ругаться – переругаться</i>	Г → Г (взаимно-возвратное значение) → Г (дистрибутивное значение)
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (взаимно-возвратное значение) → Г (кумулятивное значение): <i>целовать – целоваться – нацеловаться, целовать – целоваться – расцеловаться</i>
Г _с Г _н Г (6)	Значение однократного действия (-ну-, -ану-) → перфективное значение (с-): <i>хвастать – хвастнуть – схвастнуть, кричать – крикнуть – скрикнуть</i>	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (перфективация)
Г _н Г _с Г (24)	I. Ингрессивное значение (раз- / рас-) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>млеть – разомлеть – разомлевать, манить – разманить – разманивать</i>	Г → Г (ингрессивное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>рыдать – взрыдать – взрыдывать, дразнить – задразнить – задразнивать</i>
	II. Атенуативное значение (при-) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>ласкать – приласкать – приласкивать, уныть – приуныть – приунывать</i>	Г → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация)
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>леть – обомлеть – обомлевать, кричать – прокричать – прокрикивать, сорить – рассорить – рассоривать</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (сатуративное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>обидеть – разобидеть – разобижать, обидеть – изобидеть – изобижать, хвалить – выхвалить – выхвалять</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (перфективация) → Г (вторичная имперфективация): <i>холить – нахолить – нахоливать, хвалить – похвалить – похвалять</i>
Г _н Г _{нф} Г (14)	I. Делимитативное значение (по-) → общевозвратное значение (-ся): <i>мучить – помучить – помучиться, маять – помаять – помаяться</i>	Г → Г (делимитативное значение) → Г (общевозвратное значение)
	II. Финитивное значение (до-) → степень интенсивности (-ся): <i>терпеть – дотерпеть – дотерпеться, страдать – дострадать – дострадаться</i>	Г → Г (финитивное значение) → Г (общевозвратное значение): <i>страдать – выстрадать – выстрадаться, реветь – отреть – отреться</i>

Продолжение таблицы

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи
Г _п Г _{пф} Г (14)	III. Сатуративное значение (<i>за-</i>) → общевозвратное значение (<i>-ся</i>): <i>томить – затомить – затомиться, мять – замаять – замаяться</i>	Г → Г (сатуративное значение) → Г (общевозвратное значение): <i>маять – измаять – измаяться</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → Г (общевозвратное значение): <i>пугать – испугать – испугаться, пугать – напугать – напугаться</i>
Г _{пф} Г _с Г (6)	Общевозвратное значение (<i>-ся</i>) → имперфективное значение (<i>-а-</i>): <i>огорчить – огорчиться – огорчаться, обидеть – обидеться – обижаться</i>	Г → Г (общевозвратное значение) → Г (имперфективация): <i>обескуражить – обескуражиться – обескураживаться</i>
Г _п Г _с П / Пр (10)	Сатуративное значение (<i>за-</i>) → значение ‘подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия’ (<i>-ённ-, -енн-, -нн-</i>): <i>томить – затомить – затомленный, целовать – зацеловать – зацелованный</i>	Г → Г (сатуративное значение) → П / Пр (‘подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия’): <i>томить – истомить – истомленный</i>
Четырехчленные словообразовательные цепи		
Г _п Г _с П / Пр _с Н (8)	Результативное значение (<i>из- / ис-</i>) → значение ‘подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия’ (<i>-ённ-, -енн-, -нн-</i>) → значение признака (<i>-о-</i>): <i>мучить – измучить – измученный – измученно, пугать – испугать – испуганный – испуганно</i>	Г → Г (результативное значение) → П / Пр (‘подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия’) → Н (значение признака): <i>пугать – напугать – напуганный – напуганно, робеть – оробеть – оробелый – оробело, робеть – обробеть – обробелый – обробело</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (перфективация) → П / Пр (‘обусловленный действием, названным мотивирующим глаголом’) → Н (значение признака): <i>корить – укорить – укорительный – укорительно, корить – укорить – укорливый – укорливо, корить – укорить – укорный – укорно</i>
Г _п Г _с П / Пр _с С (8)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → П / Пр (‘подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия’) → С (‘предмет, явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’): <i>пугать – испугать – испуганный – испуганность, пугать – запугать – запуганный – запуганность, баловать – набаловать – набалованный – набалованность</i>
Г _п Г _с Г _{пф} Г (44)	I. Результативное значение посредством префиксов:	Г → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности): <i>ругать – распугать – распугивать – распугиваться, пугать – отпугать – отпугивать – отпугиваться</i>
	а) <i>за-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → значение страдательности (<i>-ся</i>): <i>манить – заманить – заманивать – заманиваться, пугать – запугать – запугивать – запугиваться</i>	
	б) <i>о-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → значение страдательности (<i>-ся</i>): <i>хаять – охаять – охаивать – охаиваться, плакать – оплакать – оплакивать – оплакиваться</i>	
	в) <i>об-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → значение страдательности (<i>-ся</i>): <i>хаять – обхаять – обхаивать – обхаиваться, ругать – обругать – обругивать – обругиваться</i>	
г) <i>вы-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → значение страдательности (<i>-ся</i>): <i>пугать – выпугать – выпугивать – выпугиваться, мучить – вымучить – вымучивать – вымучиваться</i>		

Продолжение таблицы

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи
Г _п Г _с Г _{пф} Г (44)	II. Мутационное словообразовательное значение (у-) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-) → значение страдательности (-ся): <i>ласкать – уласкать – улащивать – улащиваться, манить – уманить – уманивать – уманиваться</i>	Г → Г (мутационное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности)
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (общевозвратное значение): <i>мучить – замучить – замучивать – замучиваться, томить – растомить – растомлять – растомляться</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (перфективация) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности): <i>хаять – расхаять – расхаивать – расхаиваться, корить – укорить – укорять – укоряться</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (сатуративное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (собственно-возвратное значение): <i>хвалить – выхвалить – выхвалять – выхваляться, хвалить – выхвалять – выхваливать – выхваливаться, хвалить – нахвалить – нахваливать – нахваливаться</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (сатуративное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности): <i>хвалить – восхвалить – восхвалять – восхваляться, хвалить – перехвалить – перехваливать – перехваливаться</i>
	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности): <i>хвалить – подхвалить – подваливать – подхваливаться, манить – подманить – подманивать – подманиваться, манить – приманить – приманивать – приманиваться</i>
Г _п Г _{пф} Г _с Г (23)	I. Результативное значение посредством префиксов: а) <i>вы-</i> → общевозвратное значение (-ся) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>мучить – вымучить – вымучиться – вымучиваться, холить – выхолить – выхолиться – выхоливаться</i>	Г → Г (результативное значение) → Г (общевозвратное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>томить – истомить – истомиться – истомляться, томить – растомить – растомиться – растомляться, маять – размаять – размаяться – размаиваться, мучить – замучить – замучиться – замучиваться</i>
	б) <i>из-</i> / <i>ис-</i> → общевозвратное значение (-ся) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>баловать – избаловать – избаловаться – избаловываться, мучить – измучить – измучиться – измучиваться</i>	
	в) <i>у-</i> → общевозвратное значение (-ся) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>холить – ухолить – ухолиться – ухаливаться, маять – умаять – умаяться – умаиваться</i>	
	г) <i>с-</i> → общевозвратное значение (-ся) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>маять – смаять – смаяться – смаиваться, мучить – смучить – смучиться – смучиваться</i>	
	II. Результативное значение (<i>вы-</i>) → значение страдательности (-ся) → имперфективное значение (-ыва- / -ива-, -ва-): <i>холить – выхолить – выхолиться – выхоливаться, пестовать – выпестовать – выпестоваться – выпестовываться</i>	

Продолжение таблицы

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи
Г _п Г _{пф} Г _с Г (23)	<p>III. Дистрибутивное значение (<i>пере-</i>) → взаимовозвратное значение (<i>-ся</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>): <i>ссорить – перессорить – перессориться – перессориваться, дразнить – передразнить – передразниться – передразниваться</i></p> <p>Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено</p>	<p>Г → Г (дистрибутивное значение) → Г (взаимовозвратное значение) → Г (вторичная имперфективация)</p> <p>Г → Г (сатуративное значение) → Г (общевозвратное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>томить – перетомить – перетомиться – перетомляться, пугать – перепугать – перепугаться – перепугиваться</i></p>
Г _п Г _с Г _с С (27)	<p>I. Результативное значение посредством префиксов: а) <i>вы-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>холить – выхолить – выхоловать – выхолование, мучить – вымучить – вымучивать – вымучивание</i></p> <p>б) <i>за-</i> → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>манить – заманить – заманивать – заманивание, мучить – замучить – замучивать – замучивание</i></p> <p>II. Финитивное значение (<i>вы-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>терпеть – вытерпеть – вытерпливать – вытерпливание, плакать – выплакать – выплакивать – выплакивание</i></p> <p>III. Атенуативное значение (<i>под-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>манить – подманить – подманивать – подманивание, дразнить – поддразнить – поддразнивать – поддразнивание</i></p> <p>IV. Кумулятивное значение (<i>на-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>хвалить – нахвалить – нахваливать – нахваливание, манить – наманить – наманивать – наманивание</i></p> <p>V. Дистрибутивное значение (<i>пере-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → ‘процессуальное действие, состояние’ (<i>-ни[jj]-</i>): <i>ругать – переругать – переругивать – переругивание, дразнить – передразнить – передразнивать – передразнивание</i></p>	<p>Г → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’): <i>пугать – отпугать – отпугивать – отпугивание, пугать – распугать – распугивать – распугивание, манить – сманить – сманивать – сманивание, плакать – оплакать – оплакивать – оплакивание</i></p> <p>Г → Г (финитивное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’): <i>терпеть – претерпеть – претерпевать – претерпевание</i></p> <p>Г → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’)</p> <p>Г → Г (интенсивное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’): <i>хвалить – выхвалить – выхваливать – выхваливание</i></p> <p>Г → Г (дистрибутивное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’)</p>
Г _с Г _п Г _с Г (3)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация): <i>кричать – крикнуть – прикрикнуть – прикрикивать, пугать – пугнуть – подпугнуть – подпугивать</i>
Г _{пф} Г _п Г _с С (2)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (кумулятивное значение) → Г (имперфективация) → С (‘процессуальное действие, состояние’): <i>ругать – ругаться – наругаться – наругание, ругать – ругаться – наругаться – наругательство</i>
Пятичленные словообразовательные цепи		
Г _п Г _с Г _{пф} Г _с С (2)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности) → С (‘процессуальное действие, состояние’): <i>хаять – охаять – охаивать – охаиваться – охаивание, хаять – обхаять – обхаивать – обхаиваться – обхаивание</i>

Модель словообразовательных цепей	Типичные словообразовательные цепи	Категориальные словообразовательные цепи
Г _н Г _н Г _с Г _с С (4)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (результативное значение) → Г (семельфактивное значение) → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С ('процессуальное действие, состояние'): <i>хвастать – хвастнуть – прихвастнуть – прихвастывать – прихвастывание, кричать – крикнуть – подкрикнуть – подкрикивать – подкрикивание</i>
Г _н Г _с П/Пр _{суб} С _ф С (2)	Делимитативное значение (<i>по-</i>) → определительное значение (<i>-ви-</i>) → значение 'носитель процессуального признака' (<i>-ий</i>) → значение женскости (<i>-ая</i>): <i>страдать – пострадать – пострадавший – пострадавшая, терпеть – потерпеть – потерпевший – потерпевшая</i>	Г → Г (делимитативное значение) → Пр (определительное значение) → С ('носитель процессуального признака') → С (значение женскости)
Г _с Г _н Г _с Г _{пф} Г (6)	Типовой словообразовательной цепи не было обнаружено	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → Г (значение страдательности): <i>пугать – пугнуть – выпугнуть – выпугивать – выпугиваться, пугать – пугнуть – отпугнуть – отпугивать – отпугиваться, пугать – пугнуть – распугнуть – распугивать – распугиваться, пугать – пугнуть – спугнуть – спугивать – спугиваться</i>
Г _с Г _н Г _с Г _с С (5)	Значение однократного действия (<i>-ну-, -ану-</i>) → ингрессивное значение (<i>вс-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → 'процессуальное действие, состояние' (<i>-ни[jj]-</i>): <i>пугать – пугнуть – вспугнуть – вспугивать – вспугивание, кричать – крикнуть – вскрикнуть – вскрикивать – вскрикивание</i>	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (ингрессивное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С ('процессуальное действие, состояние')
	Значение однократного действия (<i>-ну-, -ану-</i>) → аттенуативное значение (<i>при-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → 'процессуальное действие, состояние' (<i>-ни[jj]-</i>): <i>пугать – пугнуть – припугнуть – припугивать – припугивание, хвастать – хвастнуть – прихвастнуть – прихвастывать – прихвастывание</i>	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (аттенуативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С ('процессуальное действие, состояние'): <i>кричать – крикнуть – подкрикнуть – подкрикивать – подкрикивание</i>
	Значение однократного действия (<i>-ну-, -ану-</i>) → результативное значение (<i>вы-</i>) → имперфективное значение (<i>-ыва- / -ива-, -ва-</i>) → 'процессуальное действие, состояние' (<i>-ни[jj]-</i>): <i>пугать – пугнуть – выпугнуть – выпугивать – выпугивание, кричать – крикнуть – выкрикнуть – выкрикивать – выкрикивание</i>	Г → Г (семельфактивное значение) → Г (результативное значение) → Г (вторичная имперфективация) → С ('процессуальное действие, состояние'): <i>пугать – пугнуть – распугнуть – распугивать – распугивание, пугать – пугнуть – отпугнуть – отпугивать – отпугивание</i>

отсутствие единичных бинарных словообразовательных цепей. Многочленность деривационных моделей в свою очередь препятствует типизации словообразовательных моделей, способствуя (ввиду широкого разнообразия как в области комбинаторики морфем, так и семантических характеристик словообразовательных морфов) возникновению уникальных отношений производности. Подтверждением вышеизложенного является абсолютное отсутствие шестичленных типовых и категориальных словообразовательных цепей: *любить – влюбить – влюбиться – влюбленный – влюбленная; любить – влюбить – влюбиться – влюбленный – самовлюбленный – самовлюбленно; любить – влюбить – влюбиться – влюбленный – самовлюбленный – самовлюбленность*. Следовательно, увеличение компонентов цепи обратно пропорционально количеству типизированных объединений и прямо пропорционально количеству единичных словообразовательных цепей.

КСЦ, являясь обобщенной и абстрагированной деривационной моделью, строится на основе синонимии словообразовательных типов, в связи с чем может отождествляться с ТСЦ, превосходить ее в количественных и качественных характеристиках за счет синонимии словообразовательных формантов (не типов), а также наличествовать при отсутствии ТСЦ. Вместе с тем существование типовой деривационной цепи обуславливает образование категориальной. Таким образом, КСЦ, невзирая на высокую степень собственной абстрагированности, является более регулярным явлением, чем ТСЦ.

В рамках анализа отношений типизации словообразовательных цепей эмотивных глаголов мы усомнились в факте интерпретации КСЦ как предельной абстрагированной модели и посчитали возможным выделить еще более типизированные объединения словообразовательных цепей, основанные на равнотематическом характере словообразовательных семантических компонентов, – сверхкатегориальные (трансцендентные) словообразовательные цепи (СкСЦ).

Бинарные СкСц

Г → Г (временные модификации: ингрессивное, финитивное, делимитативное, пердуративное значения);

Г → Г (модификации по степени интенсивности: кумулятивное, сатуративное, семельфактивное, фреквентативное значения);

Г → Г (результативное словообразовательное значение);

Г → Г (характер взаимоотношений субъекта и объекта: дистрибутивное значение, семантика взаимного способа действия).

Полиарные СкСц

Г → Г (возвратное значение) → Г (временные модификации);

Г → Г (возвратное значение) → Г (модификации по степени интенсивности);

Г → Г (возвратное значение) → Г (финитивно-результативное значение);

Г → Г (модификации по степени интенсивности) → Г (видовое значение);

Г → Г (временные модификации) → Г (видовое значение);

Г → Г (финитивно-результативное значение) → Г (возвратное значение);

Г → Г (модификации по степени интенсивности) → Г (видовое значение) → Г (значение страдательности);

Г → Г (финитивно-результативное значение) → Г (видовое значение) → С (предмет по процессуальному признаку);

Г → Г (модификации по степени интенсивности) → Г (видовое значение) → С (предмет по процессуальному признаку);

Г → Г (модификации по степени интенсивности) → Г (видовое значение) → С (предмет по процессуальному признаку).

СкСЦ представляет собой инвариантную деривационную модель, типизирующую категориальные словообразовательные цепи одной ЛСГ на основе однотематичности словообразовательных значений и принадлежности каждого из звеньев КСЦ к одной и той же части речи.

Заключение. Таким образом, словообразование представляет собой иерархически организованную систему, состоящую как из конкретных деривационных единиц, так и типичных комплексных структур. Одной из таких единиц является словообразовательная цепочка, выступающая как совокупность словообразовательных пар. В случае регулярности словообразовательной пары она уподобляется словообразовательному типу, организуя в подобных случаях ТСЦ. Типизация каждой уже типизированной комплексной единицы будет обуславливать возникновение моделей более высокого уровня абстракции. Выделение подобных инвариантных структур способствует упорядочению словообразовательной системы, формированию наиболее объективных представлений о потенциях словообразования в рамках определенной ЛСГ, регулярности и единичности отдельных языковых феноменов, тенденциях будущего развития языковой системы.

Сокращения

- Г – глагол
КСЦ – категориальная словообразовательная цепь
 ЛСГ – лексико-семантическая группа
 Н – наречие
 п – префиксальный
 П – прилагательное
Пр – причастие
 пф – постфиксальный
 с – суффиксальный
 С – существительное
СкСЦ – сверхкатегориальная словообразовательная цепь
 суб – субстантивация
ТСЦ – типичная словообразовательная цепь
 ф – флективный способ словообразования

Список использованных источников

1. Никитевич, А. В. Словообразовательная пара: теория и практика лексикографирования / А. В. Никитевич // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 450–456. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>
2. Тихонов, А. Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы синхронного словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарк. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Ташкент, 1982. – С. 3–13.
3. Тихонов, А. Н. Структура словообразовательных цепочек глаголов звучания / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарк. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Ташкент, 1982. – С. 124–130.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, 2006. – 3 т.
5. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 221 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 6-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2011. – 4 т.
7. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Совет. Энцикл., 1935–1940. – 4 т.
8. Гейгер, Р. М. Структурно-семантические отношения в словообразовательной цепи и вопрос о потенциальных словах / Р. М. Гейгер // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарк. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Ташкент, 1982. – С. 58–62.
9. Улуханов, И. С. О полных и неполных словообразовательных цепочках / И. С. Улуханов // Актуальные проблемы русского словообразования : тез. V Респ. науч.-теорет. конф., Самарканд, 11–13 сент. 1987 г. : в 2 ч. / Самарк. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Самарканд, 1987. – Ч. I. – С. 443–447.
10. Тихонов, А. Н. О структуре словообразовательных цепей / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы III Респ. науч. конф., Ташкент, 21–23 сент. 1978 г. : в 2 ч. / М-во просвещ. УзССР ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Ташкент, 1980. – Ч. II. – С. 264–275.
11. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
12. Ширшов, И. А. Словообразовательная цепь и явление полимотивированности / И. А. Ширшов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарк. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. Н. Тихонов [и др.]. – Ташкент, 1982. – С. 91–95.
13. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.
14. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.

References

1. Nikitevich A. V. Derivational pair: theory and practice of lexicography. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 450–456 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>
2. Tikhonov A. N. Problems of studying complex units of the synchronous word formation system. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 3–13 (in Russian).
3. Tikhonov A. N. The structure of word-formation chains of sound verbs. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 124–130 (in Russian).

4. Efremova T. F. *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, AST Publ., 2006. 3 vol. (in Russian).
5. Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. *Introduction to Russian aspectology*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 221 p. (in Russian).
6. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living great Russian language*. Moscow, Drofa Publ., 2011. 4 vol. (in Russian).
7. Ushakov D. N. (eds.). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940. 4 vol. (in Russian).
8. Geiger R. M. Structural-semantic relations in the word-formation chain and the question of potential words. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 58–62 (in Russian).
9. Ulukhanov I. S. On complete and incomplete word-formation chains. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: tezisy V Respublikanskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Samarkand, 11–13 sentyabrya 1987 g.* [Actual problems of Russian word-formation: theses of the V Republican scientific-theoretical conference, Samarkand, September 11–13, 1987]. Samarkand, 1987, pt. I, pp. 443–447 (in Russian).
10. Tikhonov A. N. On the structure of word-formation chains. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: materialy III Respublikanskoi nauchnoi konferentsii, Tashkent, 21–23 sentyabrya 1978 g.* [Actual problems of Russian word-formation: materials of the III Republican scientific conference, Tashkent, September 21–23, 1978]. Tashkent, 1980, pt. II, pp. 264–275 (in Russian).
11. Babenko L. G. *Lexical means of designating emotions in Russian*. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, 1989. 184 p. (in Russian).
12. Shirshov I. A. Word-formation chain and the phenomenon of polymotivation. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 91–95 (in Russian).
13. Tikhonov A. N. *Word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 2 vol. (in Russian).
14. Shvedova N. Y. (ed.). *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian).

Информация об авторе

Третьякова Юлия Ромуальдовна – аспирант. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: yulechka.filipchik1@mail.ru

Information about the author

Yuliya R. Tretsiakova – Postgraduate student. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Eliza Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus). E-mail: yulechka.filipchik1@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 782.01/08+782.1.01+.82782.9.01:792
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-301-308>

Поступила в редакцию 16.07.2021
Received 16.07.2021

В. Г. Гудей-Каштальян

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНЫЙ СИМФОНИЗМ

Аннотация. Рассматривается специфика проявления симфонизма в музыкально-театральном искусстве. Анализируется своеобразие отношений – взаимодействие и взаимопроникновение собственно музыкального и собственно театрального принципов мышления в жанрах оперы и балета, что позволяет актуализировать проблему музыкально-театрального симфонизма. Главным и наиболее существенным для понимания данного феномена становится выявление собственно музыкальной – симфонической или симфонизированной конструкции, в которую облакаются театральность или театральное действие. Избранный историко-теоретический ракурс позволяет определить симфонические конструкции бицентрического, полицентрического и моноцентрического типа.

Ключевые слова: театральное мышление, драматургическая концепция, симфонизация, симфонизм, опера, балет

Для цитирования: Гудей-Каштальян, В. Г. Музыкально-театральный симфонизм // В. Г. Гудей-Каштальян // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 301–308. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-301-308>

Vera G. Guday-Kashtalyan

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

MUSICAL AND THEATRICAL SYMPHONY

Abstract. The article considers the specifics of the manifestation of symphonism in the musical and theatrical art, the peculiarity of relations – the interaction and interpenetration of the musical and theatrical principles of thinking in the genres of opera and ballet, which allows us to actualize the problem of musical and theatrical symphonism. The main and most important thing for understanding this phenomenon is the identification of the actual musical-symphonic or symphonized construction, in which theatricality or theatrical action is clothed. The selected historical and theoretical perspective allows us to determine the symphonic constructions of the bicentric, polycentric and monocentric types.

Keywords: theatrical thinking, dramatic concept, symphonization, symphonism, opera, ballet

For citation: Guday-Kashtalyan V. G. Musical and theatrical symphony. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 301–308 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-301-308>

Введение. Систематизация многообразных форм проявления симфонизма в историко-культурном и национальном срезе, произведениях различных жанров и стилей, наконец, иных видах искусства особенно актуальна для музыкального театра, поскольку все эти аспекты фокусируются в его синтетических по своей природе жанрах: опере и балете, а также в современной сценической практике. Начиная с оперного творчества Моцарта и малоизвестного балета «Прометей» Бетховена, процесс симфонизации музыкально-театрального искусства прошел ряд этапов в соответствии с изменяющейся историко-культурной и жанрово-стилевой ситуацией, отразивших также возникновение индивидуально-авторских музыкально-театральных концепций.

Изучение специфики проявления симфонизма в музыкально-театральном искусстве, на наш взгляд, дает возможность максимально расширить представления о данном феномене, поскольку симфонизм в XX веке вступает в активное взаимодействие, а в некоторых случаях и во взаимообмен, с принципами мышления и средствами театральной и кинодраматургии, литературным словом, живописью и хореопластикой, наконец, с рок- и поп-культурой, джазом, средствами электронной и компьютерной музыки, медиаартом (медийное искусство). Кроме того, процесс симфонизации музыкально-театральных жанров, который отчетливо маркируется в XIX веке, повлек за собой симфонизацию всех составляющих музыкально-театрального искусства, что, в результате, актуализировало *проблему музыкально-театрального симфонизма* – феномена, до сих пор не изученного ни в историческом, ни в теоретическом ракурсах.

Основная часть. Сочетание музыкального и театрального есть аксиоматическая данность, характеризующая музыкально-театральное искусство как вид художественного творчества, в котором обе составляющие определяют специфику его жанров (опера, балет и др.), а также особенности композиционно-драматургической организации оперно-балетных произведений. В центре внимания при этом непременно оказывается *своеобразие отношений* – взаимодействие и взаимопроникновение собственно *музыкального* и собственно *театрального* принципов мышления как в рамках единого синтетического организма, каковым является музыкальный театр, так и в парадигме композиторского творчества, а именно создания собственно оперы, балета и т. д., предназначенных в дальнейшем для сценического воплощения.

Автор симфонии, по мнению М. Друскина, проверяет звучание партитуры внутренним слухом, в то время как театральный композитор должен быть наделен еще и специфическим даром *видения сцены, богатством сценической фантазии* (здесь и далее курсив наш. – В. Г.-К.) [1, с. 79]. Еще А. Серов отмечал, что оперный композитор выступает уже из ряда просто музыкантов; ему драматическая поэзия должна быть столько же родственна, как само искусство звуков. «Сочинитель оперы, – пишет он, – должен быть настолько же драматическим поэтом, насколько музыкантом. Одного чисто музыкального дара тут недостаточно» [2, с. 187].

Эту же мысль по-своему развивает и Б. Асафьев: «Только в вагнеровскую эпоху композиторы стали писать *симфонические оперы* с верой в их продолжительную жизнь и с расчетом на «вечность»... Хотя режиссеры и дирижеры своими купюрами доказывали обратное: опера рождена для сцены и сцене должна подчиняться» [3, с. 29]. «Музыка, – отмечает исследователь, – хозяин в оперном театре, ибо она оказывается распределителем эмоционального тока, она сгущает и разряжает его, она усиливает и ослабляет действие; но тогда как симфоническая музыка *кристаллизуется в специфически музыкальных концепциях*, театральная музыка либо является отображением «возбужденной» или повышенной речи, либо ярким эмоциональным раздражителем. *Композитор, сочиняя оперу, поэтому всецело подчиняется драматическим импульсам и архитектонике сценического действия*» [3, с. 31]. Таким образом, Б. Асафьев подчеркивает, что опера есть зрелищно-сценическое, театральное произведение, а потому главное в опере – драматически музыкальное развитие, динамика эмоций, сила взрывов чувств и умение такие взрывы подготовить, что в опере логика чисто музыкального развития уступает место развитию драматической идеи, явленной в театральной музыке и через музыку осуществленной.

Основываясь на постулате о том, что оперная музыка должна подчиняться сценическим законам, К. Станиславский определяет и постановочную задачу оперного режиссера, который должен «услышать в звуковой картине заключающееся в музыке действие и превратить эту звуковую картину в драматическую, то есть зрительную» [4, с. 206].

Основными критериями театральности оперной композиции, по мнению Л. Ротбаума, являются *специфика театральной концепции* отдельного композитора или оперы, *режиссерское мышление композитора* и *свойства театральности произведения*. Последнее – свойство театральности произведения – *имманентная театральность партитуры*, отмечает автор исследования, заключается *именно в динамической, действенной сущности музыкальной образности*: «Она, в противоположность изобразительному искусству, показывает психическую жизнь человека в неустанном движении, в беспрестанном процессе ее переменчивости» [5, с. 79].

Специфика *театральной концепции*, или *сценической формы*, в которую облакает свою оперную музыку композитор, с точки зрения М. Друскина, определенным образом влияет на трактовку сюжета: «В свою очередь модус сценического видения композитора обусловлен не только мерой его таланта, но и общим уровнем театральной культуры, ее национальной спецификой. В оперном театре эти традиции устойчивы. Композитор в своем замысле ориентируется на них» [1, с. 77–78].

Своеобразие *театрального мышления* разное у различных композиторов. Развивая эту мысль, Л. Ротбаум, в частности, приводит и некоторые примеры. Так, идеи музыкальной драмы Р. Вагнера можно найти в античной трагедии. Стиль такого необычного монументального театра, соединяющего эпос и романтическую фантастику, диктует, по мнению автора, специфику оригинальной драматургической концепции. Театр Моцарта черпает живительные соки в народном театре, из комедии дель арте и зингшпиля, театр Р. Штрауса – психологически окрашенный, зачастую одухотворен лиризмом, оперное творчество Чайковского также представляет собой разновидность психологического театра.

Между тем историческим фактом является процесс увеличения роли и осознания более значимой функции собственно музыкальных принципов организации театрального действия в опере, который проходил под эгидой постепенной ассимиляции и насыщения традиционной музыкально-театральной конструкции симфонизмом. При этом симфонический метод на определенном этапе становится решающим фактором общей проблемы соотношения музыкального и театрального начал в произведениях оперного жанра, поскольку синтетическая природа его как действенно-динамического и концептуального принципа в проекции на метод драматический (театральный) по существу их уравнивает.

Ярким примером реализации подобной синтетической формулы являются музыкально-драматические концепции опер Р. Вагнера, для которого совершенно очевидной была значимость обоих начал, о чем убедительно свидетельствуют противоположные высказывания современников о его реформаторстве. Развивая эту мысль, Н. Николаева справедливо отмечает, что новизна синтеза драмы и музыки у Вагнера рождает художественное целое, в котором безоговорочная дифференциация на первичное и вторичное, главенствующее и подчиненное терпит крах [6].

Наиболее значимым с точки зрения музыкально-театрального и собственно оперного симфонизма принципом достижения органического единства драматического и собственно музыкального действия у Г. Вагнера становится, как известно, сложно организованная лейтмотивная система. Одна из ее функций – создание тематически закрепленных музыкальных характеристик, другая – взаимовлияние, преобразование и развитие тематических, мотивных элементов формы, пронизывающее музыкально-драматическое целое. В результате проявляются, высвечиваются направленность театрального действия и его центральная идея.

Не менее существенным фактором организации сквозного музыкально-драматического развития является использование полифонического принципа («полифония лейтмотивов», контрапункт, «временная многослойность действия»). Но, пожалуй, особую актуальность в ряду завоеваний вагнеровского оперного симфонизма приобретает *принцип сонатности*, восходящий в своей генетической основе к бетховенскому симфонизму.

Впервые именно Л. Бетховен спроецировал собственный конфликтно-драматический метод музыкального развития на действенно-театральную специфику оперной композиции. Анализ его единственной оперы «Фиделио» (1805 г.), предпринятый Г. Кулешовой, свидетельствует об активном использовании сонатно-симфонического принципа в процессе создания единой непрерывно развивающейся драматургической концепции. «Для Бетховена как композитора-симфониста, – пишет Г. Кулешова, – ведущим композиционно-драматургическим принципом явился сонатный принцип развития. В структурной организации оперы в целом и отдельных ее разделов Бетховен чаще всего прибегает к сонатной форме, способной «вобрать» в себя динамизм нарастания конфликтных столкновений и трансформацию образов» [7, с. 50]. При этом, как отмечает автор, собственно музыкальное, симфоническое развитие «Фиделио» находится в прямой зависимости от сценического действия и драматургического замысла, что соответствовало новому для того времени типу драматургии – симфоническому.

Иное существует в балете. Здесь специфика музыкально-театрального мышления композитора, а следовательно, специфика театральности балетного произведения проявляется не столько в видении сцены, сколько, с одной стороны, в ее пластическом (танцевальном) образном обобщении, в особой роли пластически двигательного начала, с другой – в конкретном выражении через танец, мимику, жест, отражение в музыке хореографически организованного движения. Специфические законы организации балетного (театрального) действия, таким образом, диктуют определенные условия создания композитором музыкально-хореографической целостности, в которой соотношение собственно музыкального и танцевально-пластического элементов при использовании симфонического метода образует некое единство в процессе реализации действенно-динамических принципов развития образов.

Данная мысль подтверждается историческим фактом симфонизации балетной музыки в творчестве П. Чайковского, который, будучи композитором-симфонистом, считался со специфическими требованиями балетного жанра, о чем свидетельствует результат его творческого сотрудничества с балетмейстером М. Петипой.

Характеризуя балет П. Чайковского «Спящая красавица» как произведение, *выражающее и изображающее хореографическую идею М. Петипа*, Б. Асафьев прежде всего констатирует, что «главное – *танец*, данный в ритме и интонации: а) определенных танцевальных формул; б) танцевальных формул, усложненных и углубленных через преобразование их в симфоническом развитии» [8, с. 79]. Для этой области танца-музыки, по оценке Б. Асафьева, выступает контрастом красивая область «балетного мелоса» *Adagio* – «своего рода сонатная форма в балете». В свою очередь *хореографическое действие* выявляется музыкой через комбинирование звучаний, направляющих мимодраму (хореографический речитатив), развитые мимические сцены, допускающие в музыке тематическое развитие, не связанное вовсе танцевальными формулами, характеристику действующих лиц *лейтмотивами*, наконец, моменты (статические) живописно-изобразительные, воплощаемые соответствующими приемами музыкальной живописи (звукописи) и развивающиеся иногда в пространственных *симфонических поэмах*.

Действительно, М. Петипа являлся мастером составления музыкально-сценических планов, где им были четко прописаны основные единицы композиционно-драматургической организации будущего балета и не только – акты, картины, танцевальные номера, количество исполнителей, выходы и уходы, пантомимические сцены с указанием действий героев, их эмоции, а также характер музыки, особенности ее жанра, размер и количество тактов, пожелания к использованию того или иного инструмента оркестра. Здесь проявилось особое синтетическое качество балетмейстерского мышления – способность видеть и слышать будущий балет. В предисловии к сборнику материалов, воспоминаний и статей «Мариус Петипа» Ю. Слонимский отмечает именно эту способность балетмейстера-драматурга: «Проекты музыки и хореографии вычерчены до мельчайших подробностей задолго до того, как в воображении композитора возникнут первые такты будущей партитуры, а балетмейстер покажет артистам первые па» [9, с. 13].

Если сценарий первого балета П. Чайковского страдал чрезмерной повествовательностью, то в «Спящей красавице», по мнению А. Демидова, являл собой программу симфонии. Развивая эту мысль, автор констатирует, что драматургия «Лебединого озера» П. Чайковского основана скорее на театральных, чем собственно музыкальных законах [10]. Тем не менее появление именно этих балетов П. Чайковского фиксирует исторически важный момент рождения самостоятельного балетного произведения, музыкально-хореографическая целостность и драматургическое единство которого достигается средствами симфонизма, хотя ни в одном из них принципы *симфонизации* театрального не нарушают традиционную каноническую балетную структуру.

Процесс симфонизации оперы и балета в творчестве русских композиторов непосредственно связан со становлением и развитием этих жанров. «В русской музыкальной культуре, – пишет В. Холопова, – номерной спектакль успел только лишь показаться в конце XVIII – начале XIX в., а все дальнейшие искания русских композиторов были направлены к опере-драме (центр – оперы Мусоргского) и симфонизированному балету (центр – «Лебединое озеро» Чайковского). Эта линия продолжалась у русских советских композиторов – в опере-драме Шостаковича, речитативной опере и драматическом (на основе пантомимы) балете Прокофьева» [11, с. 66].

Говоря о непреходящей ценности музыки русской оперы и балета XIX в., Б. Асафьев формулирует очень важное положение: «...Богатство материала, сила эмоциональной выразительности и магия звука русской музыки, будучи устремлены к театру, *«симфонизируют» театральное действие, то есть пронизывают его закономерным ладом музыкальности...*». По мнению автора, быть театральной – инстинктивное и упорное стремление русской музыки (оно было всегда), а театрализация поэм, былин, сказаний, сказок, летописей, колядок и даже стихотворений в русском драматическом романсе насквозь проходит через всю русскую музыку, и случайностью объяснить такое свойство нельзя. Отсюда и главный вывод исследователя: «Театральный симфонизм или симфонизация театрального действия, как начало, исходящее от русской оперы, это своего рода быть или не быть русского театра...» [12, с. 143].

Проясняя и уточняя сущность понятия *музыкально-театральный симфонизм* посредством явления *симфонизации театрального действия или театральности* (оперы, балета), мы объективируем все тот же вопрос о соотношении и взаимодействии музыкального и театрального начал в произведениях музыкально-театрального искусства. При этом главным и наиболее актуальным для понимания данного феномена становится выявление собственно музыкальной – симфонической или симфонизированной конструкции, в которую облекается эта театральность или театральное действие, иными словами, как театральная концепция кристаллизуется в специфически музыкальной (типовой или индивидуализированной) симфонической форме.

Обозначив главные вершины в исторической парадигме эволюции музыкально-театрального симфонизма и решения его главной проблемы соотношения театрального и музыкального в оперном (Л. Бетховен, Р. Вагнер) и балетном (П. Чайковский) творчестве, можно условно выделить две исторически сложившиеся разновидности антитетической *симфонической конструкции бицентрического типа*.

Первую условно можно определить как *симфонизированная*. В ее основе действуют механизмы использования принципов симфонизма, прежде всего на уровне образно-тематических связей и обобщений (темы-лейтмотивы и их сквозное преобразование, тематические арки, повторы, вариантная динамика, логика тональных соотношений, тембровая характеристика и т. д.), а реализация драматического конфликта переведена в плоскость контрастного сопоставления. При этом антитетичность образов мыслится как идейный концептуальный вопрос борьбы противоположностей, как собственно театральный действенно-драматический фактор, реализуемый симфоническими средствами.

Ярким примером такого рода *бицентрической* концептуальности является «Дон Жуан» В. А. Моцарта (1787 г.). В ее основе – столкновение образов Дон Жуана и Командора, олицетворяющих, соответственно, «непосредственность и необузданность чувств» и «строгость и сознание морального долга». Е. Чигарева отмечает: «Композитор иногда подчеркивает непримиримость «чувственного» и «духовного» начал, иногда дает их в сложном переплетении или создает построения переходного типа, объединяющие многообразные индивидуальные характеристики. При этом основные тематические элементы разрабатываются им так, что образуют единую «сквозную» линию музыкально-драматического развития» [13, с. 301].

Балетным примером симфонической конструкции подобного рода является «Спящая красавица» П. Чайковского, где в контрастном противопоставлении и сквозном драматургическом развитии предстают «светлый мир феи Сирени и мрачные образы, сопутствующие фее Карабосс». «Мир Карабосс, – пишет М. Тараканов, – остается до конца «миром в себе», хотя движение присущего ему тематизма строится на симфонических принципах, на мотивной разработке приданных ему тем. То же, что ему противостоит, разворачивается и симфонически, но иными средствами: широкие, пластически замкнутые мелодии, словно расцветающие, наливающиеся соками, не могут вступить во взаимодействие с гротесковым тематизмом мира Карабосс, чьи краткие, ритмически заостренные мотивы нигде не складываются в более или менее развернутую мелодию» [14, с. 150].

Вторая разновидность бицентрической симфонической конструкции в основе своей опирается на принцип сонатности, а потому может быть условно названа *сонатно-симфонической*. Помимо «Фиделио» Л. Бетховена, ее вариантом можно считать «прогрессирующую сонатность» (Н. Николаева) вагнеровского типа (первое действие оперы «Валькирия»). Образная антитеза

здесь приобретает ярко выраженную конфликтную драматургическую основу, а потому именно драматически-конфликтный тип симфонизма и его наиболее концентрированный эквивалент – сонатность – становятся наиболее актуальными музыкальными средствами симфонизации театрального действия.

Особый интерес с точки зрения использования идеи конфликтного столкновения двух начал (антитетичность бицентрического типа) в условиях сонатной драматургии представляет «История солдата» И. Стравинского (1918 г.). Это необычное сценическое произведение – «Сказка о беглом солдате и черте, читаемая, играемая и танцуемая» – демонстрирует самодовлеющую музыкальную концепцию, сущность которой трактуется Г. Алфеевской как противопоставление национального деревенского жанра космополитическим городским и постепенное растворение первого в последних. В то же время автор подчеркивает: «Автономия музыки «Истории солдата» была обусловлена не только эстетической установкой композитора, но и изначально поставленной целью дать ей самостоятельную жизнь...» [15, с. 134]. Независимая от текста музыка сюитного композиционного строения давала возможность ее не только театрального, но и концертного исполнения.

Принцип сонатности с точки зрения чисто музыкальной идеи в данном произведении И. Стравинского реализуется не только в характерной последовательности и функциях номеров, но также с позиции развития и взаимоотношения двух образно-тематических и интонационных сфер – Солдата и Черта. В результате их взаимодействий, которые приводят к трансформации и вытеснению тем Солдата темами Черта, обнаруживается «типичная симфоническая концепция, основанная на конфликте противоположных музыкально-образных сфер». Между тем, как справедливо отмечает Б. Асафьев, «Сказка о беглом солдате» – полусимфония-полусюита: «Сюитность ее выражается в наличии пластических и мускульно-моторных принципов оформления (ходьба, танец), а симфонизм – в энергетике музыки, в динамичности ее материала, в интонационно-тематической спайке частей и их драматической контрастности» [16, с. 165–166].

Рассмотренные выше варианты симфонизированных конструкций бицентрического типа наиболее часто используются композиторами в оперных и особенно балетных произведениях. В продолжение тенденции симфонизации театрального действия в балете XX века этапным можно назвать творчество С. Прокофьева, в частности, его балет «Ромео и Джульетта» (соч. 1936 г., пост. 1940 г.). Новаторство композитора проявилось в том, что он спроецировал особенности антитетической бицентрической конструкции в ее сонатно-симфоническом варианте, сформировавшемся в оперном жанре, на балет и реализовал ее в масштабах целостной музыкально-хореографической концепции. Утвердившаяся в «Ромео и Джульетте» конструктивная симфоническая модель стала своего рода эталоном для многих последующих балетных сочинений советских композиторов. Ее особенности заключаются в сочетании номерной композиции, основанной на контрастно-составном (монтажном) принципе организации театрального действия, с собственно музыкальными закономерностями организации и симфонической процессуальностью сонатной формы.

Контрастное противопоставление главных интонационно-тематических образных сфер (любовь Ромео и Джульетты – вражда Монтекки и Капулетти) в монтажно-кадровой последовательности замкнутых номеров-эпизодов соответствует функции сонатной экспозиционности. Острый конфликт-противостояние, взаимодействие драматических образно-тематических антитез приводят к сопряжению номеров и образованию развернутых композиций (сцен), что соответствует разработанным принципам симфонизма (2-я половина II акта). В результате сквозной динамики интонационного взаимопроникновения и развития основных лейттематических комплексов на основе кадровой драматургии (как специфического принципа разработанности в балете С. Прокофьева) происходят преобразование и трансформация лирической сферы.

Именно поэтому в репризной части балета (III акт), на что обращает внимание С. Катонина, ведущие темы возвращаются не в своей первоначальной тональности, а в новой («новотональная реприза», по оценке А. Шнитке), ибо они утрачивают свой светлый колорит, переключаясь в минорные сферы. «Подобное новое тональное преобразование, – отмечает С. Катонина, – становится действенным приемом формообразования не только финала, но и целостной композиционной модели балета» [17, с. 85–86]. При этом лейтмотивные связи основных образно-тематических

антитез и их взаимодействие происходят благодаря многочисленным интонационным «переключкам» и звукоаркам, а также использованию принципа тематического повтора-«наплыва».

Но нередко в процессе симфонизации оперно-балетной театральности возникают не две, а три или более противоположаемых контрастных образных и тематических сфер (центров) сквозного развертывания. Такую действенно-драматическую концепцию можно назвать *полицентрической*. Симфоническая конструкция подобного рода обнаруживается в балете А. Петрова «Сотворение мира» (1971 г.), где главной антитезой представлены созидательные силы добра (Бог и ангелы) и разрушительные силы зла (Дьявол), между которыми находится мир людей (Адам и Ева), вовлеченных в этот извечный конфликт-противостояние. Контрастное сопоставление образных сфер подчеркивается различием их стилистического решения, при котором эстрадно-джазовая стилистика, атональная музыка, серийная техника и пуантилизм презентуют многообразие и враждебность сферы зла, диатоника, тональная музыка и стилизация старинных танцевальных жанров – светлое начало и гармонию добра, классико-романтическая направленность, преломленная сквозь призму индивидуально-авторского стиля, характеризует жизненные реалии мира людей.

В свою очередь особой разновидностью центральных моделей становится, соответственно, *моноцентрическая*, где сквозное симфоническое развитие одной темы-лейтмотива, одного центрального образа, концентрирует в себе главную действенно-драматическую линию развития и основную концептуальную идею произведений. Подобная конструктивная модель представлена в балете «Макбет» В. Кузнецова (соч. 1999 г., пост. 2000 г.), конфликтная динамика которого основана на стилистическом преобразовании музыкальной ткани от преобладающей натурально-ладовой диатонической основы, через контраст тонально очерченных и свободно атональных зон, к двенадцатитоновости, сопряженной с серийным методом и алеаторикой. Процесс «разрушения» исходных интонационно-тематических и ритмопластических элементов осуществляется не только внешним контрастом различных звукообразов, но и внутренним глубинным преобразованием, основанным на взаимодействии диатоники и хроматики, тональности и атонализма, модальности и серийности. Таков кровавый путь Макбета – от славы к бесчестию, через агонию любви и ненависти, дружбы и предательства, через осознание ужаса совершаемых преступлений и неизбежной расплаты за совершенное зло.

Заключение. Многообразие современных явлений музыкально-театрального искусства XX века – «новая опера» и балет романного типа, хореоопера и опера-балет, хореографическая кантата и оратория, балет-симфония, хореографическая и вокально-хореографическая симфония, опера малых форм (малая опера, камерная опера, концертная опера), теле- и радиоопера, хореопластический и телебалет, фильм-опера, фильм-балет и танец-фильм, медиаопера – демонстрирует дальнейшее развитие и обновление принципов музыкально-театрального симфонизма при опоре на исторически сложившиеся разновидности антитетической симфонической конструкции бицентрического, моноцентрического и полицентрического типа.

Список использованных источников

1. Друскин, М. О западноевропейской музыке XX века / М. Друскин. – М. : Совет. композитор, 1973. – 272 с.
2. Серов, А. Русская опера в Петербурге / А. Серов // Статьи о музыке : [в 7 вып.] / А. Н. Серов ; [сост. и коммент. Вл. Протопопова]. – М., 1984. – Вып. 1. – С. 180–194.
3. Асафьев, Б. Опера как бытовое явление / Б. Асафьев // Об опере : избр. ст. / Б. Асафьев ; сост. Л. Павлова-Арбекина. – 2-е изд. – Л., 1985. – С. 28–33.
4. Станиславский, К. С. Законы оперного спектакля / К. С. Станиславский // Собр. соч. : в 8 т. – М., 1959. – Т. 6 : Статьи. Речи. Отклики. Заметки. Воспоминания. 1917–1938. – С. 320–322.
5. Ротбаум, Л. Опера и ее сценическое воплощение: записки режиссера : [перевод] / Л. Ротбаум. – М. : Совет. композитор, 1980. – 262 с.
6. Николаева, Н. Об оперном симфонизме Вагнера / Н. Николаева // Рихард Вагнер : сб. ст. / ВНИИ искусствознания ; ред.-сост. Л. Полякова. – М., 1987. – С. 147–176.
7. Кулешова, Г. Г. Композиция оперы / Г. Г. Кулешова ; науч. ред. М. П. Загайкевич. – Минск : Наука и техника, 1983. – 175 с.
8. Асафьев, Б. «Спящая красавица» / Б. Асафьев // О балете: статьи, рецензии, воспоминания / Б. Асафьев ; сост. А. Н. Дмитриев. – Л., 1974. – С. 76–85.

9. Мариус Петипа: материалы, воспоминания, статьи / сост. и авт. примеч. А. Нехендзи. – Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1971. – 446 с.
10. Демидов, А. «Лебединое озеро» / А. Демидов. – М. : Искусство, 1985. – 366 с.
11. Холопова, В. «Классицистский комплекс» творчества И. Ф. Стравинского в контексте русской музыки / В. Холопова // И. Ф. Стравинский: статьи, воспоминания / [ред.-сост.: Г. С. Алфеевская, И. Я. Вершинина]. – М., 1985. – С. 40–68.
12. Асафьев, Б. «Хаванщина» / Б. Асафьев // Об опере : избр. ст. / сост. Л. Павлова-Арбенина. – 2-е изд. – Л., 1985. – С. 28–33.
13. Черная, Е. С. Моцарт и Австрийский музыкальный театр / Е. С. Черная. – М. : Гос. музык. изд-во, 1963. – 435 с.
14. Тараканов, М. Музыкальная драматургия в советском балете / М. Тараканов // Советский музыкальный театр: проблемы жанров : [сборник] / ВНИИ искусствознания М-ва культуры СССР ; ред.-сост. М. Е. Тараканов. – М., 1982. – С. 133–183.
15. Алфеевская, Г. На повороте к неоклассицизму («История солдата») / Г. Алфеевская // И. Ф. Стравинский: статьи, воспоминания / [ред.-сост.: Г. С. Алфеевская, И. Я. Вершинина]. – М., 1985. – С. 128–153.
16. Асафьев, Б. Книга о Стравинском / Б. Асафьев. – Л. : Музыка, Ленингр. отд-ние, 1977. – 279 с.
17. Катанова, С. Музыка советского балета: очерки истории и теории / С. Катанова. – 2-е изд., доп. – Л. : Совет. композитор, Ленингр. отд-ние, 1990. – 412 с.

References

1. Druskin M. *About the Western European music of the twentieth century*. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1973. 270 p. (in Russian).
2. Serov A. Russian opera in St. Petersburg. *Stat'i o muzyke* [Articles about music]. Moscow, 1984, iss. 1, pp. 180–194 (in Russian).
3. Asaf'ev B. Opera as a household phenomenon. *Ob opere: izbrannye stat'i* [About opera: selected articles]. 2nd ed. Leningrad, 1985, pp. 28–33 (in Russian).
4. Stanislavskii K. S. The laws of the opera performance. *Sobranie sochinenii T. 6. Stat'i. Rechi. Otkliki. Zametki. Vospominaniya. 1917–1938* [Collected works. Vol. 6. Articles. Speeches. Responses. Notes. Memoirs. 1917–1938]. Moscow, 1959, pp. 320–322 (in Russian).
5. Rotbaum L. *Opera and its stage embodiment*. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1980. 262 p. (in Russian).
6. Nikolaeva N. On Wagner's opera symphony. *Rikhard Vagner: sbornik statei* [Richard Wagner: collection of articles]. Moscow, 1987, pp. 147–176 (in Russian).
7. Kuleshova G. G. *Composition of the opera*. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1983. 175 p. (in Russian).
8. Asaf'ev B. "The Sleeping Beauty". *O balete: stat'i, retsenzii, vospominaniya* [About ballet: article, reviews, memoirs]. Leningrad, 1974, pp. 76–85 (in Russian).
9. Nekhendzi A. (comp.). *Marius Petipa: materials, memories, articles*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1971. 446 p. (in Russian).
10. Demidov A. "Swan Lake". Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 366 p. (in Russian).
11. Kholopova V. "Classicist complex" of I. F. Stravinsky's creativity in the context of Russian music. *I. F. Stravinskii: stat'i, vospominaniya* [I. F. Stravinsky: articles, memoirs]. Moscow, 1985, pp. 40–68 (in Russian).
12. Asaf'ev B. "Khavanshchina". *Ob opere: izbrannye stat'i* [About opera: selected articles]. 2nd ed. Leningrad, 1985, pp. 28–33 (in Russian).
13. Chernaya E. *Mozart and the Austrian musical theater*. Moscow, State Music Publishing House, 1963. 435 p. (in Russian).
14. Tarakanov M. Musical dramaturgy in the Soviet ballet. *Sovetskii muzykal'nyi teatr: problemy zhanrov: sbornik* [Soviet musical theater: problems of genres: collection]. Moscow, 1982, pp. 133–183 (in Russian).
15. Alfeevskaya G. On the turn to neoclassicism ("The Story of a Soldier"). *I. F. Stravinskii: stat'i, vospominaniya* [I. F. Stravinsky: articles, memoirs]. Moscow, 1985, pp. 128–153 (in Russian).
16. Asaf'ev B. *The book about Stravinsky*. Leningrad, Muzyka Publ., 1977. 279 p. (in Russian).
17. Katanova S. *Music of the Soviet ballet*. 2nd ed. Leningrad, Sovetskii kompozitor Publ., 1990. 412 p. (in Russian).

Информация об авторе

Гудей-Каштальян Вера Григорьевна – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vera-kashtaljan@rambler.ru

Information about the author

Vera G. Gudey-Kashtalyan – Ph. D. (Art.), Associate Professor, Senior Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Sarganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vera-kashtaljan@rambler.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-1«1921/1939»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-309-319>

Паступіў у рэдакцыю 01.02.2022
Received 01.02.2022

М. У. Мікуліч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

ЗАБЫТЫЯ СТАРОНКІ ЛІТАРАТУРНАЙ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Анотацыя. Аналізуюцца забытыя, малоизученные страницы западнобелорусской поэзии 1920–1930-х гг., идейно-эстетические поиски Янки Былины, Станислава Станкевича, Улад-Иницкого. Творчество поэтов рассматривается в контексте острых социально-экономических и духовно-национальных проблем и противоречий действительности, в русле традиций ведущего лирико-повествовательного стиливого направления отечественной литературы.

Отмечается сюжетно-новеллистическая природа стихов Я. Былины, которые характеризовались спокойной повествовательной тональностью, объективизированной образностью. Рассматривается склонность С. Станкевича к сатирико-юмористическому выявлению общественно-социальных обстоятельств и внутреннего мира человека, а также к использованию тем, мотивов и образов социально-этнографического наполнения. Подчеркивается вовлеченность Улад-Иницкого в национально-патриотическую проблематику, обращение поэта к символической образности и др.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, образ, национально-освободительный, лирический герой, христианско-религиозный, сатирический пафос, лирико-повествовательный, стиливое течение, предметно-изобразительный

Для цитирования: Мікуліч, М. У. Забытыя старонкі літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі / М. У. Мікуліч // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 309–319. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-309-319>

Mikalai U. Mikulich

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

FORGOTTEN PAGES IN THE LITERARY HISTORY OF WESTERN BELARUS

Abstract. The forgotten, insufficiently explored pages of West-Belarusian poetry in the 20s – 30s of the XX century and Yanka Bylina, Stanislau Stankevich, Ulad-Initsky's ideological and esthetic searches are analyzed in the article. The creative work of poets is seen in the context of acute socio-economic, spiritual and national problems and contradictions of reality, in line with the traditions of the leading, lyrical and narrative, style trends of national literature.

The author notes the plot and novelistic nature of Y. Bylina's verses which were characterized by a quiet narrative tone, objectified imagery, S. Stankevich's inclination to the satirical and humorous identification of the social circumstances and the internal world of man, to the use of themes, motives and images of social and ethnographic fillings, underlines Ulad-Initsky's engagement in national patriotic issues, poet's appeal to symbolic imagery, etc.

Keywords: creative individuality, image, national-liberation, lyrical hero, Christian-religious, satirical pathos, lyrical and narrative, stylistic current, object-imaginative

For citation: Mikulich M. U. Forgotten Pages in the Literary History of Western Belarus. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 309–319 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-309-319>

Уводзіны. Адным з самых маладаследаваных у гісторыі беларускага слоўнага мастацтва і па сённяшні дзень з'яўляецца пласт заходнебеларускай літаратуры 1920 – 1930-х гг. Мала звярталіся да яго ў ранейшыя, савецкія, часы, калі ён быў яшчэ не такі гістарычна адалены, калі

жылі і тварылі многія рэальныя дзеячы народна-патрыятычнага руху і літаратурна-мастацкага працэсу ў тагачасным «забраным краі». Свежымі, гарачымі былі ўспаміны і ўражанні ад канкрэтных грамадска-палітычных і сацыяльна-культурных з’яў і падзей, пачынаючы ад самога Рыжскага дагавора 18 сакавіка 1921 г., пераследу і катаванняў беларускіх патрыётаў у польскіх пастарунках і астрогах і заканчваючы вераснёўскім (1939 г.) паходам Чырвонай Арміі. Мала звяртаюцца да яго і зараз, на этапе навейшай гісторыі. А між тым гэта надзвычай цікавы, своеадметны і ўдзячны для даследчыкаў у плане разумення ўсёй той складанай міжваеннай эпохі матэрыял, асабліва паэзія Заходняй Беларусі.

Асноўная частка. Без перабольшання можна сказаць, што паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) – унікальная з’ява на літаратурнай карце Еўропы XX стагоддзя. Прадудыруючы на глебе нацыянальных духоўна-сацыяльных і ідэйна-мастацкіх традыцый і каштоўнасцей, яна ва ўмовах Польшчы з’яўлялася часткай адначасова агульнабеларускага і польскага грамадска-культурнага асяроддзя, цесна ўзаемадзейнічаючы з прыбалтыйскім (найперш – літоўскім і латышскім) і заходнеўкраінскім літаратурна-мастацкімі працэсамі, знаходзілася пад моцным уплывам, з аднаго боку, савецкай, а з другога – еўрапейскіх літаратур і культур (чэшскай, славацкай, нямецкай і інш.). Усё гэта забяспечыла эвалюцыю і фарміраванне ў ёй розных, часам нават супрацьлеглых ідэйна-светапоглядных і мастацка-выяўленчых канстант і ліній. Традыцыйная для беларускай літаратуры парадыгма рэалістычнага, лірыка-апавядальнага адлюстравання рэчаіснасці спалучалася ў ёй з наватарскім дыскурсам – асаблівасцямі суб’ектыўна-ідэалістычнага, духоўна-ірацыянальнага пазнання жыцця і чалавека. Радыкальна-рэвалюцыйны фундаменталізм з яго жорсткімі класавы-ідэалагічнымі ўстаноўкамі і сцвярджаннем прынцыпаў адмабілізаванай падпольшчыцкай барацьбы і шырокага народна-вызваленчага руху пераплятаўся з ідэямі рэлігійнай філасофіі і хрысціянскага гуманізму. Нацыянальна-адраджэнскія тэндэнцыі і заканамернасці дапаўняліся і ўзмацняліся рамантычна-ўзвышаным пафасам.

Пра ўсё гэта магла толькі марыць тагачасная беларуская савецкая паэзія...

Дзякуючы працам (кнігам, раздзелам у калектыўных манаграфіях і вучэбных дапаможніках, артыкулам і іншым публікацыям) найперш У. Калесніка, А. Ліса і М. Ароцкі сёння мы, здаецца, някеска ведаем творчасць прыхільнікаў пракамуністычнай, прасавецкай ідэйнай арыентацыі – Максіма Танка, Валянціна Таўлая, Піліпа Пестрака, Міхася Васілька, Міколы Засіма, Анатоля Іверса, у меншай ступені – Леапольда Родзевіча, Алесь Салагуба, Ніны Тарас, Ганны Новік, якія выступалі за далучэнне Заходняй Беларусі да БССР у складзе Савецкага Саюза. Але ж не варта забываць пра тое, што там, у Заходняй Беларусі, жылі і паспяхова тварылі прадстаўнікі супрацьлеглага, правага ідэйна-палітычнага крыла, а таксама так званыя цэнтрысты, што ўжо тады актыўна адстойвалі прынцыпы самастойнага, незалежнага развіцця Беларусі, і іх у цэлым было нашмат болей, чым левых. А гэта не толькі такія значныя творчыя індывідуальнасці, як Казімір Сваяк, Андрэй Зязюля, Наталля Арсеннева, Аўген Бартуль, Хведар Ілляшэвіч, Ларыса Геніюш, але і, на першы погляд, радавыя, непрыкметныя асобы – Янка Быліна, Вінцук Адважны, Станіслаў Станкевіч, Франук Грышкевіч, Пётр Сяўрук, Юльян Сергіевіч, Пётр Сакол, Уладыслаў Казлоўшчык... Усе яны, між іншым, мелі выдадзеныя ці падрыхтаваныя да выдання кнігі, зборнікі вершаў. А былі яшчэ таксама таленавітыя, апантанія творчасцю Мар’ян Пецокевіч, Алесь Смаленец, Янка Маланка, Вольга Сахарава, Раса, Аркадзь Заранка, С. Гаротны, Мікалай Базылюк, К. Рагойша, Янка Чорны і многія іншыя паэты, даволі звонкія галасы якіх убіраліся ў сілу, луналі ў заходнебеларускім паднябессі і шмат абяцалі нацыянальнай літаратурнай будучыні. Аднак іх творчая дзейнасць, за рэдкім выключэннем, амаль не даследавана нашым літаратуразнаўствам.

Прыкметнае месца ў літаратурна-мастацкім працэсе і грамадска-культурным жыцці Заходняй Беларусі належала Янку Быліне, Станіславу Станкевічу і Улад-Ініцкаму, творчасць якіх зусім невядомая нашай сучаснай грамадскай супольнасці. А гэта былі на той час значныя мастацкія індывідуальнасці, актыўныя і прадуктыўныя дзеячы на ніве нацыянальнага адраджэння, развіцця беларускай асветы і культуры. Усе трое сімпатызавалі ідэям і каштоўнасцям Беларускай хрысціянскай дэмакратыі, адстойвалі прынцыпы незалежнасці і самастойнасці аб’яднанай Беларусі і належалі фактычна да аднаго ўзроставага пакалення ў заходнебеларускай літаратуры, нават да адной мастацка-стылявой плыні.

Янка Быліна (сапр. – Іван Семашкевіч; карыстаўся таксама псеўданімам Ядловец, крыптанімамі Я. Б., J. В.) нарадзіўся 30 кастрычніка 1883 г. у вёсцы Лакцяны Свянцянскага павета Віленскай губерні (цяпер Астравецкі раён Гродзенскай вобласці) у беднай сялянскай сям’і. Беларускі рымска-каталіцкі святар, паэт і драматург. Пасля заканчэння Віленскай духоўнай семінарыі (1907 г.) і пасвячэння ў святары служыў ксяндзом (вікарыем і пробашчам) у касцёлах спачатку на Слонімшчыне, Вілейшчыне і Ашмяншчыне, а затым на Віленшчыне. З часоў вучобы ў семінарыі падтрымліваў блізкія сяброўскія адносіны з вядомымі дзеячамі на ніве беларускага каталіцкага духавенства Ф. Грынкевічам, У. Талочкам, Ф. Рамейкам. Пазней у сваёй грамадска-культурнай працы і касцельнай службе зблізіўся з лідарамі Беларускай хрысціянскай дэмакратыі А. Станкевічам, К. Свяжом, Я. Пазняком. Падчас Першай сусветнай вайны разам з У. Талочкам прадстаўляў беларускае каталіцкае духавенства ў Віленскім камітэце дапамогі пацярпелым ад вайны. У 1917–1918 гг. прымаў удзел у арганізацыі і правядзенні ў Вільні вядомай беларускай канферэнцыі. Напачатку 1930-х гг. быў пераведзены на Беласточчыну, служыў у Янаве-Падляскім (1933–1937 гг.) і Ялоўцы (1937–1939 гг.).

Сваю грамадска-культурную і пастырскую дзейнасць Я. Быліна ажыццяўляў на беларускай мове, ён актыўна выступаў за беларусізацыю ўсяго хрысціянска-рэлігійнага жыцця беларусаў у Польшчы, за што адчуваў пераслед ад афіцыйнага Касцёла і ўлад II Рэчы Паспалітай.

Пачынаючы з 1917 г. вершы Я. Быліны друкаваліся ў газетах і часопісах «Гоман», «Беларуская крыніца», «Хрысціянская думка», «Снапок», «Авадзень», «Маланка», «Шлях моладзі», «Калоссе» і інш. Па часе лепшыя з іх увайшлі ў зборнікі паэзіі «На прызбе» (1918 і 1924 гг.) і «На покуці» (1934 г.), аснову якіх складалі асаблівасці традыцыйнай народнай свядомасці, адлюстраванне знешняга свету падзей і фактаў. Вершы Я. Быліны мелі пераважна сюжэтна-навелістычны характар, яны адрозніваліся дакладнасцю і яснасцю думкі і пачуцця, спакойнай апаведальнай танальнасцю, ураўнаважанасцю гучання. Паэт рабіў стаўку на паказ падзеі ці працэсу праз апісанне іх матэрыяльна-прадметнага зместу, на традыцыйную для беларускай літаратуры аб’ектывізаваную вобразнасць, стрыманы па сваім каларыце і фарбах рэалістычны малянак. Гэта засведчыў, напрыклад, верш «Вясна», напоўнены добрым адчуваннем прыроднага свету як крыніцы жыццядзейнасці чалавека, яго адвечных змен і зрухаў, гісторыка-этнаграфічных асаблівасцей народнага асяроддзя:

Зазелянела рунь у полі,
 Пралеска ў лесе зацвіла,
 З’яўляцца сталі ўжо паволі
 З-за мора госьці да сяла... [1, с. 43].

Прыход вясны, сцвярджаў аўтар, з’яўляецца важнай падзеяй у жыцці беларускай вёскі. Ён узрушыў дзяцей, якія, «Сабраўшысь... грамадой, // Крычаць над збурленай ракой – // Да кніжкі трудна іх прыгнаць», абудзіў мужыкоў, што занепакоены адвечнымі сялянскімі праблемамі і клопатамі, «быццам важныя пань», ходзяць і думаюць пра хуткае ворыва і сяўбу, прынёс доўгачаканую вольніцу каровам, якіх, перажагнаўшы вярбою, выгналі ў поле, а яны «Бягуць... і бадучца, // Ніяк спакойна не пасуцца» [1, с. 43, 44].

Характар лірычнага перажывання Я. Быліны вызначаўся імкненнем да раскрыцця аб’ектыўнай сутнасці падзей і працэсаў, якія адбыліся ці адбываліся ў грамадскім жыцці краю. У яго творчасці пераважала агульнае, тое, што абумоўлівалася асаблівасцямі народнага светабачання, ішло ад настрояў і мыслення шырокіх працоўных мас насельніцтва, сацыяльных і нацыянальных праблем і супярэчнасцей рэчаіснасці.

Цяжкая доля роднага краю атаясамлівалася ў свядомасці Я. Быліны з лёсам сухой бярозкі ў полі, з якой «Бура лісткі... пазрывала» (верш «Бярозка»). Настала вясна, «Аджыла ўсё, зелянее наўкола! // Расце і цвіце і сьпявае, як у раю!», аднак яна не рэагуе на змены ў прыродным асяроддзі. Духоўна-мастацкія абагульненні паэта вызначаліся шчырасцю і вынашанасцю перажыванняў, драматызмам адчування грамадскіх працэсаў:

Ох, доля твая, як магіла ў гаю,
 Чаму-ж ня ўсьміхнецца ніколі нам міла?
 О, родна зямелька, о, мілы мой краю!
 Ось, доля твая, як магіла [2, с. 34].

Лірычны герой Я. Быліны суадносіў сябе з ветрыкам, які «сумна... завывае», «Горка так усё плача, плача бязупынна, // Як няшчасна маці на могільках сына». Ветрык імкнецца на свабоду, у «бесканечну даль, // Хоць сваю старонку» пакідаць яму вельмі шкада. У няволі, складаных духоўна-сацыяльных умовах мусіць жыць і лірычны герой паэта («Ох, жыву і плачу, як і ты ў полі»):

Млею на'т, як бачу, што з намі тварыцца,
Што ня маем права па-свойму маліцца.
Нашую зямельку вун бяруць чужынцы,
У Айчыны грудзі гоняць слуп граніцы.
У сырой зямлянцы з голаду мруць дзеці,
А бацькі гаруюць на чужым гдзесь сьвеце,
Ці можа ў турмах звонаць ланцугамі...
Ой, Божа наш, Божа, што тварыцца з намі! [1, с. 50].

Я. Быліна прызнаваўся ў любові да роднага краю, «Бацькаўшчыны-Беларусі», якая адна дадзена яму «ад Бога» «да сьмерці»: «Душу ёй і ўсё я аддаў бы на сьвеце... // Яе да магільны любіць буду верна!» [2, с. 33, 34]. «Хаця яна бедна і хоць так няшчасна, // Напэўне, другой я такой не спаткаю», – разважаў ён у вершы «Бацькаўшчына», – «Яна мне ў мыслях, як зоранька ясна! // Ей толькі адной свае песьні сьпяваю» [2, с. 33].

Беларус не бачыў асветы, сам будучы галодным, «трудом сваім карміў» іншых, усе ім «пагаржалі // І толькі «хамам» называлі», а ён «астаўся, як той дуб, // Крэпкі, моцны сярод поля» [2, с. 36, 37].

Гэй ты, браце беларусе!
Ціж табе ўсё жыць у прымусе?
Ціж табе ў няволі гніць?
Праз век сьлёзы толькі ліць?
Енчыць жудасна ад болі,
Ня знаць шчасьця аніколі? –

пытаўся Я. Быліна і тут жа прапаноўваў:

Замяніся, браце ў сталь,
А кінь вокам сваім ў даль,
Глянь: народы ўсе свабодны,
Адзін ты, браточак родны,
У няволі так астаўся!
Вот чаго ты дачакаўся! [2, с. 35].

Значнае месца ў зборніках Я. Быліны займалі байкі. Яны закраналі нацыянальна-палітычныя і сацыяльныя праблемы і супярэчнасці заходнебеларускай рэчаіснасці, выяўлялі выпадкі нізкага ўзроўню духоўна-патрыятычнай самасвядомасці, маралі і культуры ў грамадстве, выкрывалі няроўнасць і ўціск, угодніцтва і палахлівасць («Блыха і пан», «Курыца», «Кабан і мурашкі», «Шчупак і рыбы» і інш.).

Акрамя паэтычных Я. Быліна пісаў драматургічныя творы, напрыклад, яму належыць цікавая, глыбокая па сваёй праблематыцы камедыя «Выбары старшыні» (1926 і 1938 гг.). Ён таксама апублікаваў рэлігійна-філасофскія, тэалагічныя працы «Ружанец да Найсвяцейшае Дзевы Марыі» (1928 г.), «Песні жалбы, або Набожныя разважанні аб муках і смерці Збаўцы Езуса Хрыста» (1929 г.), «Дарога крыжа» (1930 г.), якія мелі свайго чытача, былі запатрабаваны ў заходнебеларускім грамадстве.

Патрыятычныя і гумарыстычныя творы Я. Быліны былі шырока вядомы ў Заходняй Беларусі, яны выкарыстоўваліся аматарскімі калектывамі ў арганізацыі і правядзенні шматлікіх грамадска-культурных і асветніцка-адукацыйных мерапрыемстваў.

Блізкія да Я. Быліны ідэйна-мастацкія пошукі вёў гэтым часам паэт, кнігар, культурна-асветны дзеяч Станіслаў Станкевіч. Нарадзіўся ён 18 мая 1886 г. у вёсцы Арлянтцы на Ашмяншчыне ў шматдзетнай малазямельнай сялянскай сям'і. З ранніх гадоў займаўся цяжкой фізічнай працай на бацькоўскай гаспадарцы, авалодваў асновамі «вясковай адукацыі».

Да літаратуры, грамадска-патрыятычнай і культурніцкай дзейнасці С. Станкевіч прылучыўся яшчэ ў пецяўбургскі перыяд свайго жыцця і працы (1903–1919 гг.). Менавіта ў Пецяўбургу, куды ён патрапіў у пошуках лепшай долі, як напіша пазней у аўтабіяграфіі, праслужыўшы дагэтуль на вёсцы сем гадоў спярша «пастухом, а пасля парабкам» [3, арк. 28], будучы паэт зблізіўся і пасябраваў з кіраўніком Беларускага навукова-літаратурнага гуртка студэнтаў прафесарам Б. Эпімах-Шыпілам, пазнаёміўся з маладым Я. Купалам, які вучыўся на агульнаадукацыйных курсах Чарняева і працаваў у выдавецкай суполцы «Загляне сонца і ў наша аконца», цесна кантактаваў у справе арганізацыі і правядзення шматлікіх імпрэз, вечарын і тэатральных пастановак з многімі прадстаўнікамі тамашняй беларускай грамадскасці, галоўным чынам, зразумела, моладзі. Жывучы з 1920 г. у Вільні, С. Станкевіч спачатку працаваў у кнігарні Беларускага выдавецкага таварыства, пасля адкрыў уласную, якая разгарнула свае філіі ў некаторых іншых гарадах і паступова ператварылася ў адзін з найвыдатнейшых беларускіх культурна-асветных асяродкаў горада і краю. «Хто із жыхароў б. Заходняй Беларусі ў перадваенным часе ня ведаў ягонай кнігарні, якая знаходзілася ў Вільні?... – ставіў рытарычнае пытанне, прыгадваючы 1920–1930-я гг., Я. Шутовіч. – Хто да яго не заходзіў, каб па прыездзе ў Вільню адразу даведацца пра беларускія падручнікі, навуковыя кнігі, пра кнігі з беларускай літаратуры, мастацтва, купіць ці дарма дастаць беларускую газету, даведацца пра беларускае жыццё ў Вільні і ў краі...» [3, арк. 34]. І далей разважаў: «Кнігарня Станкевіча была адным із асяродкаў прапаганды беларускай культуры, у некаторай ступені была неафіцыйным даведачным бюро. Кнігар Станкевіч добра ведаў кніжную справу, быў ён самадзейным энцыклапедыстам і бібліофілам у галіне беларусазнаўства. Беларускія вучоныя, журналісты, пісьменнікі, працаўнікі навукі, культуры, асветы карысталі з цэнных паслуг Станкевіча ў набыцці патрэбнай ім літаратуры» [3, арк. 35].

С. Станкевіч падключыўся да дзейнасці Беларускай хрысціянскай дэмакратыі, стаў яе сябрам, дапамагаў наладжваць працу гурткоў ТБШ і мастацкай самадзейнасці (сам спяваў у хоры Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры, іграў у драмгуртку Беларускага нацыянальнага камітэта), бібліятэк-чытальняў, школ, займаўся, як цяпер бы казалі, перспектыўнымі выдавецкімі праектамі (уваходзіў у савет Беларускага каталіцкага выдавецтва). На працягу доўгага часу ён сумесна з З. Верас укладаў і друкаваў адрывыныя беларускія календары, менавіта яго намаганнямі была перавыдадзена паэма «Тарас на Парнасе», выйшлі ў свет зборнікі «Флірт для ўсіх» і «Беларускі спеўнік».

Увесь гэты час, пачынаючы яшчэ з нашаніўскіх часоў, пецяўбургскага перыяду, С. Станкевіч пісаў вершы, якія друкаваліся ў газетах «Крыніца», «Сялянская ніва», часопісах «Досвіткі», «Заранка», беларускіх календарых і інш. У 1926 г. пабачыў свет зборнік яго гумарыстычных вершаў «Смех – не грэх». Ён сведчыў пра наяўнасць у паэта выразнага лірыка-апавадальнага характару мастацкага светаадчування, значнага літаратурна-творчага патэнцыялу – жыццесцвярджальнага па сваім змесце і прыродзе, пра ўгрунтаванасць гэтага патэнцыялу ў асновы народнай самасвядомасці і маралі, настроі і перажыванні шырокіх грамадскіх слаёў насельніцтва.

У святле гумарыстычнай усмешкі паэта – займальныя бытавыя здарэнні («Малаяваная лаўка», «Параіла!»), цікавыя і павучальныя выпадкі, звязаныя з купляй пэўнага тавару, жывёлы («Як Моўша купляў цялё?», «Сцяміў!»), некаторыя праблемы сямейных узаемадчынненняў, асаблівасці народных звычаяў і абрадаў («Далася ў знакі!», «Сваты»), чалавечыя памылкі і недахопы, звыклыя для беларусаў цямота і прастадушнасць («П’яніца», «Растлумачыў!»). Як правіла, ён імкнуўся ўзняцца над канкрэтным матэрыялам рэчаіснасці, эпізодамі і фактамі жыцця свайго сучасніка, надаць ім абагульненае значэнне, завастрыць увагу чытача на істотна важных акалічнасцях сацыяльных абставін, адметных рысах характару героя, яго культуры і выхавання.

У якасці аднаго з відаў камічнага, адметных спосабаў раскрыцця жыццёвых працэсаў, унутранага свету чалавека на працягу доўгіх стагоддзяў у літаратуры развівалася і ўдасканальвалася сатыра. Прадметам іранічнага асмяяння і сатырычнага выкрыцця С. Станкевіча з’явіліся многія факты і дэталі сацыяльна-эканамічнага ўціску і несправядлівасці, нацыянальна-культурных абмежаванняў і рэгламентацый, палітычных забарон і пераследу ў Заходняй Беларусі, шматлікія абязцанні, якія давалі ды не выконвалі прадстаўнікі польскіх уладных структур, у прыватнасці, кіруючай партыі нацыянальнай дэмакратыі. Напрыклад, у вершы «Нехта – нейкі» ён удала абыграў

звычайны побытавы эпізод з гарадскіх варункаў, акцэнтаваў увагу на важнай і характарыстычнай палітычнай асаблівасці грамадскага жыцця – арыштах і зняволенні на Лукішках рэдактараў вядомых газет і часопісаў, якія публікавалі вострыя, прысвечаныя асэнсаванню набалелых праблем і супярэчнасцей заходнебеларускай рэчаіснасці матэрыялы і дакументы:

Нехта нейкі – хто там знае –
Падышоў аднойч да Грышкі,
Й шапку зняўшы ўраз пытае:
– «Як мне трапіць на Лукішкі?» [4, с. 33].

Грышка як чалавек шчыры і сумленны не замарудзіў адазвацца, «Разказаці стаў старацца, // Каб той болей ня пытаўся»:

– «Кабы – кажа – вам ня зьбіцца
І знайсці «Лукішкі» гэты, –
Трэ’ рэдактарам зрабіцца
Беларускае газэты!»
На канчатак так гавора:
– «Нат тагды не аглянься,
Як бяз клопату і сора
На «Лукішках» апынешся!» [4, с. 33].

Верш, як бачым, сюжэтна-апавядальны, роздумны па сваім характары, поўны тонкай іроніі і глыбокага народнага досціпу.

Шмат у чым тыповым для С. Станкевіча і паказальным у кантэксце нашых разважанняў з’яўляецца верш «Жабракі неспакойны», які таксама мае выразны сатырычна-гумарыстычны характар. Імкнучыся падкрэсліць складаныя сацыяльна-эканамічныя ўмовы жыцця ў краі, невыносна цяжкія падаткі, якімі было абкладзена насельніцтва, аўтар карыстаўся прыёмам перабольшання, завастрэння сітуацыі, давядзення яе да абсурду: «Ці то праўда ёсьць, ці не, // Ня буду я спорыць, // Аднак чуць прышлося мне // Як людзі гавораць»,

Што пан Грабскі ўсё-такі
Завядзе парадкі,
Каб, нарэшце, й жабракі
Плацілі падаткі [4, с. 43].

Тэрмінова сабраўшыся на сход і абмеркаваўшы няпростую сітуацыю, абураныя жабракі пастанавілі не прызнаваць такія парадкі ўлады:

Лепш не станем жабраваць –
Будзем неяк жыці, –
А падаткі – трэ сказаць –
Ня будзем плаціці! [4, с. 44].

Даволі шырокая для свайго часу пастаноўка няпростых сацыяльных і нацыянальных пытанняў уласціва другому зборніку С. Станкевіча «З майго аконца» (1928 г.), які засведчыў відавочны ідэйна-мастацкі рост паэта. Ён поўніўся традыцыйнымі для беларускай літаратуры тэмамі, матывамі і вобразамі, шырока распаўсюджанымі як у творчасці Я. Коласа і Я. Купалы пачатку стагоддзя, так і многіх заходнебеларускіх аўтараў 1920-х гг. У ім паэт маляваў карціны людскай нядолі, бязрадаснага існавання мужыка-беларуса, яго шматлікіх сацыяльна-бытавых няўладжанасцей і прыніжэння, «здыкаў і прымусаў», крытыкаваў існуючыя грамадскія парадкі, якія скоўвалі духоўную энергію народа, не давалі надзеі сацыяльным нізам на паляпшэнне іх умоў жыцця, пашырэнне правоў і свабод. Ён хацеў «бачыць сонейка над хатай, Што будзе грэць мой родны кут» («Надзея»), ставіў на мэце абудзіць народную грамаду ад сну і змрочнай маркоты, натхніць яе на актыўныя дзеянні па здабыцці сваёй волі, долі і шчасця, клікаў да аб’яднання, кансалідацыі сіл («Трэба сілу нам і згоду // Усяму сьвету паказаць...»):

Гэй! за волю ўсе змагацца,
Страсянец вечны сон!
Годзі ў цемры так снавацца
І цярпець адно – прыгон! [5, с. 11].

У вершах С. Станкевіча са зборніка «3 майго аконца» і тых, што не ўвайшлі ў яго, сустракаем традыцыйныя для нашай літаратуры звароты аўтара да долі, якой «усё не відаць» («Можа ты дзе ў няволі // І ня вырвацца табе...»), каб яна адазвалася, прынесла лепшы, памысны лёс («Эй! Ты доля...»), да чарговага Новага года, ад якога чакаюць добрых змен і зрухаў у жыцці, з якім «Няхай-жа загляне час лепшы...»: «Ці жудкія зьдзекі нясе // Твой прыход, // Ці воляй нарэшце пацешыш Народ!» («3 Новым годам»). Ён апеляваў да волі, што недзе «так марудзіць» і невядома, «да нас калі прыблудзіць...» («Родная вёска»), гарача сцвярджаў: «Годзі ўжо цяпець нам ціха // І пакорна сьпіну гнуць!.. // Мы ня хочам, нам даволі // Гнуцца, плакаць, бядаваць!» («Годзі»), заклікаў актывізавацца, здабыць волю сваімі рукамі, працаваць, каб «растацца з бядою» і «долю... здабыць»: «Да працы усе грамадою // Мы пойдзем, браточкі, хутчэй, // Бо трэба растацца з бядою...» («Да працы»). Як і ў многіх яго папярэднікаў і сучаснікаў, покліч «Да працы» гучаў у паэта ў адным зместава-асацыятыўным полі з поклічам прыступіць «адважна да дзела», каб «Беларусь будаваць», парупіцца ўсім, «Хто долі жадае Народу», «За Маць-Беларусь, за свабоду...» [5, с. 9].

У вершы-звароце «Не пакінем...» С. Станкевіч заклікаў шматлікіх беларускіх патрыётаў, сваіх аднадумцаў і паплечнікаў па грамадска-культурнай дзейнасці, і надалей не пакідаць «зямелькі і Краю, // Дзе калісь нашы продкі жылі, // Тых палёў, сенажацяў і гаю, // Дзе крывавы свой пот пралілі...» [5, с. 7]. Руплівую і ахвярную працу на абсягах роднай нівы, ворыва і засеў яе жыццядайным зернем, каб яна «Каласамі буйнымі шумела // І збор добры давала для нас», ён непасрэдна звязваў з каваннем народнай долі і развіццём беларускай культуры:

Каб забыці пра гора й нядолю,
На апеку ня станем чакаць!
Будзем самі каваць сабе долю
І культуру сваю пашыраць! [5, с. 7].

Сацыяльнае і нацыянальнае, матэрыяльнае і духоўнае, хлеб і асвета, культура ўспрымаліся паэтам як адзінае цэлае, у святле вялікай грамадзянска-патрыятычнай праблемы, вырашэнне якой адыгрывала для беларускага народа лёсавызначальную ролю.

С. Станкевіч не сумняваўся ў праўдзівасці і правільнасці сваіх духоўна-маральных крытэрыяў, арыенціраў і ідэйных пазіцый, у цэлым абранага шляху; увесь яго зборнік пранізвае матыў веры ў будучыню роднага краю, незалежнае развіццё Беларусі і яе народа. У вершы «Аб прошлым» ён закранаў асаблівасці гістарычнага лёсу беларусаў, выяўляў некаторыя быццёва-філасофскія аспекты нацыянальнага мінулага. А ў вершы «Да Беларусі» выказваў цвёрдую ўпэўненасць у тым, што «Згінуць зьдзекі і прымусы», «Нам засьвеце міла сонца, // Закрасуе наша ніва», паэтызаваў красу і сілу жыватворнай роднай мовы як духоўна-маральнага грунту жыццядзейнасці і самасцвярджэння народа, яго паступальнага руху наперад, як дамінанты нацыянальнай свядомасці і культуры:

Беларусь, жыла й жыць будзеш! –
То дарма, што вораг страша,
Бо дасюль, дзе не заблудзіш,
Жыве ўсюды мова наша!

А пакуль жыве ў нас мова,
Не загіне край наш родны... [5, с. 6].

За сваю паслядоўную грамадзянска-патрыятычную пазіцыю, актыўную дзейнасць па развіцці беларускай нацыянальнай свядомасці і прапагандзе беларускага мастацкага слова, адстойванні правоў беларускай нацыянальнай меншасці ў Польшчы С. Станкевіч, як і Я. Быліна, зведаў пераслед і ганенні з боку ўладных структур II Рэчы Паспалітай.

Варта заўважыць, што большасць твораў Я. Быліны і С. Станкевіча былі прасякнуты рытарычнасцю і дэкларацыйнасцю, пераказам наяўных і магчымых падзей і фактаў рэчаіснасці, дыдактычнымі парадамі і заклікамі агульнагуманістычнага характару, канстатацыйнай эмацыянальна-пачуццёвага стану лірычнага героя, але, што істотна важна, былі сагрэты светлымі думкамі і шчырымі перажываннямі, высакароднымі памкненнямі аўтара, заключалі ў сабе ёмісты пазітыўны змест, неслі значны зарад жыццесцвярджальнай энергетыкі.

Што датычыць Улад-Ініцкага, дык ён быў крыху маладзейшы за Я. Быліну і С. Станкевіча, але не намнога.

Улад-Ініцкі (сапр. – Уладзіслаў Міхайлавіч Паўлюкоўскі; падпісваўся таксама псеўданімамі У.-Ініцкі, Улад. Ініцкі, Уладз. Ініцкі, Улад.-Ініцкі, У. І. Ніцкі, Унучак, Унучкаў Зямляк, крыптанімамі У. Паў-скі, Ул. Паў-скі, У. І., У.-І. і інш.) нарадзіўся 13 мая 1895 г. у вёсцы Ініца Навагрудскага павета Мінскай губерні (цяпер Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці) у шматдзетнай сялянскай сям’і. Паэт, празаік, публіцыст, мастак, краязнаўца, этнограф. З ранніх гадоў выявіў няўрымслівы, настойлівы, мэтанакіраваны характар і прагу да ведаў. Скончыў пачатковую школу ў Стоўбцах, гарадскую школу ў Навагрудку, вучыўся ў Харкаўскім мастацкім вучылішчы.

Пошукавая, дапытлівая натура будучага пісьменніка і мастака, якая ўвесь час шукала шляхоў і магчымасцей для сваёй рэалізацыі і самасцвярджэння, у сярэдзіне 1920-х гг. прывяла яго ў Вільню. Уступіўшы ў шэрагі Беларускай сялянска-работніцкай грамады, Улад-Ініцкі бярэ актыўны ўдзел у грамадска-культурных мерапрыемствах гэтай масавай народнай арганізацыі, супрацоўнічае ў яе перыёдыках.

У Вільні напоўніцу раскрыліся арганізатарскія і творчыя здольнасці Улад-Ініцкага: ён наладжвае шматлікія цікавыя і пазнавальныя культурна-асветніцкія імпрэзы, лекцыі па культуралогіі і этнаграфіі беларусаў, выступае як фалькларыст, тэарэтык і практык жывапісу і графікі. Як мастак-графік і фотамайстра спрычыняецца да выдання знакамітых віленскіх календароў-гадавікоў, падручнікаў, фотаальбомаў, буклетаў, розных папулярных дапаможнікаў па мастацтве, разьбе па дрэве. Дарэчы, ён па-майстэрску вырабляе невялікія абразы, якія карыстаюцца шырокім попытам у грамадскім асяроддзі.

Першыя публікацыі Улад-Ініцкага адносяцца да 1926 г. У другой палове 1920-х гг. яго артыкулы, вершы, замалёўкі, апавяданні друкуюцца ў газетах і часопісах «Народная справа», «Наша праўда», «Слова працы», «Сялянская ніва», «Сцяг працы», «Маланка», «Грамадзянін» і іншых. У 1928 г. пабачыла свет кніга паэзіі Улад-Ініцкага «Сон Гаўрылы і розныя вершы», у 1929 г. – зборнік паэзіі «Клім бабаю і іншыя жарты» і кніга прозы «Апавяданні».

У вершаваных творах Улад-Ініцкага выявіліся асаблівасці народнага светабачання і ўспрымання, раскрыліся тэмы, матывы і вобразы сацыяльна-этнаграфічнага нападнення. Чытаючы іх, пераконваешся ў тым, што паэт быў цесна звязаны з жыццём роднага краю, праблемамі і бедамі сялянскай масы, добра адчуваў і ўсведамляў духоўна-маральную энергетыку працоўнага асяроддзя, яго спаконвечную філасофію жыццядзейнасці на зямлі і мыслення, пераймаў яе і натхняўся ёю. Лірычны герой верша «Мне сумна...» са зборніка «Сон Гаўрылы і розныя вершы» бачыў «вольны блакітны прастор, // Скуль сонца зямлі усміхаецца, // Дзе радасьцю сьвецяцца тысячы зор, // Дзе месяц у хмарках купаецца», чуў, як у «шмарагдах цяністых лясоў» «птушкі шчабечуць гульлівыя», нават «Як мошкі зьвіняць над каберцам з лугоў, // Вясэлыя мошкі, шчасьлівыя», але не атрымліваў задавальнення, не перажываў пачуцця радасці. Наадварот, яму было «сумна й маркотна», у яго балела душа, бо родны край «спавіты туманамі, // Бо цяжкае гора на людзях ляжыць, // З крываваю працай спазнанымі» [6, с. 20].

Творчая індывідуальнасць Улад-Ініцкага таксама развівалася ў рэчышчы лірыка-апавядальнай стылявой плыні заходнебеларускай паэзіі. Услед за сваімі папярэднікамі паэт ставіў пытанні грамадска-прававога ўрэгулявання, сацыяльнай і нацыянальнай няроўнасці, выхавання і развіцця этнасвядомасці працоўных мас, культуры і асветы сялянства. У вершы «Доля» ён наракае на складанасці, бядоту і беспрасветнасць жыцця, жаліцца на цяжкую долю, якая «дужа рана з ім запанавала і шчыра ў яго закахалася», называе яе сумнаю, сірочаю, бязвольнаю, жабрацкаю. Аднак скаргі і нараканні лірычнага героя паступова змяняюцца палемікай і спрэчкай з доляю («Ходзіш, як цень, ты за мной неадлучная, // Доля бяслаўная, доля бязгучная...»), пераходзяць у яе адкрытае непрыняцце і выразны пратэст:

Эх, ты, праклятая доля, паганая,
Кінь ты, адстань ад мяне, пагарджаная,
Дай мне зірнуці на радасьць раздольную,
Дай мне пачуці, эх... волейку вольную! [6, с. 19].

У форме запытанняў і характэрнай рэакцыі на іх, своеасаблівых адказаў пабудаваны верш, які так і называецца – «Пытанні і адказы». Лірычны герой шукае шчасця, радасці і волі ў жыцці, па даўняй народнай традыцыі апелюе да прыродных з’яў, звяртаецца да зоркі, сонца, ветру. Яны, як вядома, уваасабляюць глыбіню і неабсяжнасць касмічнай прасторы, непераўздыдзенасць жыццесцвярджальнага пачатку, гуманістычнай ідэі, іх веліч і дабратворнасць, сімвалізуюць рух, абнаўленне, пазітыўныя змены ў лёсе чалавека і навакольнай рэчаіснасці, нясуць веру ва ўдачу, поспех і шчасце. На жаль, яго пошукі не даюць належнага выніку.

Тым не менш адзнак трагічнай абумоўленасці, фатальнасці зместу матыў народнай няволі і нядолі ў вершах паэта не набываў. Чытаючы іх, разумееш: аўтар верыў у прыход светлых дзён, пазітыўных грамадскіх змен і зрухаў, што «ня згіне думка тая», якая жыве ў народзе і «Няўпынна выяўляе // Долю лепшую ў свабодзе»:

Ні вастрожнымі мурамі
Не агорнеш думку тую,
Ні кандалаў ланцугамі
Ня скуеш яе, сьвятую.
Не патухне іскра тая,
Што у сэрцах людю тлее,
Шчасьце ў далі асьвятляе
І жыццё надзеяй грэе [6, с. 21].

У шэрагу твораў Улад-Ініцкага вера і сацыяльны аптымізм раскрываліся праз выразныя сімвалічныя і алегарычныя вобразы і асацыяцыі, якія некалі з’яўляліся носьбітамі пісьма паэтаў-нашаніўцаў. Верш «Не сумуйце», напрыклад, пэўнымі зместавымі асаблівасцямі, вобразна-метафарычным малюнкам і мастацкай стылістыкай перагукваецца з вядомым коласаўскім «Не бядуі», цалкам вытрыманым у характэрным сімволіка-алегарычным плане («Не бядуі, што звіслі хмары, // Што нам сонца не відаць...»):

Ня сумуйце, што па небу
Хмары чорныя гуляюць
І дажджом палі пустыя
Бязупынна паліваюць.
Ня сумуйце, што халодны
Вецер сьвішча, завывае
І лісточкі залацісты
З дрэў бяз літасці зрывае.

Ня сумуйце, бо ня вечна
Будзе восень, непагоды...
Час надыйдзе і вясною
Прывітае ўсе народы! [6, с. 22].

Вядома, зусім не выпадковымі былі ў творчасці паэта астрожныя матывы, вобразы кайданоў, ланцугоў, цёмных сырых сцен, кратаў і г. д. Актыўная грамадзянска-патрыятычная дзейнасць Улад-Ініцкага адсочвалася польскімі спецыяльнымі органамі, яго неаднойчы затрымлівалі, арыштоўвалі і катавалі ў пастарунку. У 1926 г. за супрацьпраўную дзейнасць у адносінах да польскай дзяржавы паэт быў асуджаны віленскім судом і амаль на год кінуты ў знакамітую турму Лукішкі.

Астрожныя вершы Улад-Ініцкага вызначаліся тым, што ў іх даволі натуральна суіснавалі, сувымяраючыся між сабою, пераважна прадметна-рэчыўны лад адчуванняў аўтара, яго ўцягнутасць у цяжкую канкрэтыку паўсядзённасці і індывідуальна-пачуццёвы свет прыватнай асобы, яе суб’ектыўна афарбаваныя назіранні і роздум. Як правіла, эмацыянальны пачатак, душэўна-лірычны струмень наслойваліся ў іх на эпічна-падзейны стрыжань, вонкава-апісальныя малюнкi і накіды. Цалкам у адзначаным аспекце вытрыманы вершы «У астросе», «Адзіночка (на Лукішках)» і інш. Вялікае, агульнае, грамадска-сацыяльнае спалучаецца ў іх з малым, але дужа ўстойлівым і моцным прыватным, індывідуальным, асобасным, канкрэтна-гістарычнае пераплятаецца

з агульнапаняццыйным, умоўна-асацыятыўным, абстрактным, прадметна-рэчыўнае – з душэўна-пачуццёвым, псіхалагічным і г. д.

Варта заўважыць, што ў сярэдзіне 1939 г. за сваю беларускую нацыянальна-патрыятычную дзейнасць Улад-Ініцкі паўторна быў асуджаны польскім судом. На гэты раз яго зняволілі ў сумна вядомы Бяроза-Картузскі канцэнтрацыйны лагер.

Кожны ці амаль кожны наступны верш Улад-Ініцкага дадаваў колькі новых штрыхоў у плане мастацкага самавыяўлення аўтара, раскрыцця свету яго думак і пачуццяў, адносін да праблем і супярэчнасцей грамадска-сацыяльнага жыцця ў Заходняй Беларусі. Але, што характэрна, у адрозненне ад твораў многіх іншых паэтаў, напрыклад, М. Танка, В. Таўлая, М. Васілька, М. Засіма, у яго зборніках мы фактычна не сустрэнем заклікаў да актыўных дзеянняў, ісці ў масы, абуджаць іх да супрацьстаяння прыгнёту і несправядлівасці, крыўдзе і няшчасцю. Улад-Ініцкі, натуральна, падтрымліваў ідэі сацыяльнай актыўнасці, непакоры і змагання, салідарызаваўся з народным рухам за волю і шчасце, чалавечую годнасць, аднак яго абвінаваўчыя інвектывы, пратэст і непрыняцце бяспраўя і прыніжанасці мужыка-беларуса не гучалі ў адкрытай, публіцыстычнай форме, а былі прытоены ў самім праблемна-тэматычным змесце, вобразнай тканіне вершаў. Гэта былі не прамоўніцкія, не агітацыйныя творы. Наадварот, яны вызначаліся стрыманасцю меркаванняў і ацэнак аўтара, яго памяркоўнай разважлівасцю, засяроджаным роздумам, даволі часта тонкай іроніяй і падтэкстам («Па смерці», «Крыгалом» і інш.).

Жартоўныя паэтычныя творы Улад-Ініцкага былі прысвечаны апісанню цікавых і займальных выпадкаў з жыцця вясковага асяроддзя, высмейванню пэўных рыс характару і паводзін селяніна. Ім уласцівы адценні мяккага, стрыманага, добразычлівага гумару аўтара, трапныя, дасціпныя назіранні і замалёўкі («Клім бабаю», «На рынку» і інш.).

Як бачым, у той час, калі ў паэзіі Савецкай Беларусі адбываўся працэс разбурэння нашаніўскай нормы, заходнебеларуская была звернута да яе актыўнага сцвярджэння і развіцця. Творчасць прыхільнікаў гэтай стылявой арыентацыі грунтавалася на факце, падзеі, здарэнні, непасрэднасці, а часта і наіўнасці адчуванняў і ўяўленняў і вызначалася рэалістычным адлюстраваннем рэчаіснасці.

Высновы. Ідэйна-мастацкія пошукі Янкі Быліны, Станіслава Станкевіча і Улад-Ініцкага – прыкметная старонка літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі. Яны звярталіся да актуальных праблем і супярэчнасцей заходнебеларускай рэчаіснасці, раскрывалі характэрныя асаблівасці духоўна-сацыяльнай свядомасці беларускага народа на адным з самых складаных этапаў яго гістарычнай жыццядзейнасці па шляху да дзяржаўнай незалежнасці і суверэнітэту. У творах паэтаў пераважалі структуры павольнага аповеду, нязмушанага расказу, яснасці і прастаты зместу, абмалёўкі характэрных дэталей і падрабязнасцей жыцця чалавека, выяўлення зрокаванаглядных карцін і малюнкаў. Ім былі ўласцівы асаблівасці традыцыйнай паэтыкі, сістэмы сродкаў мастацкай выразнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Быліна, Я. На покуці : байкі і розныя вершы / Я. Быліна. – Вільня : Выд-ва Беларус. ін-ту гасп-кі і культуры, 1934. – 72 с.
2. Bylina, J. Na pryżbie : [вершы] / J. Bylina. – Wyd. 2-e. – Wilnia : Bielarus. wydaw. t-wa, 1924. – 57 s.
3. Беларуская энцыклапедыя. Матэрыялы і бібліяграфія (артыкулы і газетныя выразкі біяграфічнага характару) // ЦНБ НАН Беларусі, АДДЗел рэдкіх кніг і рукапісаў. – Ф. 1. Воп. 1. Адз. зах. 84.
4. Stankiewicz, St. Śmiech – nia hrech : humarystyčnyja wieršy / St. Stankiewicz. – Wilnia : Bielarus. druk. im. Franciška Skaryny, 1926. – 64 s.
5. Станкевіч, С. З майго ваконца / С. Станкевіч. – Вільня : Выд. Я. Гапановіча, 1928. – 64 с.
6. Улад-Ініцкі. Сон Гаўрылы : і розныя вершы / Улад-Ініцкі. – Вільня : Выд-ва У. Знамяроўскага, 1928. – 36 с.

References

1. Bylina Y. *In the red corner: tales and various poems*. Vilnia, Published by the Belarusian Institute of Economy and Culture, 1934. 72 p. (in Belarusian).

2. Bylina Y. *At a small mound*. 2nd ed. Vilnia, Belarusian Publishing Society, 1924. 57 p. (in Belarusian).
3. Belarusian encyclopedia. Materials and bibliography (bibliographic articles and newspaper clippings). *Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, Department of Rare Books and Manuscripts*. F. 1. Vop. 1. Item 84 (in Belarusian).
4. Stankevich S. *Laughter is not a sin: humorous poems*. Vilnia, Belaruskaya drukarnya im. F. Skaryny Publ., 1926. 64 p. (in Belarusian).
5. Stankevich S. *From my window*. Vilnius, Ya. Gapanovich Publ., 1928. 64 p. (in Belarusian).
6. Paulyukouski U. *Gaurila's dream and various poems*. Vilnia, U. Znamyaruski Publ., 1928. 36 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Микulich Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com

Information about the author

Mikalai U. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Literary Relationships. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com

ПРАВА
LAW

УДК 342.55
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-320-331>

Поступила в редакцию 22.04.2022
Received 22.04.2022

Т. М. Киселёва

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ЭЛЕКТРОННЫЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СУЩНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. Информационные технологии в настоящее время активно используются для осуществления местными органами власти своих функций, обеспечения непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, установления новых форм взаимодействия государства и населения. Весь комплекс соответствующих отношений составляет сложный институт электронного муниципалитета, который для эффективного функционирования нуждается в научной разработке. В Республике Беларусь содержание электронного муниципалитета имеет свои особенности в связи с наличием двух самостоятельных систем на местном уровне – системы местного управления и системы местного самоуправления. На данный момент в Беларуси реализуются такие элементы электронного муниципалитета, как представительство местных органов в сети Интернет, электронные обращения, электронное нормотворчество. Анализ указанных отношений свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства и практики. Не реализуются формы, связанные с непосредственным участием населения местных территорий, – электронные выборы, электронное голосование, электронные приемные государственных органов, электронные собрания и т. д. Решением ряда выявленных проблем могут стать разработка и введение в эксплуатацию Единого портала местного самоуправления. Функционирование Портала решит проблему слабой представленности местных представительных органов в онлайн-пространстве, станет основой для развития электронного нормотворчества, а со временем – электронных выборов, электронных референдумов, электронных собраний и иных форм электронной прямой демократии на местном уровне.

Ключевые слова: электронный муниципалитет, элементы электронного муниципалитета, электронные обращения, электронное нормотворчество, онлайн-приемные, электронные выборы

Для цитирования: Киселёва, Т. М. Электронный муниципалитет в Республике Беларусь: сущность, состояние и перспективы развития / Т. М. Киселёва // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 320–331. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-320-331>

Tatsiana M. Kisialiova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**ELECTRONIC MUNICIPALITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS:
ESSENCE, STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Abstract. Information technology is an important part of government at the local level. Also, information technologies make it possible for citizens to participate in the management of local life. These relations constitute an electronic municipality (E-municipality). An electronic municipality cannot be effectively used without a scientific base. In the Republic of Belarus, the electronic municipality has specifics due to the presence of two independent systems at the local level – the system of local government and local self-government. At the moment, such elements of an electronic municipality as the representation of local authorities on the Internet, electronic appeals, electronic rulemaking are working in Belarus. However, there are problems in their work. The following forms are not used: electronic elections, electronic voting, electronic reception offices of authorities, electronic meetings, etc. The development and commissioning of a Unified portal of local self-government will be able to solve these problems. The portal will solve the problem of poor representation of local authorities in the online space, will become the basis for the development of electronic rule-making, and eventually – electronic elections, electronic referendums, electronic meetings and other forms of electronic direct democracy.

Keywords: electronic municipality, elements of electronic municipality, electronic appeals, electronic rule-making, online offices, electronic elections

For citation: Kisialiova T. M. Electronic municipality in the Republic of Belarus: essence, state and development prospects. *Vestsi Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 320–331 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-320-331>

Введение. Информационные технологии в настоящее время становятся неотъемлемой частью жизни в большинстве современных государств. Новые инструменты не просто упрощают уже сложившиеся процедуры, но и позволяют создавать новые связи между государством и обществом на республиканском и местном уровне. Однако эффективное использование технологий без научного осмысления соответствующих процессов невозможно, что определяет важность научных исследований в указанной сфере.

Вопросы использования информационных технологий на уровне местной власти и развитие электронного муниципалитета на данный момент особенно популярны в Российской Федерации, где на протяжении десятилетия данные проблемы постоянно находятся под пристальным вниманием ученых – правоведов, политологов, социологов, экономистов. Рассматриваются как вопросы понимания сущности электронного муниципалитета, так и отдельные аспекты реализации на практике данной концепции (К. С. Дронова, И. Р. Аминов [1], О. Н. Ванеев [2], А. Ф. Зялалова [3] и др.). В Республике Беларусь концепция электронного муниципалитета не разработана, хотя правоведы обращают внимание на данные проблемы. Если ранее вопросы, связанные с использованием информационных технологий в деятельности местных исполнительных и представительных органов, являлись лишь частью более крупных тем (нормотворческой деятельности, избирательных отношений и т. д.), то сейчас стали появляться самостоятельные исследования, непосредственно посвященные осуществлению местного самоуправления в условиях цифровизации (Г. А. Василевич [4], Г. Г. Куневиц [5], И. В. Шахновская [6]). Однако для формирования и реализации на практике целостной концепции электронного муниципалитета необходимым является комплексный подход к изучению данных вопросов, включая исследование всех элементов электронного муниципалитета. Кроме того, следует учитывать особенности организации местной власти в Республике Беларусь – существование двух относительно независимых систем на местном уровне (местного управления и самоуправления), которые в разной степени вовлечены в процессы цифровой трансформации.

Существующие проблемы определяют необходимость проведения исследований по вопросу понимания сущности электронного муниципалитета и реализации его элементов на практике.

Цель статьи – заложение основ концепции электронного муниципалитета в Республике Беларусь и разработка рекомендаций по реализации данной концепции на практике. Достижение цели возможно с помощью определения сущности и элементов электронного муниципалитета, оценки степени реализации отдельных инструментов электронного муниципалитета в Республике Беларусь, разработки рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в указанной сфере.

Основная часть. Если обратиться к вопросу определения сущности электронного муниципалитета, то можно увидеть, что в литературе нет общепризнанного подхода. Различные авторы делают акцент на отдельных элементах электронного муниципалитета. Одни ученые, такие, как И. Р. Аминов, К. С. Дронова, рассматривают электронный муниципалитет в качестве новой формы организации деятельности органов муниципальной власти [1, с. 62], другие, например, О. Н. Ванеев, – как информационное взаимодействие органов местного самоуправления с населением и организациями с использованием информационно-коммуникационных технологий [2, с. 62]. Представляет интерес подход А. Ф. Зялаловой, которая указывает на двойственный характер электронного муниципалитета. Она подчеркивает, что, с одной стороны, электронный муниципалитет представляет собой информационную площадку, позволяющую реализовывать функции местных органов власти, а с другой – площадку для участия граждан в решении вопросов местного значения посредством информационных технологий (обращения в интернет-приемные муниципальных служащих, участия в электронных референдумах, голосованиях, реализации

собственных интересов за счет опосредованного обращения к органам местного самоуправления для получения муниципальных услуг разного характера) [3, с. 198].

Для понимания сущности электронного муниципалитета важно учитывать этот двойственный характер, поскольку реализация данной концепции в полной мере невозможна при неравномерном развитии технических возможностей местных органов власти и новых форм участия граждан в местном управлении и самоуправлении.

Реализация концепции электронного муниципалитета в Республике Беларусь имеет специфику, связанную со способом организации власти на местах. В Беларуси на местном уровне действуют две относительно самостоятельные системы – местное управление и местное самоуправление. Местные органы власти не находятся в прямом подчинении, но взаимодействуют по различным вопросам. При этом местные исполкомы и администрации включаются в систему исполнительной власти и, соответственно, в систему электронного правительства. В то же время территориальные пределы деятельности этих органов указывают на необходимость включения их также в систему электронного муниципалитета. Более того, без охвата местного управления концепция электронного муниципалитета в Республике Беларусь будет неполной, лишенной отдельных составляющих (например, системы местных электронных услуг).

Важно понимать, что целью реализации концепции электронного муниципалитета должно являться не столько упрощение существующих процедур и механизмов решения вопросов местного значения государственными органами, сколько создание открытого местного управления и самоуправления, более активного привлечения общественности к решению вопросов местной жизни.

Представляется, что электронный муниципалитет в Республике Беларусь следует понимать как совокупность отношений по внедрению и использованию информационных технологий, позволяющих эффективно и оперативно решать вопросы местного значения населением соответствующих территорий непосредственно или через местные представительные органы и органы местного управления в установленных законодательством и сложившимися на практике формах.

Электронный муниципалитет представляет собой сложную систему, объединяющую различные группы отношений, связанных с осуществлением власти на местах или участием населения в решении вопросов местного значения с применением информационных технологий. В качестве составных элементов электронного муниципалитета можно выделить отношения, связанные с использованием:

- 1) систем электронного документооборота в местных органах власти;
- 2) систем электронного нормотворчества;
- 3) систем информирования населения о деятельности местных органов власти;
- 4) систем электронных обращений в местные органы власти, деятельности интернет-приемных;
- 5) систем электронного голосования при проведении местных выборов и референдумов;
- 6) электронного инициирования проведения местных референдумов, собраний, отзыва депутата, а также выдвижения кандидатов в депутаты местных представительных органов;
- 7) электронной инициативы по принятию решений местных органов власти;
- 8) систем электронных местных собраний и онлайн-обсуждений вопросов местного значения и др.

Что касается правовых основ электронного муниципалитета в Республике Беларусь, то специального регулирования на данный момент не существует. Отдельные элементы электронного муниципалитета получили закрепление в законодательных и подзаконных актах. Центральным актом следует считать Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. Данная программа в отличие от предыдущей содержит отдельную главу, посвященную вопросам развития информационных технологий на местном уровне (при этом термин «электронный муниципалитет» в ней не используется). Однако подпрограмма «Региональное цифровое развитие» (глава 7) касается вопросов развития в государстве технологии «умных городов», что в первую очередь затрагивает вопросы местного управления, но не самоуправления. Тем самым значительная часть электронного муниципалитета остается за пределами государственной по-

литики по становлению электронного государства. В качестве результата реализации предусмотренных мероприятий заявлено построение современной, отвечающей технологическим вызовам системы управления регионами. При этом отдельные результаты (такие, как организация информационного взаимодействия, включая выстраивание обратной связи с гражданами; организация участия граждан в управлении городом) могут и должны распространяться также на систему местного самоуправления. Однако согласимся с Г. Г. Куневичем, что «в Республике Беларусь ИКТ развиваются на республиканском уровне, а местный уровень является вторичным» [5, с. 27]. Такой подход явно прослеживается при анализе правового регулирования соответствующих отношений.

Для понимания состояния и определения перспектив развития электронного муниципалитета следует остановиться подробнее на осуществлении отдельных отношений, входящих в его содержание.

Важной составляющей электронного муниципалитета является система информирования населения о деятельности местных органов власти. В настоящее время распространенной формой такого информирования является функционирование сайтов государственных органов в сети Интернет. Согласно пп. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» от 1 февраля 2010 г. № 60 государственные органы и организации обязаны размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет на официальных сайтах этих органов и организаций либо на соответствующих страницах официальных сайтов вышестоящих государственных органов и организаций. Однако местные Советы депутатов собственных сайтов не имеют, хотя и являются государственными органами. Вся информация, касающаяся их функционирования, размещается на отдельных страницах сайтов соответствующих или вышестоящих исполнительных комитетов – органов местного управления. При этом за наполнение данных страниц отвечают также органы местного управления.

Такая ситуация приводит к ряду отрицательных последствий. В первую очередь это касается узкого круга материала, размещаемого на таких страницах. Как правило, информация о местном Совете ограничивается его составом, полномочиями и контактными данными, что не способствует открытости данных органов. Помимо этого, сложившаяся практика может негативно отразиться на уровне правовой и политической культуры граждан, которые могут сделать ошибочный вывод о соподчиненности и несамостоятельности местных Советов депутатов.

При этом следует признать, что на существующем уровне развития информационных технологий простого размещения информации на официальных сайтах уже недостаточно. Государственным органам надо использовать новые средства для коммуникации, позволяющие вести с населением диалог по тем или иным вопросам, получать своевременную обратную связь на принятые решения. Согласимся с мнением И. В. Шахновской, что «для обеспечения максимальной реализации принципа транспарентности органов власти необходимо задействовать и сторонние ресурсы, имеющие максимальную пользовательскую аудиторию (социальные сети, мессенджеры)» [6, с. 56]. Полагаем, что использование таких ресурсов продемонстрирует открытость органов местной власти, их готовность к диалогу и развитию.

Одной из форм подобного взаимодействия является система электронных обращений, которая функционирует в Республике Беларусь в качестве обязательной для государственных органов с 2011 г. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» направление электронных обращений может осуществляться одним из двух способов – через специальную рубрику, размещенную на официальном сайте государственного органа, и через электронную почту. Анализ сайтов государственных органов показывает, что в подавляющем большинстве случаев используется специальная рубрика. Этой же практики придерживаются местные исполнительные органы, но не местные Советы депутатов. Как уже отмечалось, местные Советы депутатов не имеют собственных сайтов, поэтому фактически создание и размещение рубрики зависят от желания местных исполнительных органов. На данный момент существует несколько способов организации приема электронных обра-

щений в местные Советы депутатов: использование специальной формы для местного Совета, использование формы исполкома с указанием в качестве адресата местного Совета депутатов, направление обращения на адрес электронной почты. Интересно, что форма обращения в Минский городской Совет депутатов не содержит такой обязательный реквизит обращения, как адрес заявителя, что на практике может привести к оставлению обращения без рассмотрения, поскольку оно не соответствует установленной форме, в то время как аналогичная форма Минского городского исполнительного комитета содержит все необходимые реквизиты. В ряде случаев (что характерно для органов первичного уровня) информация о порядке направления электронных обращений в принципе отсутствует. Сложившаяся ситуация не соответствует тем задачам, которые ставит перед собой Республика Беларусь в сфере развития информационного общества и электронного государства.

Важной составляющей электронного муниципалитета являются системы электронного нормотворчества, предусматривающие использование информационных технологий на различных стадиях нормотворческого процесса местных органов власти. В Республике Беларусь действует АИС НРПА – информационная система, обеспечивающая автоматизацию электронного информационного взаимодействия государственных органов (организаций) в рамках определенных этапов нормотворческого процесса. Согласно положениям Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) в полном объеме должна осуществляться посредством использования автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (АИС «Нормотворчество»).

Информационные технологии используются также при публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов и официальном опубликовании актов местных органов власти. Согласно ст. 7 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», по решению Президента, иных субъектов законодательной инициативы, нормотворческого органа (должностного лица) либо государственного органа (организации), осуществляющих подготовку проекта нормативного правового акта, проект может быть вынесен на публичное обсуждение в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси», а также путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации либо иными способами, не противоречащими законодательству. Прямого указания на необходимость публичного обсуждения каких-либо проектов актов местных органов власти в законе не содержится. В Законе Республики Беларусь от 4 января 2021 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» закреплены нормы, определяющие возможность организации публичного обсуждения проектов решений местных Советов депутатов без указания конкретных способов (пп. 3.8 ст. 15). При этом аналогичных норм относительно проектов решений местных исполкомов и администраций нет. В Уставе города Минска, утвержденном решением Минского городского совета депутатов от 26 июня 2001 г. № 193, также определено, что решения Совета по наиболее важным вопросам могут приниматься после предварительного обсуждения их жителями города в порядке, предусмотренном законодательством. Проекты могут выноситься на публичное обсуждение по решению Минского городского Совета депутатов, а организация такого обсуждения возлагается на Президиум Совета.

На практике обсуждение проектов решений местных органов власти организуется не часто. На Правовой форум Беларуси (forumpravo.by) проекты решений местных органов на обсуждение не выносились. Фактически на местном уровне на публичное обсуждение выносятся планы градостроительной деятельности и отчеты воздействия на окружающую среду, т. е. те вопросы, обсуждение которых обязательно в соответствии с законодательством.

Требуется совершенствование процедуры официального опубликования решений местных исполнительных и представительных органов. В Республике Беларусь официальное опубликование актов в сети Интернет осуществляется на Национальном правовом Интернет-портале (pravo.by). Согласно Закону «О нормативных правовых актах», на портале подлежат официальному опубликованию все нормативные правовые акты, за исключением решений местных Советов депута-

тов первичного территориального уровня, исполнительных комитетов первичного территориального уровня и местных администраций, которые могут быть опубликованы в официальных периодических печатных изданиях и (или) на интернет-сайтах вышестоящих государственных органов. На практике для официального опубликования решений местных органов первичного уровня официальные сайты местных органов власти ни базового, ни областного территориального уровня на настоящий момент не используются.

Еще одним проблемным вопросом является срок официального опубликования актов местных органов власти. Анализ практики официального опубликования показывает, что между принятием акта и его опубликованием может пройти больше месяца. К примеру, Решение Поставского районного Совета депутатов от 29 декабря 2021 г. № 169 «Об изменении решения Поставского районного Совета депутатов от 29 декабря 2020 г. № 110» внесено в Национальный реестр правовых актов 8 февраля 2022 г., опубликовано – 22 февраля 2022 г. Сложившаяся практика не способствует эффективному исполнению решений местных органов. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости установления четких сроков для опубликования нормативных правовых актов органов различного уровня.

Электронные государственные услуги также являются одним из элементов электронного муниципалитета. В Республике Беларусь отдельные услуги, традиционно предоставляемые на местах, можно получить через сеть Интернет с помощью Единого портала электронных услуг. Однако в большинстве случаев получение таких услуг требует не только регистрации на портале, но и наличия электронной цифровой подписи или уникального идентификатора (специального логина и пароля).

Например, для того чтобы получить сведения о размере получаемой пенсии в отношении себя, гражданину необходимо предварительно приобрести средство электронной цифровой подписи в Республиканском удостоверяющем центре или уникальный идентификатор, а также пройти аутентификацию на портале. Если пенсионер один раз обращается за такой информацией, то объективно ему проще непосредственно обратиться в уполномоченный орган за соответствующими сведениями. Безусловно, развитие практики использования ID-карт решит данную проблему, так как гражданам не потребуется дополнительно получать электронную цифровую подпись, однако для распространения карт требуется время.

Кроме того, отдельные услуги можно получить через иные механизмы. Так, записаться на прием к врачу возможно на специальном сайте (<https://talon.by>). На сайте Минского городского исполнительного комитета (<https://minsk.gov.by>) можно записаться на подачу заявления о вступлении в брак в торжественной обстановке в любом отделе ЗАГС г. Минска и во Дворце гражданских обрядов.

Электронные услуги в Беларуси не концентрируются на одном портале, что усложняет процедуру их поиска и использования.

В Республике Беларусь остаются не реализованными такие элементы электронного муниципалитета, как электронные выборы, электронный референдум, электронные собрания, интернет-приемные должностных лиц местных органов власти и др. Таким образом, граждане практически исключены из отношений, составляющих содержание электронного муниципалитета. На данный момент у населения имеется возможность направлять электронные обращения, получать информацию о деятельности местных органов власти в том объеме, который определил необходимым сам орган, а также участвовать в публичном обсуждении проектов решений местных органов власти (при условии, что эта процедура реализуется). Безусловно, без обеспечения условий для активного участия общественности в решении вопросов местного значения говорить о реализации концепции электронного муниципалитета не представляется возможным. При игнорировании данных отношений электронный муниципалитет сужается до технического обеспечения деятельности местных органов власти. В таком понимании целью построения электронного муниципалитета будет выступать совершенствование государственного механизма, а не обеспечение открытости местных органов власти, т. е. государство развивается для государства, а не для граждан, что недопустимо в условиях демократического режима.

Представляется, что в ближайшее время основным направлением развития электронного муниципалитета в Республике Беларусь должна стать активизация участия общественности и местных представительных органов в решении вопросов местного значения за счет развития информационных технологий. В качестве комплексного решения существующих пробелов могут стать разработка и введение в эксплуатацию Единого портала местного самоуправления (далее – Единый портал, Портал).

Единый портал местного самоуправления сможет решить ряд проблем – обеспечить полноценное представительство местных Советов депутатов в сети Интернет, установить новые формы взаимодействия депутатов и избирателей соответствующих округов, предоставить возможность гражданам непосредственно в удаленной форме участвовать в осуществлении местного самоуправления, в целом повысить интерес граждан к местному самоуправлению, особенно среди молодого населения. В ряде случаев обосновано использование возможностей Единого портала для обеспечения связи между населением и местными исполнительными органами.

Необходимость создания новой платформы обуславливается рядом факторов. Важно понимать, что совершенствование страниц местных представительных органов на сайтах местных исполкомов не сможет в полной мере решить выявленные проблемы, поскольку ведение этих страниц все также будет находиться под ответственностью органов местного управления. Кроме того, размещение инструментов электронного муниципалитета на различных ресурсах усложнит их эксплуатацию (так как потребуются дополнительные средства), а также их поиск и использование заинтересованными лицами. Создание единой площадки полностью соответствует обозначенному в Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. подходу, в соответствии с которым в качестве преимущественного направления развития государственного управления в современных условиях определено создание единого информационного пространства.

Единый портал местного самоуправления может стать платформой для представительства местных Советов депутатов различного уровня в сети Интернет путем размещения широко круга информации, касающейся деятельности данных органов, а также результатов работы в округе депутатов. Например, Портал может использоваться для размещения депутатами отчетов о своей деятельности в округе, результатов выполнения поручений избирателей и т. д. Полагаем, что на Портале также полезным было бы размещение «программ победивших кандидатов, с которыми они шли на выборы», как предлагает Г. А. Василевич [4, с. 24].

Полезной формой опосредованного участия граждан в решении вопросов местного значения может стать организация онлайн-трансляций заседаний местных органов власти через Единый портал. Вполне допустимо, чтобы на первых этапах обеспечивалась трансляция только тех заседаний, на которых решаются важнейшие вопросы. В Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» можно предусмотреть, что трансляции заседаний местных Советов депутатов в обязательном порядке будут осуществляться только при обсуждении наиболее важных вопросов (например, при реализации исключительной компетенции местных Советов депутатов), а в остальных случаях – по решению самого Совета или требованию не менее 1/3 избирателей соответствующей административно-территориальной единицы. С течением времени и развитием цифровизации трансляции заседаний должны стать обыденностью.

Важно, чтобы трансляции не ограничивались выполнением исключительно информационной функции, но также избирателям обеспечивалась возможность коммуницировать со своим депутатом – задавать ему вопросы по повестке дня, уточнять его позицию по тому или иному вопросу, предлагать выступить с новыми вопросами и замечаниями и т. д. Решить вопрос с идентификацией личностей избирателей возможно при использовании ID-карт или электронных цифровых подписей. Однако доступ к трансляции без возможности коммуникации должен быть открыт для всех заинтересованных лиц, а не только для избирателей.

Создание Единого портала местного самоуправления позволит решить проблему направления электронных обращений в местные представительные органы, а также создаст основу для внедрения системы интернет-приемных местных органов власти. Интернет-приемные призваны не только

принимать текстовые обращения, но и предоставлять возможность личного общения с депутатами или должностными лицами местных исполнительных органов в онлайн-формате. Такое общение имеет ряд преимуществ по сравнению с электронными обращениями – граждане имеют возможность в ходе беседы уточнить свой вопрос или предложение, объяснить свою позицию, разъяснить неясности и т. д.

Кроме того, Единый портал местного самоуправления позволит усовершенствовать отдельные стадии нормотворческой деятельности местных органов власти, в том числе предполагаемое участие граждан. К примеру, Единый портал может стать платформой для официального опубликования решений местных Советов депутатов всех уровней. Кроме того, следует предоставить гражданам возможность через Портал направлять предложения по вопросам разработки и принятия решений местных Советов депутатов, уточнив процедуру такого направления, а также участвовать в публичном обсуждении проектов решений, давать оценку реализации принятых решений. Использование инструментов электронного муниципалитета в данных отношениях поможет «оживить» соответствующие положения законодательства, установить новые связи между местными органами власти и общественностью, повысить качество нормотворческой деятельности на местном уровне.

Важной считаем организацию обсуждения проектов местных бюджетов, что уже осуществляется в зарубежных странах. Например, в Эстонии с 2013 г. процедура принятия и утверждения бюджета стала открыта для граждан сначала только в городе Тарту, а затем и в иных муниципалитетах. Для организации обсуждения местных бюджетов используется информационная система для местных органов власти VOLIS (volis.ee), которая позволяет проводить сессии и заседания в режиме онлайн, а также вовлекать население соответствующих территорий в решение вопросов местного значения. Полагаем, что данная практика представляет интерес для Республики Беларусь, поскольку на данный момент представители общественности исключены из процедуры разработки и утверждения местных бюджетов. Привлечение граждан к обсуждению указанных вопросов гарантировало бы реальный учет интересов населения, что приведет к повышению доверия к местной власти со стороны общественности, установлению партнерских отношений. Использование Единого портала позволит упростить и удешевить процедуру получения и обработки мнения общественности.

Развитие информационных технологий предоставляет большие возможности для совершенствования избирательного процесса и процедуры проведения референдума. Не случайно все большую популярность в мире получают институты электронных выборов и электронного референдума. При этом не следует сужать сущность данных институтов, понимая их только как использование информационных технологий на стадии голосования и подсчета голосов. Развитие цифровизации дает возможность внедрять новые инструменты на всех стадиях выборов и референдума. Элементами электронных выборов и электронного референдума могут быть автоматическое определение избирательных округов, автоматическое формирование списков избирателей/участников референдума, электронный сбор подписей за выдвижение кандидатов или инициативу проведения референдума, проведение агитации в сети Интернет, а также электронное голосование и автоматический подсчет голосов.

Внедрение системы идентификации личности в сети Интернет с помощью ID-карт позволяет прогнозировать возможность введения в действие системы электронного голосования по выборам, референдуму, отзыву депутатов. На местном уровне данная процедура также может быть реализована на Едином портале местного самоуправления. При условии организации электронной идентификации Портал также может использоваться как платформа для сбора голосов по выдвижению кандидатов, инициированию местного референдума, отзыва депутата, а также для организации удаленных встреч кандидатов с избирателями, проведения агитации по выборам или референдуму и т. п.

Безусловно, внедрение в практику инструментов электронных выборов и электронного референдума предполагает принятие комплекса мер правового, организационного и технического характера. Существует необходимость в легализации использования информационных технологий

на различных стадиях, закреплении правил их использования. Для этого первоначально важно разработать те технические средства, которые будут использоваться. Учитывая важность избирательных отношений и отношений по проведению референдума, необходимо проводить мероприятия по разъяснению порядка использования соответствующих технологий, существующих средств защиты от несанкционированного доступа к ним, а также обеспечить доступ к информационным технологиям тем гражданам, у которых его нет.

Внедрение электронных выборов и электронного референдума повлечет изменения в содержании избирательного права. Например, Я. В. Антонов полагает, что «для реализации электронного голосования потребуются конституционные изменения для уточнения содержания основных конституционных принципов выборов, возможно, даже вплоть до их коренного пересмотра и принятия впоследствии принципиально новых правовых актов» [7, с. 6]. Согласимся, что использование информационных технологий скажется на понимании принципов избирательного права. Например, потребует уточнения принцип равенства, который должен будет включать также равенство возможностей при организации электронного голосования. Таким образом, каждому избирателю вне зависимости от его знаний и умений использования современных технологий, наличия необходимых средств (например, доступа к сети Интернет, современного компьютера и т. п.) должен быть обеспечен фактический доступ к инструментам электронных выборов (электронного референдума). Такой доступ не должен ограничиваться стадией голосования, но и включать доступ избирателя ко всей информации по выборам или референдуму, распространяемой в сети Интернет, возможность участия в удаленном выдвижении кандидатов, сборе подписей, участия в электронной агитации и т. п. В переходный период при сочетании традиционных и электронных выборов и референдумов принцип равенства должен предполагать равенство голосов, отданных традиционным способом и посредством информационных технологий.

Особое значение приобретут принципы тайного и свободного голосования, так как обеспечить отсутствие контроля или давления со стороны третьих лиц при удаленном голосовании сложно. Для решения этой проблемы можно использовать опыт Эстонии, где избирателям предоставляется право голосовать через сеть Интернет несколько раз, но учитывается при этом только последнее волеизъявление. В такой ситуации голосование под контролем третьих лиц утрачивает смысл в силу того, что избиратель может переголосовать и изменить свой выбор. В то же время использование информационных технологий позволяет отслеживать голоса избирателей, поскольку они идентифицируют себя при голосовании, что также вызывает опасения в обеспечении данного принципа.

Можно также предположить, что с развитием отношений по использованию информационных технологий в избирательном процессе получают закрепление новые принципы, например, принцип безопасности электронного голосования.

Помимо указанного выше, на Портале целесообразно организовать обсуждение вопросов, имеющих важное значение для населения соответствующих административно-территориальных единиц, которые не требуют проведения референдума. Подобные обсуждения могут быть организованы в форме голосования по тем или иным вопросам экономической, экологической, культурной жизни населения административно-территориальных единиц, решения вопросов благоустройства соответствующих территорий. Результаты могут носить как обязательный, так и рекомендательный характер, что должно определяться заранее. Организаторами могли бы выступать органы власти, общественные объединения, организации и граждане, что важно в контексте развития демократии. Как отмечают Е. В. Минаева и А. В. Аветисян в отношении развития электронной демократии, «инициатива может исходить «сверху вниз» от органа власти на всех уровнях государственного управления, а также «снизу вверх» как инициатива граждан» [8, с. 83]. Государству следует только санкционировать официальный статус подобных обсуждений и гарантировать учет мнения общественности при принятии окончательного решения, например, установив, что полученные результаты в обязательном порядке должны быть обсуждены на заседании уполномоченного органа. Для предупреждения злоупотребления правом инициировать подобные обсуждения целесообразно предусмотреть требование об уплате частными лицами

пошлины. Полученные средства при этом целесообразно было бы направлять на развитие электронного муниципалитета.

Развитие информационных технологий предполагает перенос отдельных форм местного самоуправления в онлайн-формат. Одной из таких форм могут стать местные собрания, которые, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. № 411-З «О республиканских и местных собраниях», определяются как основная форма непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства. Однако следует признать, что местные собрания на данный момент не являются популярной формой местного самоуправления. Импульсом развития института местных собраний может стать закрепление в законодательстве дистанционной формы их проведения с применением систем видеосвязи. Такая форма будет способствовать упрощению процедуры планирования местного собрания, так как исключит необходимость поиска помещения для проведения собрания, предоставит больше вариантов для определения времени собрания, позволит участвовать большему количеству заинтересованных лиц (в том числе лицам, имеющим особые потребности). Поскольку законодательство устанавливает определенные требования в отношении участников местного собрания, важно предусмотреть механизм идентификации личности, а также обеспечить возможность голосования и учет голосов участников собрания. Проведение онлайн-собраний обеспечит более полное представительство населения местных территорий и учет их мнений, что повысит значимость принимаемых на собраниях решений.

Полезным для развития непосредственного самоуправления на местном уровне представляется размещение на Едином портале информации о деятельности органов территориального общественного самоуправления. При этом такая информация не должна ограничиваться сведениями о порядке создания данных органов и перечислением стоящих перед ними задач. Портал должен содержать данные обо всех зарегистрированных индивидуальных и коллегиальных органах территориального общественного самоуправления с указанием данных их руководителей, чтобы граждане могли узнать, создан ли на территории их проживания такой орган, а также могли ознакомиться с результатами его деятельности, направить различные предложения по развитию территорий, принять участие в его деятельности. На данный момент такие сведения в свободном доступе не размещены, что может стать препятствием для деятельности органов общественного территориального самоуправления, привлечения в их состав новых членов.

С развитием общественных отношений Единый портал сможет закреплять и иные формы участия граждан в местном самоуправлении, а также использоваться республиканскими и местными государственными органами для взаимодействия с местными Советами депутатов, местными Советами различных административно-территориальных единиц между собой.

Заключение. Изучение сущности и содержания электронного муниципалитета, особенностей его реализации в Республике Беларусь на настоящем этапе позволяет сделать следующие выводы.

1. Представляется, что электронный муниципалитет в Республике Беларусь следует понимать как совокупность отношений по внедрению и использованию информационных технологий, позволяющих эффективно и оперативно решать вопросы местного значения населением соответствующих территорий непосредственно или через местные представительные органы и органами местного управления в установленных законодательством и сложившимися на практике формах.

2. Электронный муниципалитет представляет собой сложную систему, включающую в себя различные группы отношений, связанных с использованием систем электронного документооборота в местных органах власти; систем электронного нормотворчества; систем информирования населения о деятельности местных органов власти; систем электронных обращений в местные органы власти, деятельности интернет-приемных и др. Для успешного функционирования указанных систем существует необходимость в комплексном регулировании отношений, связанных с внедрением и использованием инструментов электронного муниципалитета.

3. На данный момент в Республике Беларусь реализованы, хоть и не всегда на оптимальном возможном уровне, такие элементы электронного муниципалитета, как система представитель-

ства местных органов власти в сети Интернет, система электронных обращений, система электронного нормотворчества, система электронного документооборота в местных органах власти. При этом не реализуются те инструменты электронного муниципалитета, которые связаны с непосредственным участием граждан в решении вопросов местного значения, что является явным препятствием для развития электронного государства в Республике Беларусь.

4. В ближайшее время основным направлением развития электронного муниципалитета в Республике Беларусь должна стать активизация участия общественности и местных представительных органов в решении вопросов местного значения за счет развития информационных технологий. В качестве комплексного решения существующих пробелов могут стать разработка и введение в эксплуатацию Единого портала местного самоуправления. Несомненным достоинством Единого портала станет возможность объединения на одной платформе различных инструментов электронного муниципалитета, позволяющих не только совершенствовать деятельность местных органов власти, но и привлекать население соответствующих территорий к решению вопросов местного значения с использованием современных технологий. Функционирование портала решит проблему слабой представленности местных органов в онлайн-пространстве, станет основой для развития электронного нормотворчества, а со временем – электронных выборов, электронных референдумов, электронных собраний и иных форм электронной прямой демократии.

Список использованных источников

1. Дронова, К. С. Электронный муниципалитет / К. С. Дронова, И. Р. Аминов // Теория и практика современной юридической науки : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 11 апр. 2016 г. / Инновац. центр развития образования и науки. – Самара, 2016. – Вып. 3. – С. 61–64.
2. Ванеев, О. Н. Электронный муниципалитет: пути электронного взаимодействия органов местного самоуправления с населением / О. Н. Ванеев // Современ. право. – 2010. – № 4. – С. 59–62.
3. Зялалова, А. Ф. Электронный муниципалитет: современная технология менеджмента или форма территориальной консолидации местного сообщества / А. Ф. Зялалова // Проблемы развития предприятий: теория и практика : материалы 14-й Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 12–13 нояб. 2015 г. : в 3 ч. / Самар. гос. экон. ун-т ; отв. ред. С. И. Ашмарина. – Самара, 2015. – Ч. 3. – С. 197–200.
4. Василевич, Г. А. Об активизации самоуправленческих начал в Республике Беларусь / Г. А. Василевич // Государство и право в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., г. Минск / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 20–26.
5. Куневич, Г. Г. Электронная демократия на местном уровне [Электронный ресурс] / Г. Г. Куневич // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апр. 2021 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Шахновская, И. В. Особенности развития местного управления и самоуправления в условиях цифровизации государства / И. В. Шахновская // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 54–57.
7. Антонов, Я. В. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования электронной демократии в России / Я. В. Антонов // Гос. власть и мест. самоупр. – 2017. – № 7. – С. 3–7.
8. Минаева, Е. В. Электронная демократия – белая книга государственной политики / Е. В. Минаева, А. В. Аветисян // Гос. и муницип. упр. Учен. зап. – 2020. – № 1. – С. 80–84. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-80-84>

References

1. Dronova K. S., Aminov I. R. Electronic municipality. *Teoriya i praktika sovremennoy yuridicheskoy nauki: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 11 aprelya 2016 g.* [Theory and practice of modern legal science: collection of scientific works based on the results of the International scientific and practical conference, April 11, 2016]. Samara, 2016, iss. 3, pp. 61–64 (in Russian).
2. Vaneev O. N. Electronic municipality: ways of communication between local government and population. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2010, no. 4, pp. 59–62 (in Russian).
3. Zyalalova A. F. The e-municipality: modern technology of the management or form of territorial consolidation of the local community? *Problemy razvitiya predpriyatii: teoriya i praktika: materialy 14-i Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Samara, 12–13 noyabrya 2015 g.* [Problems of enterprise development: theory and practice: proceedings of the 14th International scientific-practical conference, Samara, November 12–13, 2015]. Samara, 2015, pt. 3, pp. 197–200 (in Russian).
4. Vasilevich G. A. On the activation of self-governing principles in the Republic of Belarus. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu yuridicheskogo*

fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 26–27 noyabrya 2020 g., g. Minsk [State and law in the XXI century: proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law Belarusian State University, November 26–27, 2020, Minsk]. Minsk, 2021, pp. 20–26 (in Russian).

5. Kunevich G. G. Electronic democracy at the local level. *Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva: elektronnyi sbornik statei Mezhdunarodnogo kruglogo stola, Novopolotsk, 16 aprelya 2021 g.* [Transformation of public administration and local self-government in the conditions of information society development: electronic collection of articles of the International round table, Novopolotsk, April 16, 2021]. Polotsk, 2021. (CD-ROM) (in Russian).

6. Shakhnovskaya I. V. Features of development of local government and self-government in the context of digitalization of the state. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, 2021, no. 7, pp. 54–57 (in Russian).

7. Antonov Y. V. On necessity to improve legal regulation of electronic democracy in Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2017, no. 7, pp. 3–7 (in Russian).

8. Minaeva E. V., Avetisyan A. V. Electronic democracy – a White Book of state policy. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal Administration. Scientific Notes*, 2020, no. 1, pp. 80–84 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-80-84>

Информация об авторе

Киселёва Татьяна Маратовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: KisialTM@bsu.by

Information about the author

Tatsiana M. Kisialiova – Ph. D. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., 220006 Minsk, Belarus). E-mail: KisialTM@bsu.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 630*652.3:630*62
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-332-340>

Поступила в редакцию 15.02.2022
Received 15.02.2022

А. В. Неверов, Х. А. Бахед

Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ПОСТРОЕНИЯ
СТОИМОСТНОГО УЧЕТА ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ ЛЕСОВ**

Аннотация. Представлена разработка концепции стоимостного учета экосистемных услуг лесов в контексте теории природного и экологического учета с точки зрения особенностей лесов как объекта национального счетоводства и устойчивого природопользования.

Основные задачи исследования – выявить необходимость разграничения природного и экологического капитала, определить их взаимосвязь и различия, показать целесообразность выделения физических и стоимостных измерителей экосистемных услуг, учетную роль древесного запаса как продуцента экосистемных услуг.

Предлагается метод стоимостного учета экосистемных услуг на основе теории воспроизводственной и экологической ренты. Результаты исследования представлены в концептуальной схеме построения стоимостного учета экосистемных услуг лесов. Содержание стоимостного измерения экосистемных услуг лесов зависит от их принадлежности к природному или экологическому капиталу.

Ключевые слова: природный учет, экологический учет, природный капитал, экологический капитал, древесный запас, стоимостный учет

Для цитирования: Неверов, А. В. Формирование концептуальных основ построения стоимостного учета экосистемных услуг лесов / А. В. Неверов, Х. А. Бахед // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 332–340. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-332-340>

Aleksandr V. Neverov, Hayder A. Bahedh

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

**FORMATION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE CONSTRUCTION OF COST
ACCOUNTING OF FOREST ECOSYSTEM SERVICES**

Abstract. The development of the concept of cost accounting of ecosystem services of forests in the context of the theory of natural-ecological accounting is presented, taking into account the characteristics of forests as object of national accounting and sustainable nature management.

The main objectives of the study are to identify the need to distinguish between natural and environmental capital, to determine their relationship and differences; to show the expediency of identifying physical and cost indicators of ecosystem services, the accounting role of the timber reserve as a producer of ecosystem services. A method for cost accounting of ecosystem services based on the theory of reproduction and ecological rent is proposed.

The results of the study are expressed in a concentrated form by the conceptual scheme for constructing a cost accounting for forest ecosystem services. The content of the value measurement of forest ecosystem services depends on their belonging to natural or ecological capital.

Keywords: natural accounting, ecological accounting, natural capital, ecological capital, timber stock, cost accounting

For citation: Neverov A. V., Bahedh H. A. Formation of the conceptual foundations for the construction of cost accounting of forest ecosystem services. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 332–340 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-332-340>

Введение. В настоящее время на международном уровне под эгидой ООН интенсивно развиваются процессы, связанные с совершенствованием системы национальных счетов (СНС) и их корректировкой в отношении состава и содержания природного учета. В этих преобразованиях структурируется и актуализируется система экологического учета в контексте формирования механизмов реализации интересов и целей устойчивого развития. В этой связи в мире увеличивается количество научных работ по проблеме природного и экологического учета.

В составе экологического учета начинают выделять экосистемный учет, в том числе экосистемный учет лесов. О значимости данной проблемы свидетельствуют публикации в виде отчетов Всемирного банка¹, а также публикации в авторитетных международных изданиях².

Важное место в системе формирующегося экологического учета занимают экосистемные услуги лесов и их экологический капитал. За рубежом и в нашей стране проводятся интенсивные исследования, касающиеся методологии и методики экономической оценки лесов, выделяются отдельные направления оценки, выражающие тот или иной аспект полезности лесов.

Однако система стоимостного измерения экосистемных услуг в рамках формирующегося экологического учета исследуется явно недостаточно.

В данной статье предпринята попытка определить концептуальные основы построения стоимостного учета экосистемных услуг лесов для реализации системы и целей экологического учета.

Основная часть. Методология стоимостного учета экосистемных услуг лесов базируется на теории экономической оценки природного капитала в составе национального богатства страны и на общих положениях формирующегося природного и экологического учета.

Гипотеза построения концептуальных основ стоимостного учета экосистемных услуг лесов предполагает выделение в составе природного капитала экономических и экологических активов, по-разному выражающих функциональное назначение лесов, их экономическую роль в приращении национального богатства страны и удовлетворении разнообразных потребностей общества.

В специальной научной литературе отражены значительные усилия по поиску методов оценки экосистемных услуг и экологического капитала, возможных к использованию в практике экологического учета.

На основе проведенного анализа научных работ [1–7] можно заключить, что к настоящему моменту в методологии стоимостного учета экосистемных услуг природного, в том числе экологического, капитала произошли значительные изменения.

В настоящее время в исследованиях отечественных и зарубежных авторов представлены три важные позиции, основанные на:

- теории дисконтированной дифференциальной ренты;
- теории общей экономической ценности, выраженной с помощью метода «затраты–выгоды»;
- теории воспроизводственной и экологической ренты.

Как показал анализ [8], эти теории взаимосвязаны, дополняют друг друга, а их интеграция является надежной методологической основой построения оценочного инструментария экосистемных услуг, что подтверждает белорусский опыт разработки соответствующих нормативных документов (ТКП 17.02-10-2013 (02120))³.

Сформировавшиеся к данному времени три учетно-ценностные концепции в сфере природопользования – природного капитала, экологического капитала и экосистемных услуг – охваты-

¹ The changing wealth of nations – Measuring Assets for the Future. – Wealth: New Work on Natural Capital and the World Bank // Human Capital. Glenn-Marie Lange and Diego Herrera, 2021. – 504 p.

² 1. HuajunYuaYutaoWang [et al.]. Measuring ecological capital: State of the art, trends, and challenges // Journal of Cleaner Production. – 2019. – Vol. 219, 10 May. – P. 833–845. 2. Alessandra La Nottea, Charles Rhodesb [et al.]. The theoretical frameworks behind integrated environmental, ecosystem, and economic accounting systems and their classifications Environmental Impact Assessment Review. – 2019. – P. 1–10 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.1016/J.EIAR>. 3. Lars Hein, Roy P. Remme. Ecosystem accounting in the Netherlands. Ecosystem Services. – 2020. – Vol. 44, August. – P. 101–118. 4. United Nations [et al.]. System of Environmental–Economic Accounting–Ecosystem Accounting (SEEA EA). White cover publication, pre-edited text subject to official editing, 2021. – 393 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://seea.un.org/ecosystem-accounting>. 5. Комплексная система статистических показателей охраны окружающей среды в Российской Федерации / Н. В. Шашлова [и др.]. // Вопросы статистики. – 2018. – Т. 25, № 7. – С. 3–12.

³ Технический кодекс установившейся практики ТКП 17.02-10-2013 (02120) «Порядок проведения стоимостной оценки экосистемных услуг и определения стоимостной ценности биологического разнообразия».

вают различные типы природных ресурсов и преследуют разные цели оценивания. При уточнении концептуальных основ экологического учета важно определить принципиальные различия в методах оценки одного и того же природного (экологического) ресурса, выполняющего разные функции и удовлетворяющего разные потребности, а потому причисляемые к разным видам капитала (природному или экологическому с выделением экосистемных услуг).

Например, производственную (обеспечивающую) услугу в виде продукции или товара (древесина, продукты питания) правомерно рассматривать в «границах» природного капитала, но никак не в составе экологического капитала, функциональное назначение которого в отличие от природного капитала состоит в сохранении продуцирующих запасов экосистемы, а не в их эксплуатации. Материальные ресурсы природы являются носителем экосистемных услуг, но не есть сами экосистемные услуги. В результате заготовки ресурса, его эксплуатации экосистемная услуга «исчезает». Поэтому ценность экосистемной услуги определяется альтернативной стоимостью потенциально эксплуатируемого ресурса, который является носителем этой экосистемной услуги.

С позиции стоимостного учета экосистемных услуг следует понимать различие не только в функциональном предназначении разных видов капиталов, но и в их экономической природе.

Изначально природный капитал (учитывая исторические подходы к классификации природных ресурсов) делится на возобновляемый и невозобновляемый. У этих ресурсов (капиталов) разная экономика существования и разные механизмы воспроизводства (замещения). Значительную роль в этой экономике играют фактор времени и его правильная оценка, а также конъюнктура рынка, влияющая на цены природных ресурсов, и отражение этой конъюнктуры в стоимостной оценке разных видов капитала.

Учет экосистемных услуг может быть текущим и капитальным. Учет экосистемных услуг на основе капитальной оценки переводит их в ранг экологического капитала. И если выделение экологического капитала в составе природного капитала играет вспомогательную роль (для структурной характеристики последнего), то определение капитальной стоимости экосистемных услуг выражает их многогранную роль и укрепляет системность экологического учета. При таком подходе экосистемные услуги следует понимать как поток услуг, порождаемый экологическим капиталом, в который не входит невозобновляемый капитал. Рассмотрение же экосистемных услуг как порождение всего природного капитала (Констанза и Дейли, 1992) [9], не только размывает границы между разными функциями ресурсов природы (прежде всего экономическими и экологическими), но и затрудняет построение четких ориентиров стоимостного учета экосистемных услуг и их капитальной оценки.

Таким образом, принципиальное отличие экологического капитала от природного (как объекта стоимостного учета экосистемных услуг) состоит в том, что стоимость природного капитала ориентируется на отражение экономической роли (вклада) природных ресурсов в приращение национального богатства, в то время как стоимость экологического капитала ориентируется на рост благосостояния народа (в части удовлетворения экологических потребностей).

Экологический капитал, рассчитанный на основе капитальной стоимости экосистемных услуг, является самостоятельным объектом как природного, так и экологического учета и имеет свою методологию оценки, учитывающую внерыночный характер экосистемных услуг и их всеобщую полезность. Последнее обстоятельство подтверждает необходимость организации самостоятельного учета экосистемных услуг и их капитальной стоимости как обязательного инструмента в системе национального счетоводства и устойчивого природопользования.

Стоимостная оценка природного капитала в составе национального богатства ориентирована на методологию системы национальных счетов (СНС). Последняя представляет собой логически взаимосвязанную совокупность макроэкономических счетов, балансов активов и пассивов, рабочих таблиц, понятий, определений, классификаций, правил учета, согласованных на международном уровне (под эгидой ООН). В классификации экономических активов СНС (2008 г.) к природным ресурсам относятся экономические активы естественного происхождения, не являющиеся результатом человеческой деятельности, т. е. невозпроизводимые или воспроизводимые без прямого вмешательства человека, естественным путем, на которые могут быть установлены права собственности и которые способны приносить экономические выгоды своим владельцам.

К ним относятся земля (AN11); минеральные и энергетические запасы (AN212); некультивируемые биологические ресурсы, относящиеся к растительному и животному миру (AN213); водные подземные и поверхностные ресурсы (AN214); прочие природные ресурсы (AN215) [10].

Следует подчеркнуть, что система национальных счетов не выражает и не может до конца выразить экологическую роль природных ресурсов, поскольку в ее методологическом построении заложена идея выгоды, которая органично вписывается лишь в экономические интересы удовлетворения потребностей и приращения национального богатства. Экологические ценности не могут вписаться в подобную методологию учета.

Исходя из сложившегося положения, концептуальную систему стоимостного учета природных ресурсов (в том числе лесных) следует рассматривать с позиции:

методологии СНС, обуславливающей необходимость реализации стоимостной оценки в контексте таких категорий, как «права собственности», и «экономическая выгода»;

методологии экологического учета (ЭУ), которая в дополнение к СНС определяет стоимостную оценку экосистемных услуг и ее капитализованную величину, т. е. осуществляет денежную оценку экологического капитала.

На наш взгляд, на сегодняшний день целесообразно развивать две системы учета в сфере природопользования:

1) систему национальных счетов, главная функция которой заключается в содержательной информации о состоянии и динамике природных ресурсов, обеспечивающих экономический оборот и воспроизводство национального продукта;

2) систему экологического учета, которая позволяет осуществлять физический и стоимостный учеты экосистемных услуг и экологического капитала, социальная роль которых выходит за рамки интересов экономического оборота.

Потеря экологического капитала равноценна потере части национального богатства. Но поскольку экологический капитал – капитал особого рода, то его целесообразно учитывать отдельно, как и экологическую динамику, которую определяет не только состояние экосистем и их изменение во времени, но и степень антропогенного воздействия на качество окружающей среды.

Принципиальный вопрос в методологии стоимостного измерения природных ресурсов и их экосистемных услуг – инструментарий оценки, его «рыночное» или «внерыночное» построение.

Природные ресурсы, учитывая их особенности как объекта экономических (в том числе рыночных) отношений, требуют нетрадиционных методов стоимостного учета в составе национального богатства. Даже в странах с развитой рыночной экономикой рынок по многим видам природных ресурсов, за исключением земли, практически отсутствует. Использование информации о рыночных сделках хотя и полезно, но не всегда возможно, в том числе и ввиду уникальности отдельных видов природных ресурсов.

Считается также недопустимым определение стоимости природных ресурсов на основе «валовой оценки», т. е. по количественным данным о запасах этих ресурсов и стоимости добытых, извлеченных ресурсов, включающей затраты на добычу (например, по ценам на продаваемую нефть, лесоматериалы, чернозем и т. д.)¹.

Многие исследователи согласны с тем, что оценка может быть проведена на основе стоимости чистых доходов, ожидаемых в будущем от их эксплуатации, применяя методику капитализации дохода путем перевода постоянного потока дохода в текущую стоимость капитала на основе коэффициента капитализации.

В странах, где собственником природных ресурсов является государство, довольно часто их стоимость определяется на основе данных о природно-ресурсных налогах – так называемого метода апроприации.

Однако этот метод может далеко не до конца выражать рентную ценность ресурса, не говоря о других «не рентных ценностях и полезностях». Нормативы рентных изъятий могут значитель-

¹ В данном случае, на наш взгляд, игнорируется важный методологический принцип построения экономической (эколого-экономической) оценки природных ресурсов – принцип ведущей роли цены продукта природопользования: цена на природный ресурс носит производный характер по отношению к цене продукции природопользования, а не наоборот.

но исказить реальную стоимость ресурса в угоду сохранения конкурентоспособности природопользователей и производителей (участников) всей технологической цепочки. Это особенно актуально с позиции стратегии развития зеленой экономики. Поэтому СНС рекомендует проводить несколько оценок (на основе рентной концепции и метода апроприации).

В данном контексте определение рентных доходов эксплуатации природных ресурсов связывают с необходимостью вычитания из чистой прибыли доходов на воспроизводство основных фондов. Разумеется, такой подход к определению величины оценки на макроуровне мало реален.

Стоимостная оценка природных ресурсов в соответствии с методологией учета экономических активов в СНС должна основываться на определении их текущей рыночной стоимости и ее отражении в балансе активов и пассивов.

Говоря о текущей рыночной стоимости природных ресурсов, следует обратить внимание на механизм выражения этой стоимости, а именно на то, какую функцию она выполняет.

Главная функция оценки – отразить реальный вклад природных ресурсов, в том числе экосистемных услуг в национальное богатство государства, в рост благосостояния народа, и с позиций СНС это оправдано. Однако такой рыночный механизм ценообразования в отношении экологических ресурсов, учитывая их особый социальный статус и базисную роль в удовлетворении человеческих потребностей в рамках формирующегося самостоятельного экологического учета, будет малоэффективным и не выразит их абсолютное (социальное) превосходство.

Не исключая рыночного механизма ценообразования, цена на природный ресурс в системе экологического учета должна иметь нормативный характер, обеспечивая его устойчивое экономическое воспроизводство [11]. В этом случае, учитывая реальные цены на продукты природопользования, цена на природный ресурс (как производная от цены продукта природопользования) выражается сверхприбылью, обеспечивающей экономический интерес воспроизводства ресурса. На такой подход нацеливает теория воспроизводственной ренты.

Воспроизводственная рента – это капитальная эколого-экономическая стоимость (ценность) природного ресурса, обусловленная эффективностью воспроизводства его экологической составляющей. Воспроизводственная рента не есть простое дублирование ренты капитализированной, она представляет собой (благодаря применению более низкой ставки дисконта) выражение полной ценности природных ресурсов, включающих не только экономическую (продукционную), но и экологическую (средообразующую) ценность.

В составе воспроизводственной ренты выделяется экологическая рента. Механизм ее определения базируется на альтернативной стоимости и учете разной нормы дисконта для экономической и экологической сферы [12].

Экологическая рента – это форма присвоения выгоды, возникающей в результате использования высокого качества природной среды, ее уникальных объектов, а также эксплуатации ограниченных экологических ресурсов (средообразующих функций природной среды), способных восстанавливать свои качества за счет круговорота природного вещества, сохранения и превращения энергии, высокого потенциала саморегуляции [8].

Общие положения стоимостного учета экосистемных услуг, изложенные выше, имеют важное концептуальное значение для такого особого объекта экологического учета, как лес (лесная экологическая система).

Лесная экологическая система (биоценоз и земля, занятая им) как продуцент экосистемных услуг и как природный капитал имеет свои особенности.

Если рассматривать экосистемные услуги в экономическом аспекте как производные от лесного капитала, то в системе учета должны присутствовать древесный запас и земля, занятая последним.

Лесной капитал как объект учета целесообразно рассматривать в рамках СНС для отражения в составе национального богатства. Земли лесного фонда, как и другие земли, с позиции СНС понимаются как грунт, включая почвенный покров, в том числе землю под зданиями и сооружениями, возделываемую землю, землю для отдыха и прочую землю. В данном аспекте земля рассматривается как ресурс (фактор) экономического оборота и его (ресурса) капитальная оценка

строится на основе концепции реальной выгоды (дохода). Если рассматривать экосистемные услуги как результат продуцирования только древесного запаса, то система учета ограничивается последним. При организации самостоятельного экологического учета, на наш взгляд, его основной объект – древесный запас, а также недревесные ресурсы леса и другие его полезности, анализ которых широко представлен в научной литературе [13–17].

Классификация экосистемных услуг, их физическое измерение и стоимостная оценка определяют основное содержание экологического учета, состав экологического актива как своеобразного структурного элемента природного капитала, обуславливающего необходимость самостоятельного учета. Ведущей категорией экологического учета является экологическая рента, а инструмент ее выражения – альтернативная стоимость.

Стоимостному учету экосистемных услуг лесов должен предшествовать их физический учет, основанный на натуральных показателях и обеспечивающий информацию о динамике древесного запаса леса как основного носителя экосистемных услуг лесов.

В Беларуси данное направление экологического учета интенсивно исследуется кафедрой статистики УО «Белорусский государственный экономический университет» и Белстатом (1, 2). В результате исследований разработана структурно-логическая модель построения счетов природно-экономического учета лесных ресурсов в Республике Беларусь («СПЭУ–Лесные ресурсы»), которая структурно образует два блока: Блок А и Блок Б [18–19].

Блок А включает:

1) счет активов для земель лесного фонда Республики Беларусь (в физическом и стоимостном выражении);

2) счет активов для ресурсов древесины лесов Республики Беларусь (в физическом и стоимостном выражении);

3) счет потоков для ресурсов ликвидной древесины Республики Беларусь (в физическом выражении).

Блок Б включает:

1) основные индикаторы, характеризующие запасы углерода в лесной экосистеме, в границах земель лесного фонда Республики Беларусь (в физическом выражении);

2) основные индикаторы, характеризующие экосистемные услуги лесов Республики Беларусь (в физическом выражении).

При дальнейшем развитии системы физического учета важна классификация экосистемных услуг по их функциональному предназначению. В законченном виде физический учет экосистемных услуг лесов должен учитывать их общую классификацию (поддерживающие, регулирующие, культурные, обеспечивающие), увязанную с категорией лесов и выполняемыми ими полезными «невесомыми» функциями.

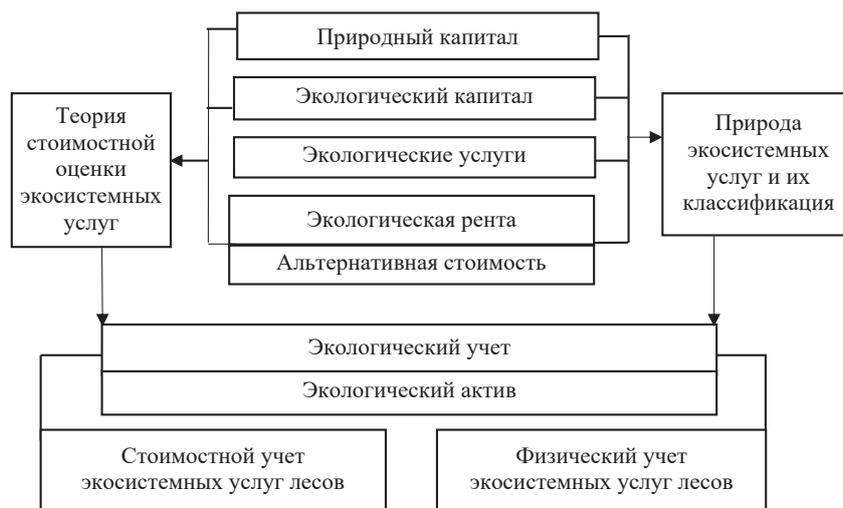
В основе стоимостного учета экосистемных услуг лесов должна находиться экологическая рента, выражающая в денежной форме экологический эффект продуцирования лесных экосистем, а также другие инструменты экологической ренты, способные отражать конкретную полезность и выгоды.

На первых этапах стоимостного учета экосистемных услуг необходимо располагать динамикой древесного запаса, его продуцирующей способностью как источника этих услуг.

Одновременно следует подчеркнуть, что на данном этапе стоимостный учет экосистемных услуг в их функциональном разрезе (как для национальной, так и международной статистики) не является актуальным. На наш взгляд, это обуславливается трудностями как методологического характера в отношении построения стоимостной оценки разных видов экосистемных услуг, так и трудностями общего порядка включения в состав национального богатства такого компонента, как природный капитал и организации самостоятельного экологического учета.

Вместе с тем эти трудности временного характера не должны мешать становлению и развитию природного (в том числе экологического) учета как важного структурного элемента государственного управления в сфере устойчивого природопользования.

Этот процесс особенно важен с позиции экологизации интересов лесного хозяйства, реализации его стратегических целей [20]. Лесное хозяйство Беларуси в настоящее время набирает эко-

Концептуальная схема построения стоимостного учета экосистемных услуг лесов
Conceptual scheme for building a value chain accounting for forest ecosystem services

номическую силу, приумножая свой производственный капитал на основе коммерциализации хозяйственных интересов. При этом экологические ценности в конечных результатах деятельности не выражены. В этих условиях не может наступить экологический перелом, если наравне с экономическими активами не будут присутствовать экологические активы как в физическом, так и в стоимостном измерении. Поэтому реализация системы учета экосистемных услуг лесов важна не только для национальной статистики, но и для эффективного ведения лесного хозяйства. Учитывая вышеизложенное, концептуальная схема построения стоимостного учета экосистемных услуг лесов представлена на рисунке.

Как следует из рисунка, предлагаемая концепция строится на выделении из состава природного капитала экологического капитала как продуцента экосистемных услуг. Экономическая природа экосистемных услуг принципиально отличается от традиционных услуг, имеющих коммерческий характер, и выражается с помощью такой категории, как «внешние эффекты», которые трактуются экономической наукой в качестве «чистых общественных благ», не опосредованных рынком. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в системе стоимостного учета и экосистемных услуг лесов использовать разнообразный инструментарий, но при ведущей роли экологической ренты, которая в большей степени имеет социальное, нежели рыночное значение.

Заключение. Концептуальная основа построения стоимостного учета экосистемных услуг определяется содержанием природного капитала, экологического капитала и экосистемных услуг, а также адекватными им системами физического и стоимостного учета ресурсов природы.

Концепция формирования системы стоимостного учета экосистемных услуг должна учитывать основные положения:

- теории дифференциальной ренты;
- теории общей экономической ценности природных ресурсов;
- теории воспроизводственной и экологической ренты.

Стоимостное измерение природного и экологического капитала имеет принципиальное различие: в основе стоимостной оценки природного капитала находится дисконтированная дифференциальная рента, а основу стоимостной оценки экологического капитала и экосистемных услуг определяют инструментарий общей экономической ценности природных ресурсов и теория воспроизводственной ренты. В структуре последней выделяется экологическая рента, которая отличается своим социальным наполнением, функцией стоимостного поддержания экологического равновесия. Особенность лесов как объекта экологического учета выражается балансом использования и воспроизводства древесного запаса, его продуцирующей способностью, многофункциональной полезностью разнообразных функций экосистем.

Основное содержание экологического учета лесов определяется классификацией экосистемных услуг; физическим измерением экосистемных услуг; стоимостными измерениями экосистемных услуг.

В качестве экологического актива выступают древесный запас, физическая и стоимостная оценка его динамики.

Список использованных источников

1. Думнов, А. Д. Экосистемный учет как дальнейшее развитие системы комплексного природно-ресурсного и экономического учета и СНС / А. Д. Думнов, Г. А. Фоменко, М. А. Фоменко // *Вопр. статистики*. – 2015. – № 5. – С. 11–34.
2. Учет и оценка экосистемных услуг Новокузнецкого угледобывающего района (Кемеровская область) / Г. А. Фоменко [и др.] // *Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр.* – 2019. – № 3. – С. 88–97. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019388-97>
3. Цибульникова, М. Р. Учет природного капитала и экосистемных услуг в управленческих решениях / М. Р. Цибульникова // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2012. – № 360. – С. 193–199.
4. Цибульникова, М. Р. Учет и оценка природного капитала как инструмент управления природопользованием / М. Р. Цибульникова, Н. В. Горина // *Проблемы регион. экологии*. – 2019. – № 1. – С. 91–96. <https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11091>
5. Тихонова, Т. В. Экологический фактор перспективного освоения минеральных ресурсов северного региона / Т. В. Тихонова // *Проблемы развития территории*. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 88–104. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.6>
6. Яковец, Ю. В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении / Ю. В. Яковец. – М. : Академкнига, 2003. – 240 с.
7. *Ecosystems and human well-being: opportunities and challenges for business and industry : a report of the Millennium Ecosystem Assessment / World Resources Inst.* – Washington : World Resources Inst., 2005. – 31 p.
8. Экономика природопользования : учеб.-метод. пособие / [А. В. Неверов и др.] ; под общ. ред. А. В. Неверова. – Минск : Колорград, 2016. – 399 с.
9. Costanza, R. Natural capital and sustainable development / R. Costanza, E. H. Daly // *Conservation Biology*. – 1992. – Vol. 6, № 1. – P. 37–46. <https://doi.org/10.1046/j.1523-1739.1992.610037.x>
10. О развитии стоимостного учета природных ресурсов в России / Г. Н. Ромашкина [и др.] // *Вопр. статистики*. – 2010. – № 9. – С. 32–43.
11. Неверов, А. В. О нормативном методе рентного ценообразования на природные ресурсы / А. В. Неверов, Х. А. Х. Ал-Фаяд, Ю. А. Трич // *Тр. БГТУ. Сер. 5, Экономика и упр.* – 2017. – № 1 (196). – С. 80–83.
12. Неверов, А. В. Устойчивое природопользование: сущность, механизм, концепция реализации / А. В. Неверов, И. П. Деревяго. – Минск : БГТУ, 2005. – 174 с.
13. Лебедев, Ю. В. Эколого-экономическая оценка лесов Урала / Ю. В. Лебедев. – Екатеринбург : Ин-т леса УрО РАН, 1998. – 213 с.
14. Некрасов, М. Д. Об экономической оценке лесных ресурсов / М. Д. Некрасов // *Лес. журн.* – 2006. – № 5. – С. 123–129.
15. Прешкин, Г. А. Теоретико-методологические основы оценки лесов / Г. А. Прешкин // *Изв. Урал. гос. экон. ун-та*. – 2006. – № 5 (17). – С. 163–169.
16. Лебедев, Ю. В. Оценка лесных экосистем в экономике природопользования / Ю. В. Лебедев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 574 с.
17. Кулишкина, С. Г. Сравнительная стоимостная оценка древесных ресурсов и дикорастущих ягодников / С. Г. Кулишкина, В. Н. Косицын // *Лес. хоз-во*. – 1996. – № 6. – С. 23–24.
18. Полещук, Е. А. Система экосистемных индикаторов, характеризующих лесные ресурсы Республики Беларусь / Е. А. Полещук // *Бухгалт. учет и анализ*. – 2020. – № 10 (286). – С. 26–32.
19. Полещук, Е. А. Методологические положения построения счетов природно-экономического учета лесных ресурсов в Республике Беларусь / Е. А. Полещук // *Вопр. статистики*. – 2021. – Т. 28, № 1. – С. 69–79. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-69-79>
20. Экологоориентированное развитие лесного хозяйства Беларуси в условиях климатических изменений / И. В. Войтов [и др.]. – Минск : БГТУ, 2019. – 201 с.

References

1. Dumnov A. D., Fomenko G. A., Fomenko M. A. Ecosystem accounting as a future development of the system of integrated environmental and economic accounting and SNA. *Voprosy statistiki*, 2015, no. 5, pp. 11–34 (in Russian).
2. Fomenko G. A., Fomenko M. A., Loshadkin K. A., Mikhailova A. V. Accounting and assessment of ecosystem services of Novokuznetsk coal-mining area (Kemerovo oblast). *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], 2019, no. 3, pp. 88–97 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019388-97>

3. Tsibulnikova M. R. Mainstreaming natural capital and ecosystem services into management decisions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2012, no. 360, pp. 193–199 (in Russian).
4. Tsibulnikova M. R., Gorina N. V. Accounting and assessment of the natural capital as an instrument of environmental management. *Problemy regional'noi ekologii = Regional Environmental Issues*, 2019, no. 1, pp. 91–96 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11091>
5. Tikhonova T. V. Ecological factor of prospective development of mineral resources of the northern region. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 5, pp. 88–104 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.6>
6. Yakovets Yu. V. *Rent, anti-rent, quasi-rent in the global civilization dimension*. Moscow, Academkniga Publ., 2003. 240 p. (in Russian).
7. *Millennium ecosystem assessment. Ecosystems and human well-being: opportunities and challenges for business and industry*. Washington, World Resources Institute, 2005. 31 p.
8. Neverov A. V. (ed.). *Economics of nature management*. Minsk, Kolorgrad Publ., 2016. 399 p. (in Russian).
9. Costanza R., Daly E. H. Natural capital and sustainable development. *Conservation Biology*, 1992, vol. 6, no. 1, pp. 37–46. <https://doi.org/10.1046/j.1523-1739.1992.610037.x>
10. Romashkina G. N., Gordonov M. Yu., Phomenko G. A., Phomenko M. A., Arabova E. A. Development of natural resources value accounting in Russia. *Voprosy statistiki*, 2010, no. 9, pp. 32–43 (in Russian).
11. Neverov A. V., Alfayyadh H. A. H., Trich Yu. A. On the normative method of rentpricing for natural resources. *Trudy BGTU. Seriya 5, Economica i upravleniye = Proceedings of BSTU. Issue 5. Economics and Management*, 2017, no. 1 (196), pp. 80–83 (in Russian).
12. Neverov A. V., Derevyago I. P. *Sustainable nature management: essence, mechanism, implementation concept*. Minsk, Belarusian State Technological University, 2005. 174 p. (in Russian).
13. Lebedev Yu. V. *Ecological and economic assessment of the forests of the Urals*. Yekaterinburg, Forest Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. 213 p. (in Russian).
14. Nekrasov M. D. On economic assessment of forest resources. *Lesnoi zhurnal = Russian Forestry Journal*, 2006, no. 5, pp. 123–129 (in Russian).
15. Preshkin G. A. Theoretical and methodological foundations for assessing forests. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics]*, 2006, no. 5 (17), pp. 163–169 (in Russian).
16. Lebedev Yu. V. *Assessment of forest ecosystems in the economics of nature management*. Yekaterinburg, Ural Branch RAS, 2011. 574 p. (in Russian).
17. Kulishkina S. G., Kositsyn V. N. Comparative valuation of wood resources and wild-growing berries. *Lesnoye khozyaistvo [Forestry]*, 1996, no. 6, pp. 23–24 (in Russian).
18. Poleshchuk E. A. System of ecosystem indicators characterizing forest resources of the Republic of Belarus. *Bukhgalterskii uchet i analiz [Accounting and Analysis]*, 2020, no. 10 (286), pp. 26–32 (in Russian).
19. Poleshchuk E. A. Methodological provisions for the formation of the environmental-economic accounting for forest resources in the Republic of Belarus. *Voprosy statistiki*, 2021, vol. 28, no. 1, pp. 69–79 (in Russian). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-69-79>
20. Voitov I. V., Shatravko V. G., Yurevich N. N., Lednitskii A. V., Neverov A. V., Nosnikov V. V., Rozhkov L. N. *Ecologically oriented forestry development in Belarus in the context of climate change*. Minsk, Belarusian State Technological University, 2019. 201 p. (in Russian).

Информация об авторах

Неверов Александр Васильевич – доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: neverov@belstu.by.

Бахед Хайдер Азиз Бахед – аспирант. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bahtdh55@gmail.com.

Information about the authors

Aleksandr V. Neverov – D. Sc. (Econ.), Professor. Belarusian State Technological University (13a Sverdlov Str., Minsk 220006, Belarus). E-mail: neverov@belstu.by.

Hayder A. Bahehd – Postgraduate student. Belarusian State Technological University (13a Sverdlov Str., Minsk 220006, Belarus). E-mail: bahtdh55@gmail.com.

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-341-344>

Поступила в редакцию 31.01.2022
Received 31.01.2022

А. Н. Данилов¹, П. А. Водопьянов²

¹Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь,

²Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДУЩЕГО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Проблемы, поднятые в монографии «Человек перед лицом будущего: риски и перспективы» (под ред. д-ра филос. наук, проф. Ч. С. Кирвеля, ГрГУ, 2020), в настоящее время приобретают особую актуальность и злободневность, поскольку затрагивают будущее современной цивилизации. К сожалению, надежды, которые были рождены в начале нового XXI века, не привели к стабильности и миру на планете. Более того, человек своими действиями разогнал «колесницу истории», которая не позволяет ему находиться в нормальных человеческих условиях. Мир вышел на иной, глобальный уровень нестабильности, возвращается в блоковое мышление, наращивается гонка вооружений, обостряется борьба за мировое господство, недра и рынки. Становится все труднее реагировать на новые вызовы, угрозы и риски. В итоге «человечество предстает как мир нарастающих социокультурных неравенств и рисков во всех областях его жизнедеятельности».

Данная монография – это «книга-предупреждение». Так обозначена новая фундаментальная работа гродненской научной школы известного белорусского философа, профессора Ч. С. Кирвеля. Несколько десятилетий представители этой школы исследуют проблемы цивилизационного развития, глобальных проблем современности, обострения экологических проблем, пороков капиталистического способа производства, национальной безопасности. Ими подготовлены учебники по истории философии, философии, философии и методологии науки для белорусских университетов. Суровая реальность, без приукрашивания и лакировки, с акцентом на «болевы точки» и кризисные явления нашего времени предстаёт перед читателем. Она объективно анализируется авторами, которые поставили четкую цель – предупредить мировое сообщество о надвигающихся угрозах, найти адекватные ответы на новые вызовы времени, предпринять меры по нейтрализации и преодолению возникающих рисков.

Тон дискуссии задает лидер научной школы профессор Ч. С. Кирвель. В предисловии, введении, главах 1, 3, 5 (п. 5.1–5.4) он анализирует основные угрозы человечеству в начале XXI века. При этом следует отметить логичность и аргументированность текстов, представленных в книге. Иногда создается впечатление, что оценки звучат излишне критично, где-то резко и безапелляционно, но, увы, время вынуждает исследователей называть все своими именами. Такой стиль, собственно, всегда был характерен для этой школы.

Во введении, которое озаглавлено «Будущее человечества: альтернативные стратегии развития», Ч. С. Кирвель рассматривает современность как канун смены веков, описывает образы будущего сквозь призму «информационной революции» на пути к обществу реализованной утопии, ощущает поступь «железной пяты» и рассматривает «школу» катастроф как фактор смены общественного устройства.

Авторы квалифицируют современное состояние как глобальный цивилизационный кризис, угрожающий самим основам человеческого существования. Причем он рассматривается как кризис европейской цивилизации, самого ее общественного бытия и способа самореализации человека, затрагивающий природу капитализма как такового. В этой ситуации возникает потребность в более критической оценке перспектив капиталистической модели в дальнейшей эволюции общества, выявлении альтернативных путей развития.

Тридцать постсоветских лет наглядно показали, что «крушение реального социализма», в конечном счете, стало предвестником кризиса и всей западной системы. «Представляется, – пишет Ч. С. Кирвель, – что переход к эпохе посткапитализма как новой модели развития социума будет длительным и сложным. Не исключено, что он будет сопровождаться конфликтами и войнами, в том числе и войнами глобального характера. Несомненно, данный период будет содержать в себе разные, нередко взаимоисключающие варианты развития, проявляться в различных формах, характеризоваться противоречивостью и неоднозначностью своей направленности, способов и методов реализации. <...> Будущее в решающей степени станет таким, каким мы его увидим сегодня» (с. 16–18). Однополярный мир не состоялся и не имеет перспектив, но это не исключает возможности катастрофических сценариев развития событий на нашей планете.

Будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних норм и традиций. «Может случиться так, – утверждает Ч. С. Кирвель, – что культурные достижения и опыт предшествующих поколений, сегодня признанные «несовременными», как раз и окажутся в числе наиболее перспективных на новом этапе исторического развития. Вообще, неспособность испытывать уважение к достижениям традиционных ценностей – опасная болезнь современности, особенно если учесть то, что сама эта «современность» оказалась в бесчеловеческом тупике» (с. 47). Автор приходит к выводу, что новая альтернативная глобальному капитализму модель развития социума, которая утвердится в будущем, при любой конфигурации неизбежно будет содержать в себе элементы социалистической идеи и опыта ее практической реализации в Советском Союзе. Новый социализм, фундаментальные ценности которого будут ориентированы на равенство, станет ответом на патологическим образом нарастающее неравенство в современном мире. Разумеется, новый социализм будет значительно отличаться от классического. История не любит повторяться. Тем не менее его существенные элементы и в новых условиях жизни будут, несомненно, иметь место (с. 50).

Уже в первой главе «Человек в трансформирующемся мире: основные вызовы и возможные ответы» Ч. С. Кирвель акцентирует внимание на опасностях и рисках неконтролируемого научно-технического развития, на так называемом постчеловеческом мире, самообольщении от технического разума, цифровом тоталитаризме, синтезе «философии разума» и «философии сердца» как императиве времени. Очень важным является следующее обобщение авторов монографии: «все прогрессы реакционны, если рушится человек». Отрезвляюще звучат слова о том, что «пора общественности обратить внимание не только на завораживающие перспективы «цифрового мира», но и системно исследовать вызовы, угрозы и риски, связанные с внедрением новых информационно-коммуникативных технологий в общественном пространстве, дать углубленный анализ стремительному процессу технологизации социума, ведущему, как в этом убеждают факты, к дегуманизации и обездуховленности общественных отношений. Необходимо избежать повторения ошибок при формировании цифрового общества, характерных для других стран. Цифровая революция не должна нарушать гуманистические традиции нашего общества, в частности, в системе образования, где традиционно разностороннее развитие человека было в центре внимания» (с. 53).

Во второй главе «Деструктивность техногенной цивилизации: антропологическое измерение» (В. В. Карпинский) рассматриваются антропологический кризис и его параметры, трансгуманизм (сущность, проблемы, противоречия, современные трансгуманистические проекты как зоны антропологического риска).

В третьей главе «Вирус потребительства»: от человека как «божественного микрокосмоса» к «человеку экономическому» (Ч. С. Кирвель) исследуется проблемное поле *homo consumes*, про-

слеживается трансформация от духовной деградации к физическому вырождению; потребительский тип человека (от удобства управления к фундаментальному сбою социальной эволюции); СССР (от номенклатурного искусства сверхпотребительства к перестроечному перевороту и обществу всеобщего неблагополучия) (О. Ч. Кирвель). Здесь же рассматриваются альтернативы потребительству (возможности и трудности реализации).

По мнению авторов, «потребительское общество – это вселенский тупик в эволюции социума» (с. 177). Свою позицию по этой проблеме Ч. С. Кирвель аргументирует тем, что победа потребительского принципа в жизни людей обернулась новыми опасными вызовами человечеству. Это – вызов природе, господство эконоцентризма, тотальное господство обезличенной массовой культуры. Альтернативу потребительскому обществу Ч. С. Кирвель видит в том, что «после краха социалистической системы и в силу очевидной бесперспективности прозападных стратегий развития уникальное «духовно цивилизационное Я» восточнославянских народов сможет наиболее адекватно себя выразить на пути движения непотребительской духовно-экологической цивилизации третьего тысячелетия» (с. 187–188).

С. З. Семерник в четвертой главе монографии «Человек в экономическом обществе: проблемы и перспективы развития» развивает начатую в предыдущем разделе тему кризиса потребительского общества, углубляя ее за счет введения новой тематики. Здесь рассматриваются эволюция социокультурных типов личности в условиях динамики общества (прошлое, настоящее, будущее); современный социум как эконоцентричный тип общества; человек экономический как доминирующий тип личности в социокультурном контексте современности и перспективы развития личности в условиях современности (от человека экономического к постчеловеку).

В пятой главе «Образование и личность в условиях глобального финансово-олигархического капитализма» профессор Ч. С. Кирвель рассматривает обществознание и социогуманитарное образование в социокультурном и геополитическом измерении. Интересна сама постановка проблемы «академический капитализм»: современное образование в «тисках» либерально-рыночного экстремизма, современные информационно-компьютерные технологии и образование (парадигмы и противоречия). В итоге девальвация личности – воспитание со знаком «минус». В конце главы автор возвращается к роли семьи и школы в трансформирующемся социуме (проблема воспитания духовно развитой личности) (Н. В. Михалкович).

Второй раздел «Человек в социокультурном космосе Востока и в цивилизационном пространстве восточнославянского мира» открывается шестой главой «Диалог Востока и Запада как педагогическая проблема: молчание в обучении» (А. Д. Король). Здесь автор развивает очень интересную теорию, рассматривая цивилизации молчания и творения – причины непонимания, иллюзии знания как барьеры в общении.

Далее в седьмой главе «Восточнославянский социокультурный космос: место человека в пространстве отечественной цивилизации» (О. А. Романов) рассмотрены проблемы человека в истории русской философской мысли, духовная культура восточных славян и формирование констант цивилизационной идентичности, генезис и социокультурная динамика восточнославянской цивилизации (антропологический аспект). В восьмой главе «Восточнославянский антропологический тип и поиски перспективных моделей мироустройства» (О. А. Романов) анализируются современные глобальные трансформации и проблема обретения иначе-возможного бытия человека, роль и значение цивилизационных принципов восточных славян в преодолении тупиков глобального развития и, наконец, восточнославянский тип как субъект формирования новой социальной реальности.

Книга впечатляет масштабом поднятых проблем, открытостью суждений и искренним желанием авторов предупредить общественность о надвигающихся угрозах, найти адекватные ответы на новые вызовы времени, предпринять меры по нейтрализации и преодолению возникающих рисков.

Монография будет интересна всем неравнодушным и творчески мыслящим людям, поможет найти ответы на многие актуальные вопросы современности, глубже проникнуть в сущность стремительно разворачивающихся на нашей планете трансформационных процессов.

Информация об авторах

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент, доктор философских наук, профессор. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the authors

Alexander N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department. Belarusian State University (9 Kalvariyskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by

Pavel A. Vodopyanov – Corresponding Member, D. Sc. (Philos.), Professor. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova Str., 220006 Minsk, Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru